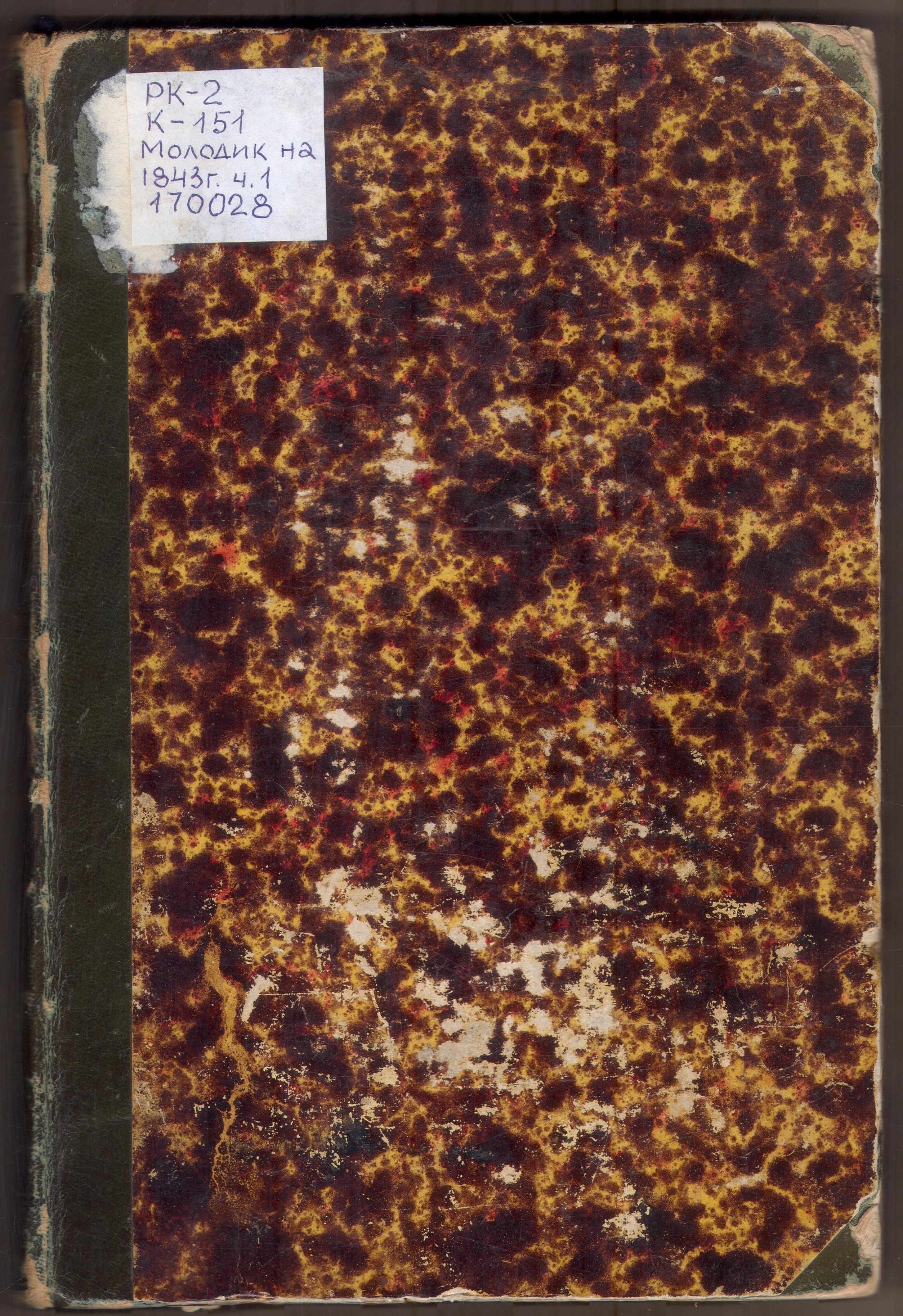
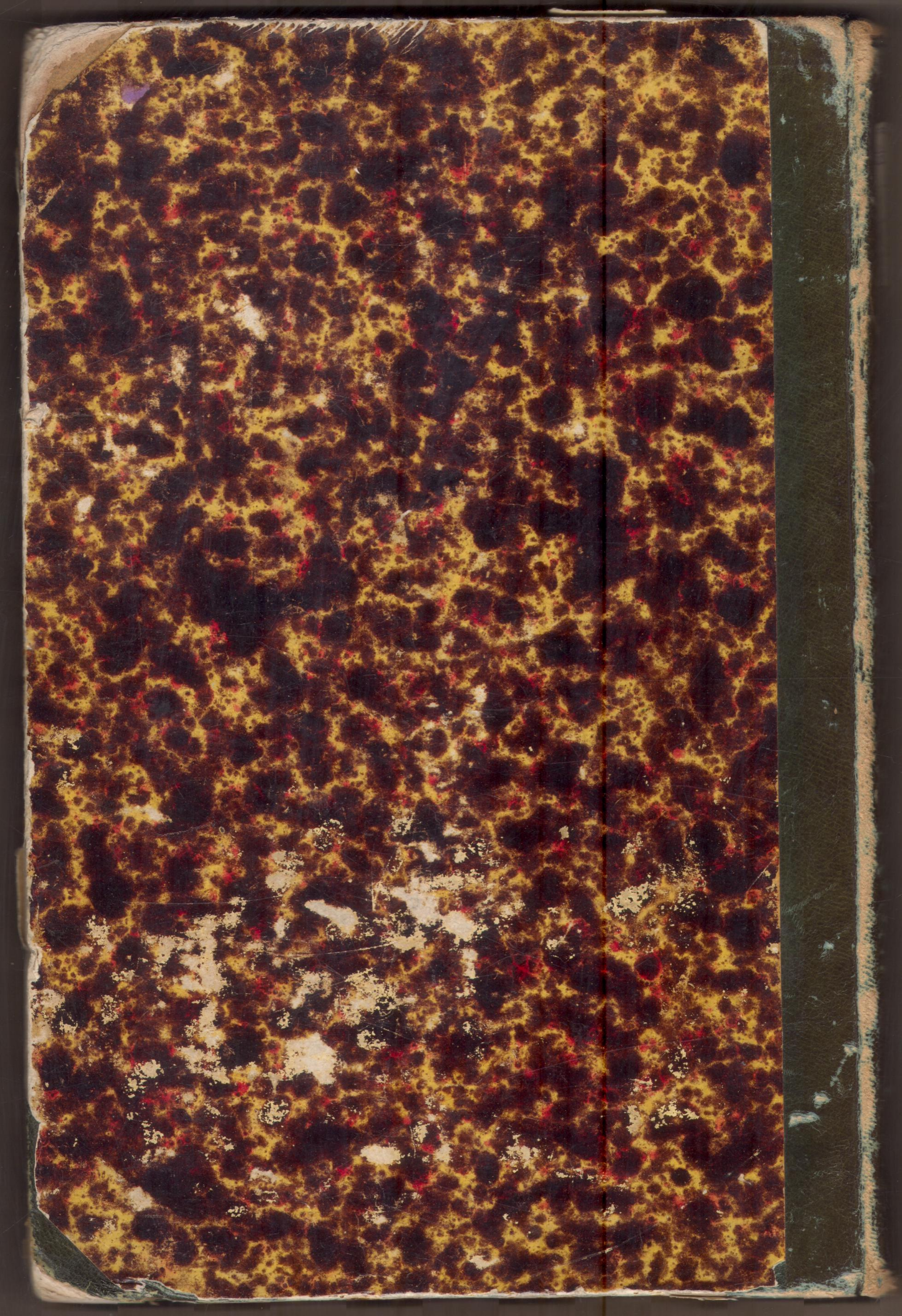
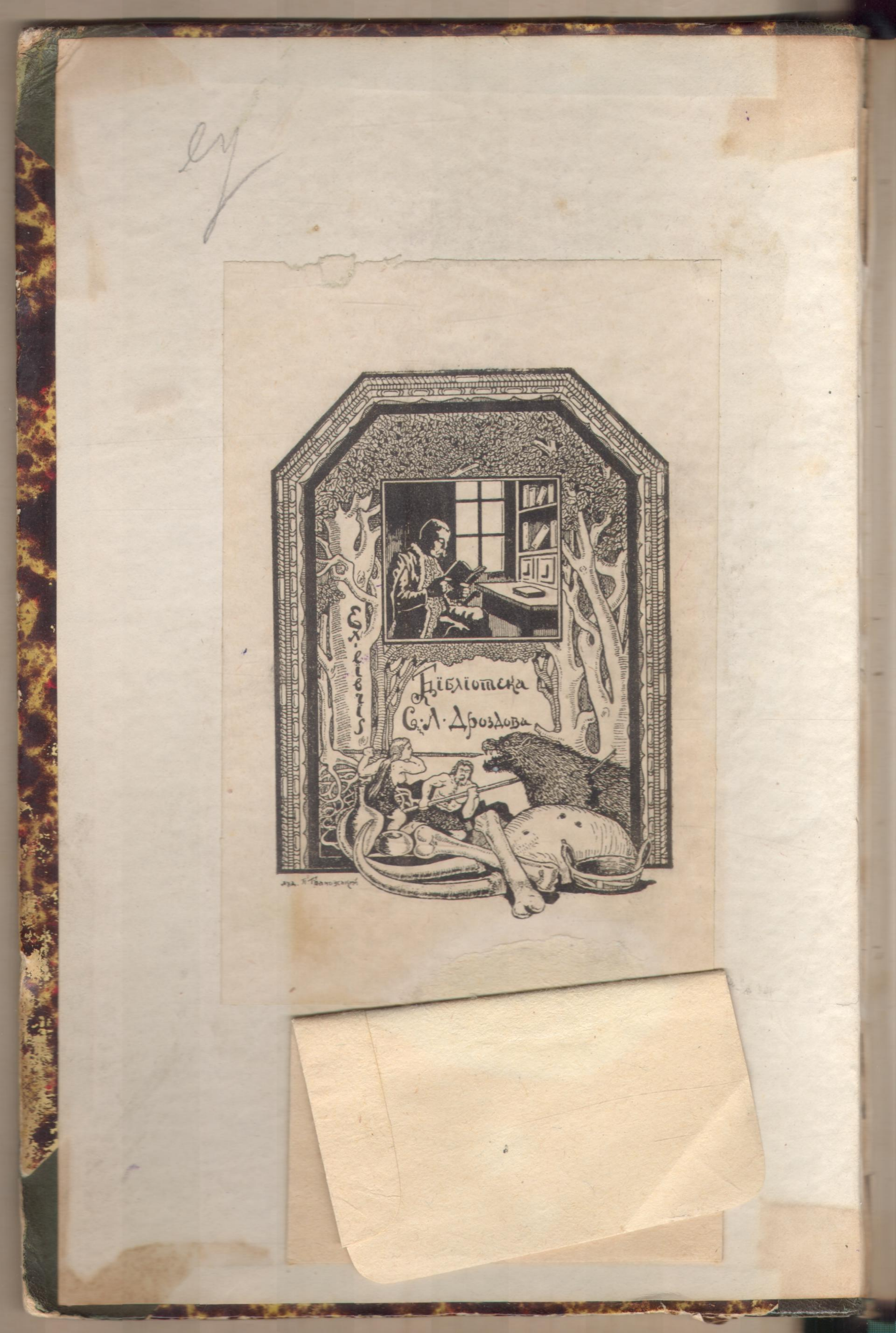
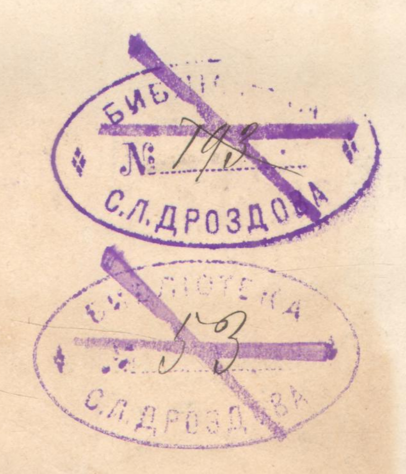
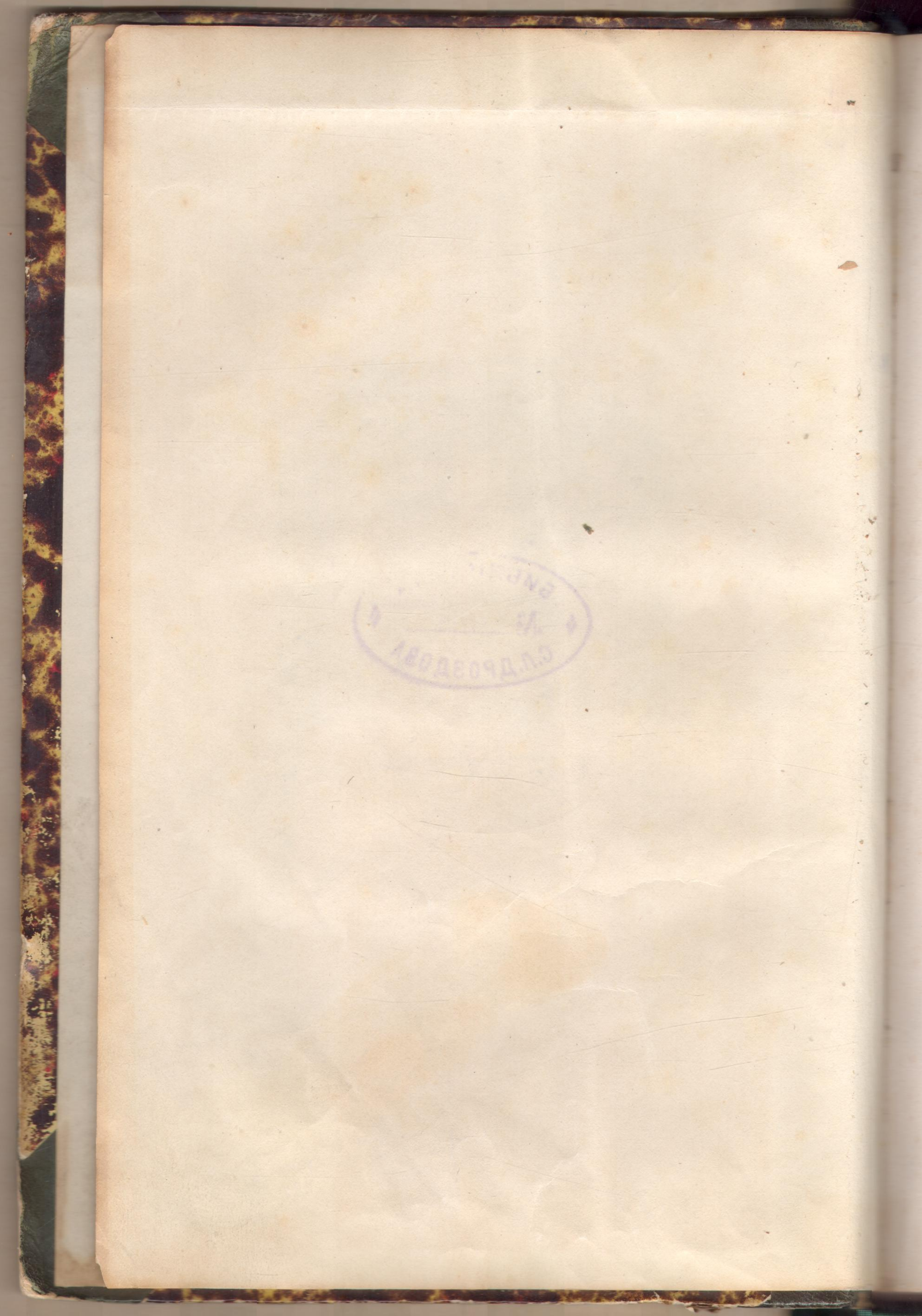

РК-2
К-151
Молодик на
1843г. ч.1
170028

МОЛОДИКЪ
НА 1843 ГОД

Ex-libris
Бібліотека
С. Л. Дроздова

БИБЛІОТЕКА
№ 793
С. Л. ДРОЗДОВА
БИБЛІОТЕКА
№ 53
С. Л. ДРОЗДОВА

Основьяненко.

МОЛОДИ́КЪ,

НА 1843 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ,

Издаваемый И. Бецкимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ университетской типографіи.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 10 Сентября 1842.

Ценсоръ А. Очкинъ.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ОСНОВАНІЕ ХАРЬКОВА.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Посвящается Валеріану Андреевичу Квиткѣ.

Да; городъ Харьковъ отличенъ отъ многихъ губернскихъ городовъ. Взгляните на него хоть слегка, хоть со всею внимательностію; прелесть! улицы ровныя, чистыя, прямыя; публичныя зданія великолѣпны, частные дома красивы, милы; магазины наполнены всякаго рода товарами, вещами въ изобиліи и безпрестанно смѣняющимися новѣйшими, изящнѣйшими; не успѣетъ что явиться въ Петербургѣ, уже привезено въ Харьковъ и продано. Училища, театръ, гостинный дворъ, различныя художественныя заведенія . . . . чего въ немъ нѣтъ! — Сколько потребно времени пройти городъ вдоль, устанешь, просто устанешь; а кругомъ обойти его, и неговорите, чтобы можно было въ одинъ день; это-же еще и безъ предмѣстій. И что въ немъ завидно, такъ это то, что въ нынѣшнемъ году городъ былъ, кажется, конченъ совсѣмъ; крайній дворъ извѣстенъ; на слѣдующій годъ, глядишь, уже отъ того двора выдвинулось въ поле нѣсколько улицъ, выстроены до-

мики, — и границы города измѣнились. — Да чего? самая Основа (не забудьте пожалуйста объ этомъ; намъ нужно будетъ вспомнить), Основа уже почти соединена съ городомъ, — городъ вливается въ нее. — Въ семъ году ходишь по городу, идешь изъ улицы въ улицу, видишь домики, дома, деревянные, не только не ветхіе, но еще и не старые; зайдешь туда на другой годъ . . . . батюшки свѣты! гдѣ я? . . . Все это застроено новыми, каменными, уже не домами, а палатами обширными, въ два, три, четыре этажа; и все красиво, мило, и все и вездѣ наполнено народомъ, вездѣ жизнь, движеніе, суета . . . . нѣтъ, именно нѣтъ во всемъ городѣ пустаго, не занятаго уголка. — На будущее лѣто выростетъ изъ земли пятьдесятъ домищевъ въ нѣсколько этажей, каждый растянется на десяткахъ саженей, верхъ еще кладутъ, до крыши далеко, а въ низу жильцы движутся, промышляютъ . . . . Стало быть, нужно строиться, есть изъ чего строить. Стало быть, народъ прибавляется, — непокидаютъ Харькова, а стекаются въ него изъ разныхъ мѣстъ. — Стало быть, въ немъ жить привольно, покойно, удобно: мастеровому, если только не сидитъ безъ работы; промышленнику, который удачно ведетъ свои обороты; купцу, сбывающему выгодно свой товаръ; гдѣ имъ защита и покровительство отъ начальства, такъ они туда роемъ летятъ. Классу людей, понимающихъ къ чему ведутъ науки, ужъ какое удобство обучать дѣтей! изъ какихъ мѣстъ не наѣзжаютъ въ Харьковъ! — Расположились прожить пока дѣти окончатъ ученіе, глядишь, купили домъ, остались жить у насъ навсегда: покойно, угодно, неубыточно, весело . . . . что еще нужно для безмятежной жизни? . . .

Посмотрите вы на этого молодца, на этого франта между городами, посмотрите на Харьковъ въ праздничный, торжественный день, —чудо!—Стукъ экипажей по мостовымъ въ разныхъ улицахъ, всѣ спѣшатъ къ одному пункту . . . . экипажи что ни наилучшіе; модно, блестяще, красиво; кони завидные, упряжь одна другой нарядн҃ѣе, свѣтится, сіяетъ какъ жаръ; кучера въ ямскихъ, лихо отдѣланныхъ, хватски изукрашенныхъ кафтанахъ; ловкіе, лихіе лакеи въ блестящихъ ливреяхъ съ аксельбантами.... стоишь въ сторонкѣ, любуешься глядя на все это; нечего похулить! — Войдите въ Соборъ: пройдите черезъ ряды купечества, степенно, важно стоящаго, да какого купечества?—Гдѣ случается имъ бесѣдовать между собою о своихъ дѣлахъ, тамъ милліоны у нихъ за урядъ, а о сотняхъ тысячахъ рѣдко и говорить приходится. Идите далѣе: вотъ вы въ кругу чиновниковъ; всѣ въ мундирахъ, блестяще, пышно, важно, золото, серебро, блескъ; взгляните на лѣво: дамы, дѣвицы, всюду скромность, красота, прелесть убранства, наряды, все прилично, все со вкусомъ; перлы, брилліанты, тутъ послѣднее дѣло . . . . смотрите, и не насмотритесь; любуетесь, не налюбуетесь!

Всѣ эти добрые Христіане проводятъ день всякій по своему состоянію, дружно, согласно, а потому и пріятно. Въ одномъ домѣ двадцать, въ другомъ тридцать, пятьдесятъ обѣдаютъ. Вездѣ роскошь, изобиліе! Лучшія яства, вина, сочные свѣжіе плоды, серебро, хрусталь, вазы съ цвѣтами . . . . . Говоръ, шутки, смѣхъ, свобода приправляютъ обѣды. Разговоры безъ пересудовъ, хотя изъ обѣдающихъ больше половины дамъ; безъ сплетней; разсужденія здравыя, прямыя; судятъ, рядятъ о музыкѣ,

литературѣ, произведеніяхъ искуствъ, прислушиваешься.... сужденія точнѣе, je vous assure дѣльнѣе, чѣмъ въ иномъ журналѣ.

Пришелъ вечеръ. Не сговаривались, не условливались, а всѣ опять вмѣстѣ, въ театрѣ или въ благородномъ собраніи, Въ театрѣ есть на что посмотрѣть, есть чѣмъ заняться и потомъ послушать хоть и не печатныхъ, а дѣльныхъ сужденій. Входите въ благородное собраніе.... зала превосходная, огромная!.... Цари хвалили ее!.... Свѣтъ, блескъ, многолюдство. Чинно, пристойно, весело; въ толпѣ васъ никто не тѣснитъ, кажется заботится о вашемъ спокойствіи. Поговорите съ кѣмъ и о чемъ угодно; находите знаніе, образованность, свѣденія.... Взгляните на прекрасный полъ, сидящій на возвышеніи въ ожиданіи бала. А? что скажете? Цвѣтникъ, сударь, да еще какой! Отличныхъ, прелестныхъ, цвѣточекъ къ цвѣточку подобранныхъ, благоуханныхъ, ароматныхъ.... ну, не приберу словъ; голова отупѣла, гляжу, любуюсь и.... Наряды, убранство, ловкость во всемъ; все у мѣста, граціозно, лучше нельзя придумать. Поговоривши съ молодыми людьми, васъ окружавшими, вы пріятно провели время, насладились дѣльнымъ разговоромъ.... Подойти къ цвѣтнику, любуетесь; вотъ студенты, чиновники.... О чемъ вамъ угодно будетъ поговорить, о литературѣ русской, французской, о музыкѣ нѣмецкой, италіянской, о композиторахъ.... судъ здравый, толковый, французскій языкъ правильный, выговоръ чистый... Столица, право-слово, столица!....

Музыка гремитъ, кадрили, вальсы, мазурки, все идетъ своимъ порядкомъ. Вездѣ грація, ловкость, пристойность, въ парныхъ разговорахъ острота, любезность, немножко

кокетства, столь прелестнаго въ прелестныхъ, необходимаго въ милыхъ.... глядишь.... и узелокъ завязался....

Вообще видите стройность, образованность, пышность безъ чванства, хлѣбосольство, радушіе, вкусъ, здравое сужденіе, умѣніе жить........

Смѣшонъ мнѣ нашъ Харьковъ!.... Какъ онъ упитался, какъ онъ распространился, какъ онъ разукрасился! Привлекъ къ себѣ иногородныхъ торговыхъ гостей, ворочающихъ милліонами, вкоренилъ ученіе высшимъ наукамъ, самъ принарядился, расфрантился, шаркаетъ по европейски, отплясываетъ французскія кадрили, погуливаетъ на многолюдныхъ ярмаркахъ, припасаетъ самое лучшее изъ наилучшаго, любезничаетъ съ дамами, не наговорится о премудрости, чванится далекою о себѣ славою, гордится передъ своими братьями, не даетъ никому ступить себѣ на ногу, поглядываетъ только какъ и старшіе его братья шапки предъ нимъ снимаютъ, а самъ, заломя голову, руки по столичному заложа въ карманы, думаетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ *фря* какой!.... Эхъ, голубчикъ ты мой! Ну, что, какъ я разскажу про твое рожденіе, какъ ты росъ и мужалъ? Каковъ былъ ты въ началѣ и каковъ теперь — сравнить, такъ просто умора! Былъ такъ — себѣ, ничего, даже и въ простые городишки не наровился, а глядишь, ка̀къ счастіе послужило?

Не угодно-ли послушать истинной правды?

═

Въ древнемъ Русскомъ городѣ Кіевѣ, стонавшемъ подъ игомъ польскаго владычества, хозяинъ одного дома, окончившій службу и жившій на свободѣ, по прозванію панъ

Ясенковскій, 1604 года, Іюня въ 13-й день, отобѣдавъ вкусно, и, по обычаю благочестивыхъ предковъ, соснувши порядочно, къ вечеру, когда свалилъ жаръ солнечный, вышелъ на крыльцо, сѣлъ на стулъ, думалъ о сёмъ, о томъ и — кто его знаетъ, — о чемъ онъ не передумалъ! Далѣе какъ слѣдуетъ, зѣвнулъ разъ — другой — пятой.... вдругъ слышитъ кто-то ударилъ въ кольцо.... хозяинъ приказалъ прислугѣ узнать, кто у калитки и какое имѣетъ къ нему дѣло? Спросившій донесъ, что это подъѣхалъ на телегѣ какой-то больной старичокъ и съ нимъ мальчикъ — дитя. Больной — де — проситъ Христа ради впустить его во дворъ и не дать ему середи улицы умереть.... «Христа ради? всклинулъ хозяинъ: — » скорѣе отвори ворота, пусть въѣзжаетъ.

Хозяйскій прислужникъ ввелъ лошадь съ телегою. Слабый, больной, едва движущійся старикъ лежалъ протянувшись въ пустой телегѣ. Подлѣ него сидѣлъ мальчикъ семи — восьми лѣтъ, необыкновенно красивый. Голубые глазки его даже помутилися отъ слезъ, бѣленькое личико загорѣло отъ солнца, платье на немъ.... лохмотья, ноги босикомъ.

Хозяинъ подошелъ къ старику, началъ распрашивать, кто онъ, изъ какихъ мѣстъ и куда Господь его несетъ...?

«Мой путь..., коротокъ; — едва могъ проговорить старикъ и потомъ собираясь съ силами, продолжалъ: — » путь конченъ.... въ могилу.... накормите дитя..... цѣлый день не кушалъ....»

И уже хозяйка съ дочерью выхватили мальчика, повели его въ домъ, поспѣшили накормить, потомъ умыли, причесали, нашли сколько нибудь пристойное платьице, сапож-

ки.... мальчика ни что незанимало, онъ какимъ-то смѣшаннымъ нарѣчіемъ просилъ, чтобы его отпустили къ Агафону.

Старика уже внесли въ особую избу и привели къ нему мальчика. Во все время его отсутствія, старикъ замѣтно, безпокоился и все посматривалъ кругомъ, но когда увидѣлъ его близь себя и уже пріодѣтаго, вздохнулъ свободно и силился что-то сказать, но выговоривъ: «Богъ вамъ....» ослабѣлъ, замолчалъ и вскорѣ уснулъ.

Хозяева увели мальчика къ себѣ, ласкали его, а болѣе всѣхъ любовалася имъ панна, хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати. Она завладѣла имъ совершенно.

«Какъ тебя зовутъ, душка? спрашивала она его.

— Андрей. —

«А панъ - отца твоего, батюшку какъ зовутъ?»

— Батюшка. —

«А еще какъ?»

— Ни какъ больше. —

«Гдѣ онъ?»

— Поѣхалъ. —

«Куда?»

— Незнаю. —

«А этотъ Агафонъ, кто онъ такой?»

— Онъ нашъ. —

«Онъ взялъ тебя отъ батюшки?»

— Нѣтъ, батюшка велѣлъ ему со мною уйти, а Агафонъ купилъ лошадь, да привезъ меня къ вамъ въ Кіевъ. Меня одного, а Гриши уже не было. —

«А кто же этотъ Гриша?»

— Кто? А какъ же? братъ мой. —

«Гдѣ же онъ?»

— У тетушки. Вотъ-то ужъ вѣрно забудетъ совсѣмъ по Русски!

«Кто же тетушка твоя и гдѣ она живетъ?»

— Еще дальше того города, гдѣ мы жили; а я незнаю ничего, хоть и неспрашивайте. Спросите у Агафона. О! онъ все знаетъ. И какія сказки умѣетъ разсказывать! Какъ я былъ еще маленькій, такъ онъ много мнѣ ихъ говорилъ. А Гриша бывало тотчасъ уснетъ. —

И изъ такихъ короткихъ отвѣтовъ не все можно было понять, потому что онъ въ нихъ вмѣшивалъ нѣмецкія слова.

Агафонъ же былъ такъ слабъ, что его несмѣли безпокоить разспросами. Въ дорогѣ и подъѣзжая къ Кіеву, онъ преодолѣвалъ болѣзнь и напрягалъ силы, чтобы добраться до города; а когда уже нашелъ пристанище, то бодрость и напряженныя послѣднія силы оставили его и онъ, къ вечеру, впалъ въ безчувствіе.

По утру, онъ казался крѣпче и свѣжѣе; на разспросы пана Ясенковскаго отвѣчалъ: — «Не смогу еще всего порядкомъ разсказать; много — много намъ горя было!.... Дастъ Богъ, укрѣплюся еще маленько, долженъ вамъ все открыть, чтобъ вмѣстѣ отыскивать боярина моего.... Приголубьте сироту.... дитя боярское....»

— Отдохни, старикъ! Тебѣ тяжело говорить. Будешь покойнѣе, пришли за мною, мнѣ хочется все знать. —

«Что могу, разскажу.... Нужно бы и боярина отыскивать.... коли смерть несвяжетъ.... Охъ, бѣдный бояринъ!.... и старикъ замолкъ, утирая слезы.

Панъ Ясенковскій оставилъ его, чтобы онъ не изнурилъ себя разсказами.

Еще насталъ день, но старикъ видимо слабѣлъ.... Къ вечеру спросилъ священника и примолвилъ: «по нашего.... нашего, православнаго.... святаго закона. Благодарю Бога, что кости мои не останутся въ невѣрной землѣ, а лягутъ въ Богоспасаемомъ градѣ!....

Изъ ближняго монастыря призванъ былъ духовникъ, но по слабости больнаго, исповѣдь была краткая и онъ, пріобщившись Св. Таинъ, призвалъ пана Ясенковскаго и съ большимъ усиліемъ сказалъ: — «Умираю, батюшка!... Не оставьте сироты!.... Бояринъ.... скоро будетъ въ Кіевъ.... коли благополученъ.... Спросите въ Лаврѣ.... у отца.... забылъ. Здѣсь (положивъ руку на свои рубища) цѣпь... гривна... крестъ... въ опалѣ онъ... бумаги... Господи! я вѣрный рабъ... сохранилъ...» далѣе изъ словъ его не можно было ничего понять... потомъ затихъ и скончался.

Въ рубищѣ, бывшемъ на немъ при пріѣздѣ къ пану Ясенковскому, найдены зашитыми въ полахъ и рукавахъ золотыхъ и серебренныхъ, разныхъ цѣнъ, пятьдесятъ шесть монетъ; также золотой кресть, длинная цѣпь чистаго золота русской работы. Гривны же и бумагъ, о коихъ упоминалъ Агафонъ, во все не было. Находили мѣста, гдѣ было зашиваемо нѣчто большое, но какъ Агафонова одежда была ветха, то зашитое прорывало платье. Старикъ перешивалъ въ другое мѣсто, и легко случится могло, что изъ послѣдняго мѣста, все сохраненное, также протерши рубище, выпало гдѣ нибудь въ дорогѣ, и Агафонъ въ слабости отъ болѣзни не почувствовалъ и нехватился, а умирая полагалъ, что все при немъ.

Взвѣсивши цѣпь, панъ Ясенковскій съ духовникомъ

записали вѣсъ ея и число монетъ, сложили все это въ одинъ ящикъ, съ описаніемъ при какомъ случаѣ все это найдено, запечатали общими печатями и панъ принялъ на свое сохраненіе. Крестъ же, какъ видимо, данный ребенку при крещеніи, тутъ же повѣсили на маленькаго Андрея.

На этомъ крестѣ, длиною въ вершокъ и довольно полновѣсномъ, съ одной стороны изображено было распятіе, отличной, *заморской* работы, а на другой сторонѣ вырѣзаны были русскія, церковныя слова, подъ титлами, но только такъ неясно, и безъ раздѣленія слова отъ слова, что видимо было, что ихъ вырѣзывалъ незнающій русскаго языка, и копировалъ изъ написаннаго. Почти всѣ буквы были исковерканы, нѣкоторыя уподоблялись нѣмецкимъ, даже были, вмѣсто буквъ, произвольныя фигуры, неозначающіе ничего. Вотъ что ясно прочесть можно было:

«...раба Божія, боярина Москов.... с.....
««Афанас....сынъ Андрей, родился въ лѣт....
««7102 Ноемвр... въ 24 д... въ Ригѣ.»

Вѣрнаго раба Божія и усерднаго слугу боярскаго Агафона, похоронили по приличію. Малютка Андрей, чувствуя свое положеніе, плакалъ неутѣшно. Потомъ убѣдительно просилъ пана Ясенковскаго «пойти въ Кіевъ отыскать отца и Гришу и привести ихъ къ нему.»

Панъ Ясенковскій, сколько могъ, объяснилъ ему, что незнавши вовсе кто отецъ его, гдѣ онъ находится, не возможно дѣлать розысковъ. Что-бы чѣмъ разсѣять его, сдѣлано было для него новое, панское платье. Замѣтили, что онъ какъ будто любуется имъ. «Андрей! — спросилъ его панъ Ясенковскій: — »скажи мнѣ, у тебя никогда небыло такого наряднаго платья.?»

— О, какъ же! — отвѣчалъ онъ: — » у насъ съ Гришею много — много платьевъ гораздо лучше этого. А теперь я радуюсь, что оно лучше того, которое дали вы мнѣ какъ пріѣхалъ я къ вамъ. А въ какомъ я пріѣхалъ . . . . такъ и не показывайте мнѣ. Да это Агафонъ нарочно вздѣлъ на меня такое и самъ надѣлъ лохмотья. —

Замѣтили, что малютка одаренъ былъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ, дѣлался живѣе и развязнѣе, и панъ Ясенковскій, сталъ выспрашивать его, гдѣ онъ прежде жилъ и съ кѣмъ, что помнитъ изъ дѣтства своего, и вотъ что Андрей разсказывалъ:

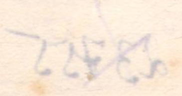
«У меня были батюшка, матушка, Агафонъ, Василиса, да еще . . . . ну, да тѣ были не добрые ко мнѣ, портили мои игрушки и частенько обижали меня. Я, разъ, пожаловался на нихъ батюшкѣ, но какъ онъ ихъ выдралъ за уши и таки порядочно, да грозилъ, что впередъ и не такъ накажетъ, такъ мнѣ стало ихъ жаль и послѣ того что бы они мнѣ ни сдѣлали, какъ бы ни досадили я уже молчалъ; а они тутъ — то еще больше меня обижали. Жаль было и батюшку огорчать; онъ былъ всегда печальный, а особливо какъ получилъ письмо, ужъ онъ его читалъ, перечитывалъ, плакалъ горько и цѣловалъ письмо . . . . Вѣрно, оно было святое? . . . Съ матушкою часто бывало говорятъ о Москвѣ и тутъ — то батюшка горько — горько плакалъ!

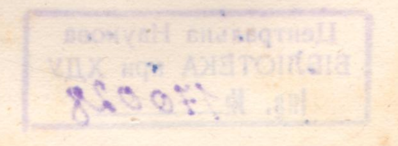
«Однажды онъ проговорилъ: О Москва, Москва? полетѣлъ бы къ тебѣ!» Меня это очень испугало. Гриша былъ еще маленькій, онъ не могъ понять этого; ему ни до чего нужды небыло, все съ своими игрушками....Какъ сказалъ батюшка, что полетѣлъ бы въ Москву, такъ я

и началъ бояться, чтобъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не полетѣлъ, и все, бывало примѣчаю за нимъ; куда онъ ни пойдетъ, а я за нимъ, да и смотрю не собирается-ли онъ летѣть . . . . не смѣйтесь-же; мнѣ жаль было бы разстаться съ нимъ!

«Разъ мы спали . . . . вдругъ насъ схватываютъ, уносятъ . . . . и повезли. Тутъ мы начали жить не въ томъ городѣ, а въ другомъ; тамъ уже было не множко домовъ. Гриша говорилъ семь, по право меньше; онъ еще неумѣлъ считать; а было всѣхъ десять домовъ. Да какіе-же смѣшные дома! маленькіе, тѣсные; въ такомъ и мы жили. Батюшка не выходилъ никуда, все въ запертой комнатѣ сидѣлъ. Да не можно ему было никуда вытти; онъ такой высокій, а двери низенькіе; какъ идетъ изъ комнаты въ комнату, то и наклоняется. Вдругъ матушка наша умерла. Она много плакала тихонько отъ батюшки, видѣвши, что онъ запрячется особо и плачетъ, и все о Москвѣ вспоминаетъ. А какъ жаль, что матушка умерла! Она уже было начинала говорить по русски; а то всегда говорила съ батюшкою и съ нами по нѣмецки. И какая она была!... Что она мнѣ говоритъ, я все понимаю, а она меня во все непонимаетъ. Толкую, толкую, а она и ничего — Батюшка все понималъ по русски, и съ нами говорилъ, и нянѣ Василисѣ и Агафону приказывалъ говорить съ нами по русски; а какъ имъ иначе и говорить? они только и знали по нѣмецки, что нѣсколько словъ. Съ начала какъ умерла матушка, я не очень плакалъ; какъ же опускали ее въ землю и батюшка плакалъ на взрыдъ и цѣловалъ матушку, даже и тотъ, въ черномъ, что много читалъ надъ нею, такъ и тотъ плакалъ, тутъ ужъ и я плакалъ много уви-

дѣвши, что матушку спрятали и она уже не будетъ съ нами, не будетъ насъ голубить и цѣловать!....»

Андрей утеръ крупныя слезы и продолжалъ:

«А Гриша, такъ тотъ все плакалъ, да будилъ матушку, что бы встала и кончила чулочки, что начала вязать для него. Онъ, знаете, былъ тогда маленькій и не понималъ, что какъ умрешь, такъ уже не встанешь, много — много плакалъ я за матушкою!.... Батюшка любилъ меня и цѣловалъ много, да все какъ-то не такъ, какъ матушка.

Долго, не знаю сколько дней мы уже жили безъ матушки. Ужъ и Василиса умерла, говорили чрезъ два года послѣ матушки. Батюшка еще чаще плакалъ и уже говорилъ: «не хочу въ Москву, здѣсь умру. Ты, Агафонъ, отвезешь ихъ къ Борису. Отдастъ имъ все, хорошо; но ужъ не загубитъ; а здѣсь что дѣлать мнѣ съ ними? Подростаютъ, какъ ихъ устроить?» Да и въ самомъ дѣлѣ, я, послѣ матушки, выросъ порядочно; не знаю какъ Гриша, потому что когда матушку спрятали въ землю, такъ его взяла къ себѣ наша тетушка, такая добрая!

Батюшка уже выходилъ и уѣзжалъ отъ насъ часто. Какъ-то, въ одинъ вечеръ пріѣхалъ, да такой печальный?... позвалъ Агафона къ себѣ и что-то ему шопотомъ говорилъ. Тотъ какъ зарыдаетъ, да такъ и упалъ къ ногамъ батюшки и, слышно мнѣ, проситъ: «Не губи, говоритъ, кормилецъ души своей, не иди на явную смерть, грѣхъ! А убійцею станешь, такой же смертельный грѣхъ!» Батюшка все приказывалъ ему, когда что утромъ услышишь обо мнѣ, такъ тотъ-часъ возми здѣсь что есть нашего и Андрея, заѣзжай за Григоріемъ къ сестрѣ, и вези ихъ въ Москву. Я ночью заготовлю письма, отдашь въ

Москвѣ кому слѣдуетъ, авось доложатъ Царю.» Много — много что говорилъ, я слушалъ, слушалъ, да и заснулъ.

«Разбудили меня еще ночью. Батюшка схватилъ меня на руки, цѣловалъ — цѣловалъ.... и ужъ какъ плакалъ!... Все говорилъ: «Бѣдные сироты! Богъ васъ не оставитъ!» Потомъ сказалъ: «Слушай, Андрей, и помни что я буду говорить, никогда незабудь. Благословляю тебя, сынъ мой! Отецъ небесный да благословитъ васъ!... Увидишь брата, положи ему руку вотъ такъ на голову и скажи: Братъ! пріими родительское благословеніе!» — Я это очень помню. Послѣ этого батюшка взялъ саблю, да такую большую! — и скоро пошелъ куда-то. Оставшись одинъ, я все твердилъ батюшкины слова, что сказать Гришѣ, а Агафонъ — онъ уже одинъ у насъ и былъ — такъ онъ все стоялъ предъ образомъ, да клалъ поклоны и горько плакалъ.

«Уже былъ день; Агафонъ спѣшилъ укладываться, какъ вбѣгаетъ батюшка, блѣдный — блѣдный какъ вотъ бумага и закричалъ:» Агафонъ! я убилъ его!... меня схватятъ!.... Кинь все. Бери Андрея и, какъ знаешь, пробирайся къ Кіеву. Тамъ я васъ найду. Гришу вышлю къ вамъ. Скорѣе спасайся; скоро придутъ. Не найдя меня, будутъ мстить дѣтямъ. И въ дорогѣ старайся, чтобъ не узнали тебя.»

«Сказавъ это, разцѣловалъ меня, облилъ слезами и скрылся, закричавъ: найду васъ въ Кіевѣ!

Агафонъ только что успѣлъ схватить руку его и поцѣловалъ горько рыдая. Потомъ досталъ какую-то шкатулку, взялъ ее и повелъ меня за руку. Шли мы не по дорогѣ и я скоро усталъ. Агафонъ понесъ меня и какъ ни старъ, а шелъ скоро и дошелъ до лѣса. Вошедши въ густоту

лѣса, упалъ и сталъ точно недвижимъ; такъ истомился идучи скоро и еще меня неся на рукахъ. Я былъ голоденъ и жаловался о томъ Агафону, а онъ просилъ меня какъ нибудь потерпѣть, потому что прежде вечера не можно выйти изъ лѣса.

Передъ вечеромъ, онъ раздѣлъ меня и самъ также снялъ съ себя платье и зарылъ все это съ шкатулкою въ землю; потомъ взялъ меня почти въ одной рубашонкѣ какъ и самъ былъ и повелъ изъ лѣса. Скоро мы пришли въ какой-то городъ также не большой. Тутъ онъ началъ выпрашивать у живущихъ тамъ людей платья для насъ и разсказывалъ — да какъ смѣшно: слово по нѣмецки, другое по русски, а чего не поймутъ слушающіе, такъ онъ руками размахиваетъ; и наговорилъ имъ, что будто насъ ограбили разбойники. А это во все была не правда. Это онъ хотѣлъ только одурачить ихъ, а тѣ и повѣрили, надавали намъ платьишковъ дрянныхъ, вотъ въ которыхъ я пріѣхалъ къ вамъ. Нужды нѣтъ что было все старое и дравое, мы одѣлись въ него. Агафонъ все просилъ меня не вмѣшиваться въ его разсказы и не смѣяться, потому что я, глядя на него и на себя, такъ и готовъ былъ расхохотаться. Тутъ же въ этомъ городѣ мы и переночевали, а на другой день пошли въ тотъ лѣсъ, гдѣ было спрятано наше платье.

Какой же хитрый Агафонъ, такъ вы не повѣрите! Ни мнѣ не далъ, ни самъ не вздѣлъ прежняго платья, а все это распоролъ и увязалъ въ узелъ да и повѣсилъ на себя. Шкатулку разбилъ, досталъ длинную золотую цѣпь, большой талеръ, что-ли, весь золотой, кучу денегъ и бумаги. Все это, также и вотъ этотъ крестъ снялъ съ меня

и зашилъ по частямъ въ свое лохмотье. Такъ мы и пошли. Прійдемъ въ какой городъ, большой или маленькой, онъ и продастъ тутъ одинъ лоскутъ, а прочихъ и не показываетъ; да на тѣ деньги купитъ хлѣба и чего нужно, накормитъ меня. Видѣвши, что я устаю и ему тяжело меня нести, онъ досталъ изъ лохмотья денегъ и въ одномъ городѣ купилъ телѣгу и вотъ эту лошадь что насъ привезла къ вамъ. А знаете какая она лѣнивая? Насилу везла насъ.

Вотъ мы долго ѣхали — и что же дѣлалъ Агафонъ? Какъ пріѣхали гдѣ уже Нѣмцевъ нѣтъ, а все Русскіе и всякіе люди, тутъ онъ какъ повстрѣчается съ ѣдущими или идущими что много народу, а особливо солдатъ, тутъ онъ соскочитъ съ телѣги, да и начнетъ просить милостыни, да такъ жалко, что я хохочу себѣ тихонько. Намъ же никто ничего не давалъ. «Нужды нѣтъ — говоритъ бывало Агафонъ: —» пусть и не даютъ ничего, да думаютъ, что мы бѣдные, да только бы насъ не ограбили и не взяли бы твоего сокровища.»

«Долго мы ѣхали и мнѣ очень наскучило. Все думаю: когда мы пріѣдемъ въ этотъ далекій Кіевъ и я увижу батюшку и Гришу? Сколько разскажу брату диковинокъ, что видѣлъ по дорогѣ?

«Уже Агафонъ говорилъ, что скоро пріѣдемъ въ Кіевъ, какъ онъ и заболѣлъ!... Черезъ силу бывало впряжетъ лошадь и взлѣзетъ въ телегу, а правлю все больше я. Я выучился править и знаю, куда на право и на лѣво поворотить. А вотъ уже послѣднюю ночь, не далеко отъ этого Кіева, такъ Агафонъ не могъ и съ мѣста встать. Хозяинъ его уложилъ и лошадь намъ запрягъ, мы и поѣхали. Въѣхали въ Кіевъ, Агафонъ мнѣ и говоритъ: «Те-

перь, Андрюша, куда тебѣ Богъ укажетъ, туда и просись во дворъ, а я не могу слова вымолвить.» Вотъ я ѣду улицею, гдѣ мнѣ понравится, я слѣзу съ телѣги, ударю въ кольцо, выйдутъ, спросятъ и узнавши, что больной старикъ и бѣдный мальчикъ, запрутъ калитку и хоть разстучись, будто и не слышитъ никто. Такъ я провезъ Агафона долго, ни гдѣ невпустили, насилу вотъ уже вы приняли насъ.»

Такъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пересказывалъ маленькій Андрей по частямъ свою исторію. Въ разсказъ свой онъ вмѣшивалъ много словъ нѣмецкихъ или русскія коверкалъ на нѣмецкій ладъ; изъ чего можно было ясно видѣть, что онъ во все время былъ съ Нѣмцами. Родился въ Ригѣ, какъ сказано на крестѣ —разсуждалъ панъ Ясенковскій, такъ оно и немудрено. Скажи ты мнѣ, какъ Агафонъ называлъ тебя по отечеству или какъ звали батюшку твоего? Почему же на крестѣ написано какъ будто Афанасіемъ? «А кто его знаетъ. Батюшку иначе незвали какъ бояринъ, а меня Андрюшею, а бумаги нужныя для меня, Агафонъ, въ болѣзни потерялъ.» — Думаю такъ и написать его «Афанасіевымъ» сходно съ надписью на крестѣ. — Какъ думаете?» спросилъ панъ у своей жены.

—За чѣмъ такое прозваніе давать? — сказала тутъ же бывшая на совѣтѣ дочь ихъ, принимавшая большое участіе въ маленькомъ Андреѣ: то имя отца его, а хлопчикъ такій гарный, дуже красивый, я уже прозвала его Квиткою (*). Именно якъ квитка. —

«Ну, ладно. Пусть будетъ Андрей Афанасьевичь Квитка, пока отыщется его отецъ.... А гдѣ и какъ мнѣ его оты-

(*) Цвѣтокъ.

скивать? Спросить, сказывалъ Агафонъ умирая, въ Лаврѣ у отца, а у какого? Кто его знаетъ, не сказалъ. Мало-ли тамъ отцевъ!»

Принимая, однако же, большое участіе въ судьбѣ маленькаго Андрея, пошелъ въ Лавру, но ни отъ кого не могъ ничего узнать. Если бы кто изъ монашествующихъ и имѣлъ сношенія съ русскимъ бояриномъ, хотя бы и опальнымъ, изгнаннымъ изъ отечества, а потому и сношенія тайныя, открылъ-ли бы онъ человѣку постороннему, да еще и кіевлянину, быть можетъ подосланному отъ польскаго начальства вывѣдать о мѣстопребываніи изгнанника.—И потому, панъ Ясенковскій ничего не узналъ отъ лаврскихъ монаховъ. Далѣе разыскивать не было никакого повода.

«Нечего дѣлать,—размысливши все, панъ Ясенковскій сказалъ:—«объявлю Воеводѣ, но поступлю осторожно, не открою всего. И безъ поляка Богъ сироту взыщетъ.»

«Добрже!—сказалъ пузатый Воевода, выслушавшій отъ пана Ясенковскаго, что маленькаго Андрея, привезъ къ нему во дворъ какой-то старикъ изъ Риги и вскорѣ умеръ, объявивъ, что Андрей урожденный московскій шляхтичъ и что отецъ его скоро пріѣдетъ за нимъ; о дальнѣйшихъ подробностяхь, онъ рѣшился умолчать. «Добрже. Нехъ хлопецъ зостается при моей яснѣйшей особѣ. Подай его сюда.»

«Гарный хлопецъ!—сказалъ Воевода, увидѣвъ введеннаго къ нему Андрея.—Якъ кличуть его.»

—Андрей, а прозваніе неизвѣстно. За пригожество его, мы назвали его Квиткою, бо точный цвѣтокъ.—сказалъ панъ Ясенковскій.

«Добрже, нехъ бендзе Квитка. Буде у мене гарный ловчій.»

—Докладалъ есмъ яснѣйшему пану Воеводѣ, что онъ прирожденный шляхтичь —

«Шляхтичъ, — вскрикнулъ Воевода, — «то Московскій шляхтичъ, а поляцкій кепъ. Мамъ такихъ шляхтичей десентками при коняхъ, при псахъ.»

Прискорбно было пану Ясенковскому оставлять Андрея въ такихъ рукахъ, но иначе не возможно было; утаить предъ Воеводою о привозѣ мальчика онъ, по тогдашнему порядку, не долженъ былъ, власть Воеводы во всемъ была неограниченна. При томъ же, думалъ онъ, отецъ Андреевъ прибывъ въ Кіевъ, скорѣе всего у Воеводы будетъ стараться узнать о сынѣ своемъ.

Маленькій Андрей, за ловкость и понятливость свою, точно поступилъ бы въ псари яснѣйшаго Воеводы Кіевскаго, и какая была бы участь его?!

Но Промыслъ, пекущійся о всѣхъ, и еще болѣе о сиротахъ ведетъ ихъ къ счастію неиспытанными для насъ судьбами! — Воевода разсудилъ похвалиться о знайденномъ хлопцѣ коханой своей супругѣ, а она была русская, урожденная кіевлянка.

Немудрено, что щирый полякъ и Воевода кіевскій женился на Русской; достоинства дѣвушки заглушили въ немъ національную антипатію противъ москалей и всего рода ихъ; ему также не было нужды, что она была иновѣрка и неуважала его ксендзовъ: «нехъ молится, якъ хце, жеби тилко кохала мене.» Но странно то, что русская, урожденная шляхтянка, правовѣрная, вышла за мужъ за еретика, католика, нечестивца....! — Бѣдность, обстоятель-

ства, власть родителей, до чего иногда доводятъ беззащитныхъ дѣвушекъ?! — но пани воеводова умомъ и красотою своею, умѣла взять верхъ надъ супругомъ своимъ и, хотя рѣдко, только уже при необыкновенномъ случаѣ, вмѣшиваясь въ управленіе города и области, удерживала Воеводу отъ притѣсненій русскихъ, которыхъ онъ готовъ былъ и безвинно угнетать. Не многаго труда стоило ей вытребовать, чтобы дочь ея, Марья, была окрещена и воспитана въ Греческомъ законѣ. «Якъ себѣ хцешъ!» говорилъ Воевода: — Ксендзъ, попъ, все-то есть едино. Тилко и лепско у насъ, что органы. Кеди заиграютъ, меня клонитъ ко сну; а съ вашими дяками, якъ заспѣваютъ, такъ и недумай въ церквѣ вашой вздремать.»

Такъ она-то, пани воеводова, когда привели къ ней Андрея потребовала чтобы оставить его при ней для услуги и потѣхи трехлѣтней Маси. Воевода махнулъ рукою и сказалъ свое обычное: «Якъ хцешъ.» поѣхалъ на *полеванье*.

Пани воеводова полюбила маленькаго Андрея, не отпускала его отъ себя и ласкала его одинаково съ своею Масею. Андрей чувствовалъ все это, былъ кротокъ, смиренъ, почтителенъ къ пани воеводовой, а отъ Маси не отходилъ. Скоро дѣвочка ни съ кѣмъ не хотѣла играть болѣе, какъ съ Квиткою, съ нимъ была неразлучна цѣлый день, играла, бѣгала; рѣзвилася, ѣла все съ нимъ, и не засыпала иначе какъ подъ его ласки и разсказы. Она и всѣ въ домѣ, иначе не звали его, какъ «Квитка.»

Ласкаясь къ пани воеводовой, почти всегда просилъ маленькій Квитка приказать развѣдать не пріѣхалъ ли въ Кіевъ отецъ его съ Гришею, какъ обѣщалъ умершему Агафону. Съ начала она оставляла такія просьбы его безъ

вниманія, но наконецъ любопытство заставило ее развѣдать о всемъ касающемся къ нему по обстоятельнѣе. Пригласивъ пана Ясенковскаго, распросила о всемъ въ подробности, выслушала разсказъ любимца своего, осмотрѣла со вниманіемъ крестъ на немъ и утвердилась въ мысли, что Андрей сынъ Боярина Московскаго, впавшаго въ опалу, конечно въ грозное правленіе Іоанна, или гонимаго Годуновымъ, бѣжавшаго къ Литовцамъ, тамъ женившагося и имѣвшаго сына, этого Андрея и другаго Григорія, какъ разсказывалъ Андрей. Но прозваніе Боярина старикъ неуспѣлъ объяснить, а изъ надписи на крестѣ понять во все не можно было. Онъ обѣщался пріѣхать въ Кіевъ и отыскать сына: но какъ онъ отыщетъ его и какъ развѣдать о пріѣздѣ человѣка, скрывающемъ званіе и имя свое? — «Да будетъ надъ сиротою воля Божія! — заключила она: —» покрайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, я, по возможности моей, такъ буду вести его.»

Замѣтивъ въ Квиткѣ умъ и способности, она поручила его извѣстному ученому мужу, обучать его правиламъ Вѣры и что нужно знать благородному человѣку, и онъ учился прилѣжно, успѣхи видимы были къ обрадованію пани воеводовой. Сколько же стоило малюткѣ Масѣ слезъ въ первые дни, когда она должна была отпускать по утрамъ своего Квитку къ учителю! Далѣе хотя и не плакала уже, но все съ большою грустью провожала, тосковала цѣлый день и бросивъ всѣ свои занятія, къ вечеру выбѣгала изъ дому и нетерпѣливо ожидала прихода своего товарища въ играхъ. Квитка приходилъ всегда къ ночи домой.

По привязанности пани воеводовой къ Квиткѣ, она сблизилась съ семействомъ пана Ясенковскаго и дочь ихъ, Со-

фію, часто оставляла гостить у себя. Софія утѣшалась успѣхами въ наукахъ и въ образованіи Квитки, тщеславилась, что она, сама она, придумала ему такое приличное прозваніе, признанное всѣми и усвоенное ему. Съ одинаковымъ жаромъ она принимала участіе во всемъ касающемся любимца ея.

Такъ все шло, да шло. Квитка учился, выросъ и сталъ юношею умнымъ, скромнымъ, ловкимъ, образованнымъ и — красивымъ. Мася играла, рѣзвилась, росла и стала дѣвицею умнинькою, скромною, ловкою и — миленькою. Они всегда были вмѣстѣ, съ дѣтства знали, что любятъ другъ-друга и неповторяли о томъ, когда уже достигли тѣхъ лѣтъ, что и надобно было бы высказать все что было на сердцѣ у нихъ. Это не было для нихъ тайною. Но, кто-то, какъ будто шепнулъ имъ, что при Масѣ, при пани воеводовой и при другихъ людяхъ, надобно быть скромными — и они были скромны, говорили другъ съ другомъ свободно; а если и взглядывались, то очень просто; но лишь оставались вдвоемъ, не находили о чемъ говорить, только взявшись за руки, пожимали ихъ, смотрѣли одинъ другому въ глаза.... да какъ смотрѣли!.... и — только шептали: «Мася!.... Квитка!....» Но лишь только слышали шумъ, тотчасъ расходились, какъ будто и ничего. Болѣе не было никакихъ объясненій, клятвъ, увѣреній между ними, но твердо знали, что одинъ безъ другаго жить не можетъ.

Пани воеводова, хотя и нечитывала романовъ, но очень хорошо понимала, что̀ можетъ вытти изъ такого свободнаго обращенія юноши съ дѣвицею, но она какъ будто и не примѣчала, да еще, ужъ когда говорить правду, такъ

чуть-ли и не желала такого союза. Она надѣялась, что когда-же нибудь, съ отца Квитки при перемѣнѣ правленія снимутъ опалу, возвратятъ ему его отчины; что онъ отыщетъ сына.... и тогда единственная радость ея, ея Мася, будетъ богата, знатна, счастлива и болѣе всего, не будетъ за какимъ нибудь полякомъ. Можно догадываться, что такъ думала и предполагала она, потому что когда *дѣти*, не замѣчая никого, говорили между собою полусловами, переглядывалися полувзглядами, тогда мать съ довольною улыбкою посматривала на Софію, хотя и за мужемъ уже бывшую, но все часто гостившую у нея; потомъ, онѣ, уединясь, говорили между собою что-то весело и съ удовольствіемъ поглядывали на *свычку дѣтей*.

Панъ Воевода озабоченъ былъ управленіемъ областію. Добрже кушалъ, много пилъ и сладко почивалъ, а до того, что дѣлалось въ домѣ, въ семействѣ, ему небыло нужды. «Кеби била здорова моя кохана пани и цурка, а далѣ нехъ дзябли озмутъ.»

«Мася! я долженъ ѣхать въ Москву.» сказалъ въ одинъ вечеръ Квитка, бывъ на единѣ съ нею и держа ее за руку; но сказалъ это такъ жалко, печально....

—Въ Москву!...—вскрикнула она, какъ будто внезапно услышала страшный ударъ грома надъ собою. Оба блѣдные, трепещущіе держась за руки, не могутъ выговорить ни слова. Наконецъ Мася жалобно проговорилась: возми и меня съ собою....

«Не могу, Мася!»

—Отъ чего-же?—

«Ты панна воеводовна, дочь гордаго, богатаго отца, а я кто?!..»

— Ты избранный мною, милѣе мнѣ всего свѣта, солнца, жизнь души моей, этого довольно для матери; а для моего отца, ты сынъ Московскаго Боярина. —

«Кто онъ, гдѣ онъ, — кто можетъ сказать? — Безъ рода, безъ племени, безъ имени....! Ѣду въ Москву, буду служить царю, заслужу вниманіе его, милость ко мнѣ. Онъ спроситъ, кто я, покажу ему крестъ.... признаютъ меня, отыщется отецъ.... тогда буду чѣмъ мнѣ быть должно, тогда пріѣду къ твоему отцу. Тогда, не краснѣя, могу сказать ему: панъ Воевода! отдай свою дочь за сына боярина московскаго.»

— А когда же это будетъ? —

«Мнѣ еще двадцать лѣтъ.... покрайней мѣрѣ.... лѣтъ чрезъ пять....»

— Я умру до того....! —

Долго они говорили другъ съ другомъ и не знали на что рѣшиться. Наконецъ Мася скрѣпя сердце, сказала дрожащимъ голосомъ: «Богъ съ тобою, мой милый, мой коханый Квитка! Поѣзжай съ Богомъ!.. Я не умру безъ тебя... буду рости, учиться хозяйству... переживаютъ люди и цѣлый вѣкъ горя, а пять лѣтъ, и потомъ вѣчное счастье? — Готова терпѣть!..»

Пани Софія была повѣренною любви ихъ. И она одобрила намѣреніе Квитки. Нашла случай умножить маленькую сумму, сохраненную Агафономъ и послѣ смерти родителей ея, хранившуюся у нея, подала совѣты какъ дѣйствовать Андрею въ Москвѣ, обѣщала утѣшать Масю и вотъ.... уже назначенъ былъ день тайнаго отъѣзда Квитки; пани Воеводова, будто ничего не подозрѣвая, болѣе и болѣе ласкала Квитку и, можетъ быть, не она ли вручила пани Софіѣ деньги, необходимыя для Квитки.

Послѣ непродолжительной болѣзни, умираетъ пани Воеводова. Положеніе нашихъ молодыхъ людей измѣнилось во всемъ. Они уже не только не бываютъ вмѣстѣ, но и не видятъ другъ—друга. «Пестунчика моей коханой жо́ны возмитъ до псовъ; нехъ не ѣстъ даромъ хлѣба, нехъ бендзе ловчій. Я устрою его счастіе.» повелѣвалъ ясно — пузатый Воевода, и Квитка долженъ былъ переселиться изъ воеводскаго замка за-городъ, гдѣ помѣщена была вся охота пана Воеводы.

Онъ не остался бы и часа служить поляку, хотя и отцу своей Маси; онъ располагалъ въ туже ночь оставить Кіевъ и пробраться въ Москву, но пани Софія умолила его остаться, переносить все для любви къ Масѣ и дожидать, не поблагопріятствуетъ ли имъ случай къ достиженію ихъ цѣли.

Пани Софія умѣла войти къ Воеводѣ въ неограниченную довѣренность. Правду сказать, онъ еще и радъ былъ, что избавлялся отъ заботъ о своей *цуркѣ:* было кому раздѣлять съ нею время и имѣть о ней попеченіе. Потому-то, пани Софія часто гостила у Маси, а еще чаще брала ее къ себѣ и тамъ-то видѣлись любовники, разсуждали о своей будущности и ни на что не рѣшались.

Прибылъ въ Кіевъ изъ Кракова, какой-то знатный сановникъ, старикъ лѣтъ пятидесяти. Панъ — Воевода разсыпался предъ нимъ, угощалъ его, какъ могъ. Пану пріѣзжему полюбилась Мася и за келюшкомъ венгерскего положено на словѣ: панну воеводовну выдать за пана пріѣзжаго; а какъ ему не можно было долго прожить въ Кіевѣ, то тен-часъ справить свадьбу. Спѣшили съ приготовленіями и таили все отъ Маси, думая внезапно обрадо-

вать ее такою блестящею долею. Но какъ скрыть въ многолюдной дворнѣ всѣ приготовленія и распоряженія къ такому празднеству! Мася, о своей долѣ узнала тотъ же часъ.... и упала на грудь пани Софіи, заливаясь слезами, спрашивала, что ей дѣлать?

Пани Софія приступила дѣйствовать рѣшительно. Нашла случай, подъ предлогомъ шитья платьевъ и прочаго къ свадьбѣ, оставить Масю у себя переночевать. Призвала Квитку, соединила руки ихъ, благословила и сказала: — Ты, Андрей, любимецъ мой съ перваго часа, когда Богъ привелъ тебя въ домъ нашъ, родители мои приняли тебя и я, давшая тебѣ прозваніе, обязана, вмѣсто ихъ, пещись о твоемъ счастьи. Въ эту торжественную минуту объявляю вамъ, что мать Маси желала вашего союза и я, именемъ ея, благословляю васъ и вотъ мое порученіе. Масю наряди мальчикомъ и въ этотъ же вечеръ выйдете изъ Кіева; въ первомъ селеніи обвѣнчаетесь; далѣе, да благословитъ Богъ путь вашъ и да будетъ надъ вами воля Его! Скрывайтесь, оставляйте большія, проѣзжія дороги, погоня будетъ за вами, но вы ее неожидайте скоро. Въ эту же ночь, предъ разсвѣтомъ, изъ моего двора поскачетъ бричка съ двумя молодыми людьми по дорогѣ къ Вильнѣ. Туда бросится погоня и я беру на себя, что не скоро догонятъ мнимыхъ любовниковъ. Поймаютъ ушедшихъ и увидѣвъ обманъ, уже бросятся въ другія стороны, а вы съ помощію Божіею, будете далеко и внѣ власти раздраженнаго отца. Съ Богомъ. Начнемъ дѣйствовать.»

Той же ночи, въ Бориспольѣ, верстъ тридцать пять отъ Кіева, къ разсвѣту, въ церкви теплился огонекъ и священникъ предъ олтаремъ призывалъ благословеніе Божіе

на рабовъ его — Андрея и Марію, нынѣ сочетавающихся другъ — другу.

Въ тоже время, въ Кіевѣ, пани Софія проснулася не обыкновенно рано. Вдругъ крикомъ своимъ перебудила дворню.... ужасъ объялъ всѣхъ!.... Панна воеводовна, расположившаяся ночевать у ней, не ложилась въ постель и нѣтъ ея въ домѣ.—Сундукъ пани Софіи, гдѣ лежали деньги, лучшія вещи, платья, отпертъ и въ немъ не найдено ничего.... Съ Масею бѣжала Ульяна, самая ближайшая къ панѣ и самая довѣренная особа. Старикъ Ѳедотъ, пользовавшійся особенною милостію панскою, также скрылся. Сдѣланъ всѣмъ допросъ. Пани Софія плакала, рыдала, падала въ обморокъ, заклинала открыть ей, если кто знаетъ, куда и съ кѣмъ бѣжала панна воеводовна.... Никто не могъ сказать ничего, никто ничего не замѣтилъ за панною.... Одна изъ прислужницъ, робѣя, призналась, что она подглядѣла, какъ подъѣхала ко двору ихъ бричка; изъ нея вышелъ панъ, не очень молодой и не такъ красивый; постучалъ въ окошко, гдѣ спала панна. Скоро она вышла, а за нею Ѳедотъ и Ульяна съ узлами въ рукахъ, посадились и говорили между собою, что скоро будутъ въ Вильнѣ, тамъ и обвѣнчаются.

Открывшую объ этомъ, какъ знавшую про уходъ панны и необъявившую тотъ-часъ своей панѣ, тутъ же, въ наказаніе, отправили въ дальнюю деревню.... Пани Софія, послѣ нѣсколькихъ обмороковъ, едва собралась съ духомъ и силами явиться къ пану Воеводѣ и объявить ему о случившейся бѣдѣ,.....

«Цо то за пржичина?—говорилъ толстопузый панъ Воевода, зѣвая и протирая заспанные глаза, чтобы лучше

удостовѣриться, точно ли онъ видитъ предъ собою паню Софію. — «Цо то за пржичина, кеди пани Софія такъ рано пожелала видѣть мою яснѣйшую особу?

Рано? А это уже было къ полудню. Пани Софья за горемъ и безпокойствомъ не могла прежде пріѣхать къ Воеводѣ. Онъ же проводя всю ночь съ нареченнымъ зятемъ, среди разныхъ медовъ и столѣтнимъ венгерскимъ, не примѣтилъ, что свалился на постель уже на разсвѣтѣ; отъ того и полагалъ, что еще утро.

Пани Софія, съ слезами, вскрикиваніями, едва могла объяснить ему о случившемся несчастьи..... «Нехъ дзябли озмутъ и тебе съ твоими пропавшими деньгами! — заревѣлъ неистовымъ голосомъ Воевода: — «Подай мнѣ тенчасъ мою цурку, мою Масю!.... гвалтъ!» кричалъ онъ въ безпамятствѣ, обрывая хохолъ свой и страшные усы.... Весь дворъ встрепенулся.... Большими отрядами послана погоня въ разныя стороны и все по направленію къ Вильнѣ.....

Яснѣйшій панъ Воевода съ горя и досады пилъ — и на бѣду свою одинъ: нареченный зять его не находя нужнымъ оставаться долѣе безъ невѣсты, уѣхалъ. Пани Софья заперлась у себя въ домѣ, сказавшись сильно больною. Дней черезъ пять привезли настигнутыхъ бѣглецовъ въ бричкѣ.... Воевода приказывалъ тащить ихъ къ себѣ... остолбенѣлъ увидѣвши, что это со всѣмъ не цурка его, а просто бѣглецы обокравшіе барыню свою; о паннѣ воеводовнѣ же они во все ничего незнали.... Воеводѣ до того не было нужды и онъ, въ порывѣ гнѣва и досады, конечно приказалъ бы ихъ повѣсить, за чѣмъ нѣтъ съ ними дочери его; но пани Софья нашла средство умило-

стивить его и какъ все похищенное бѣглецами привезено въ цѣлости, то она выпросила виновныхъ себѣ, давъ обѣщаніе наказать ихъ строго, за такой злодѣйской умысель. И пани Софья, чтобъ больше заставить Ульяну и Ѳедота раскаеваться въ проступкѣ своемъ, жаловала и ласкала ихъ болѣе прежняго.

Извѣстно стало пану Воеводѣ, что въ ту же ночь, когда скрылась Мася, ловчій его, Андрей, бѣжалъ изъ Кіева, но куда? никто незналъ. И самъ Воевода и всѣ окружающіе его положили навѣрное, что Андрей сманилъ панну воеводовну: онъ росъ съ нею, такъ и немудрено, что они кохалися съ дѣтства, а видя, что ее отдаютъ за нелюба, они рѣшились уйти, но куда? Никто немогъ сказать на вѣрное. Для этого составлялись цѣлые отряды, чтобы бѣжать въ Малороссію и тамъ искать ихъ по дорогѣ въ Москву. Тщательно списывали ихъ примѣты, писали для нихъ пропускные виды, вписывали въ нихъ большія награды, кто схватитъ, откроетъ, задержитъ или представитъ бѣглецовъ.

Уже готовы были отряды съ полными и ясными препорученіями летѣть въ назначенныя имъ страны для поимки бѣжавшаго Андрея, увезшаго съ собою панну Воеводовну, какъ вотъ является Антонъ Муха, вѣрный рабъ и хлопъ яснѣйшаго пана Воеводы. Онъ съ молодыхъ лѣтъ былъ при Квиткѣ для прислуги, росъ вмѣстѣ съ нимъ и зналъ его тайны, но несмѣлъ никому открыть, потому что Андрей сгубилъ бы его. Теперь же мучитъ его совѣсть, что онъ забылъ на время долгъ свой противъ такого милостиваго пана и отца, якъ есть вельможный панъ Воевода. Принося ему по-

винную голову, Муха чистосердечно открывалъ, что Андрей точно кохался съ панною; а чтобы она не досталась другому, убѣдилъ ее бѣжать съ собою.... Какъ они перерядились, то я уже знаю и вездѣ могу ихъ открыть. Путь же свой направили они къ Кракову и Андрей располагалъ найти случай представиться наияснѣйшему пану Крулю и просить у него ходатайства предъ прогнѣваннымъ паномъ Воеводою и защиты отъ Русскаго Царя. Теперь, продолжалъ Муха, кеди панъ Воевода хце, я возму не большой отрядъ и, какъ знаю, на какіе мѣста бѣжавшія пробираются, то скоро настигну ихъ и Андрея съ панною представлю яснѣйшему пану Воеводѣ, а не то, нехъ глава моя бендзе на плахѣ.»

Воевода обрадовался предложенію Мухи, уничтожилъ прежнія распоряженія и обѣщавъ Мухѣ неимовѣрныя награжденія, отпустилъ его самъ-пятаго, съ избранными самимъ Мухою товарищами. Только же Воевода ихъ и видѣлъ!....

═

Когда все это происходило въ Кіевѣ, Андрей и Мася, обвѣнчавшіеся въ Бориспоlѣ, продолжали путь свой благополучно. Мася была переодѣта мальчикомъ, оба они были въ простомъ крестьянскомъ платьѣ. Сказывались о себѣ различно, гдѣ, какъ требовали обстоятельства. Хотя и непримѣтно было, чтобы гдѣ ихъ подозрѣвали по преслѣдованіямъ изъ Кіева, но изъ предосторожности, Андрей путалъ свой путь: проходилъ нѣсколько прямо, потомъ бралъ въ сторону, обходилъ кругомъ и опять возвращался на прежнюю дорогу, и къ великому обрадованію своему

узнавалъ, что отъ Воеводы кіевскаго неслышно никакихъ преслѣдованій. Онъ сказывался вездѣ родомъ изъ Украины, сиротою, пустившимся съ братомъ на заработокъ, пока сыщется добрый и надежный человѣкъ, что пріиметъ ихъ на всегда.

Гдѣ онъ увѣренъ былъ въ совершенной безопасности, тамъ останавливался на нѣсколько дней, чтобъ его милая Мася отдохнула послѣ долгаго пути. Его планъ былъ пробраться, какъ ни есть, въ пограничный русскій городъ и тамъ объявить о себѣ. Онъ никакъ незабылъ взять съ собою золотой цѣпи и описанія о пріѣздѣ его въ Кіевъ, сдѣланномъ паномъ Ясенковскимъ и духовникомъ, напутствовавшимъ Агафона. Крестъ же былъ всегда на немъ. По этому онъ надѣялся, что русскіе признаютъ его за земляка, доставятъ случай быть въ Москвѣ, предстать предъ Царя; ему помогутъ отыскать родъ свой, имя, имѣніе; а если Богъ благословитъ, что отецъ и братъ его живы и онъ отыщетъ ихъ, тогда.... съ Масею, съ родными.... кто будетъ счастливѣе его!....

Пробираясь такимъ образомъ, уже пришли они въ селеніе Гадяцкаго полка. Зима приближалась, надобно было пріискать безопасное убѣжище. Удалось Андрею найти хуторъ въ отдаленіи отъ сотенныхъ мѣстечекъ и большой дороги. Семьи три козаковъ, не обязанныхъ уже службою и никакими повинностями по полку, проживали здѣсь себѣ покойно. Къ нимъ присталъ Андрей съ *братомъ*, работалъ за себя и за него. Нужда пріучила его ко всему. Онъ былъ силенъ, бодръ, свѣжъ, а какъ Мася отнюдь не тяготилась такою жизнію и не тужила ни о чемъ, то онъ весельчакъ, балагуръ, пѣлъ своимъ хозяевамъ разныя пѣс-

ни, былъ ими любимъ и всѣми называемъ былъ: «парень друзяка.»

Въ одинъ осенній вечеръ, Андрей возвратясь съ работы, отогрѣвался сидя на печкѣ, Мася своими руками растирала его окоченѣвшіе пальцы, говорила, мечтала о будущемъ.... какъ вотъ слышатъ за дверью, въ сѣняхъ, голоса незнакомыхъ имъ людей....

«Пустите насъ, сдѣлайте милость, хоть только подивиться на нихъ. — Кричалъ одинъ изъ незнакомыхъ и слышно было, что силился отворить дверь, удерживаемую хозяиномъ. «Я ихъ знаю; когда не они, то и Богъ съ вами! Мы себѣ и пойдемъ далѣе.»

Мася помертвѣла.... Андрей схватилъ топоръ и бросился къ двери.... но уже вошли четыре человѣка вооруженные по козацки....

Андрей располагалъ защищать Масю до послѣдней крайности, взмахнулъ топоромъ.... Но сильная рука удержала его....

«Богъ съ вами.... Богъ съ вами; что это вы, пане, дѣлаете?.... Вы меня не узнали? — Дайте свѣтло поближе. Я же вашъ вѣрный Муха....»

— Муха! Это ты? — проговорилъ Андрей изумясь такой встрѣчѣ, но все не выпуская изъ рукъ топора. — За чѣмъ ты здѣсь? и это кто?.... спрашивалъ Андрей, съ недовѣрчивостію поглядывая на скромно стоящихъ товарищей Мухи.

«Я искалъ васъ по всей Малороссіи, — сказалъ Муха и уловивъ руку Андрееву, поцѣловалъ нѣсколько разъ. — » Благодарю Бога, нашелъ васъ сверхъ ожиданія и что вы здоровы. А это мои вѣрные товарищи, поклявшіеся мнѣ,

вмѣстѣ со мною отыскать васъ и никогда не отставать отъ васъ. Куда иголочка, туда и ниточка. А гдѣжъ панка.... а може вже и пани? Покажите намъ ее, паду до ножки и поцѣлую полу платья ея. Покажите, возвеселите насъ за нашу турбацію.»

Андрей хорошо зналъ честность Мухи и почти готовъ былъ ввѣриться ему, но товарищи его и въ такомъ числѣ, приводили его въ смущеніе. «Муха, Муха! — сказалъ онъ: —» смотри, не предатель-ли ты?»

— Охъ, Боже мой! — вскричалъ Муха, колотя себя жилистымъ кулакомъ въ грудь: — и это о Мухѣ такъ думаютъ? И о товарищахъ, которыхъ онъ самъ выбралъ и прошелъ съ ними сквозь огнь и воду; готовъ былъ на все, что бы только отыскать своихъ коханыхъ панычa съ панянкою, милыхъ, не наглядныхъ Квитокъ. Хлопцы! — сказалъ онъ товарищамъ: — «намъ не вѣрятъ. На присягу! —

Мигомъ одинъ изъ пришедшихъ бросился изъ хаты и принесъ въ шапкѣ земли. Другой, сотворивъ крестное знаменіе, всталъ на лавку, снялъ со стѣны образъ Спасителя и съ благоговѣніемъ положилъ его на столъ. По знаку Мухи, всѣ положили по три земныхъ поклона и стали на колѣна. Тутъ Муха началъ произносить страшную клятву; прочіе повторяли за нимъ, призывая всѣ казни Божія на себя и весь родъ свой, если они не будутъ шановать пану Квитку, какъ есть прирожденнаго своего господина и повелителя. Если случится ему и паннѣ его какая бѣда, полягти имъ всѣмъ, живота, послѣдней капли крови не пощадить, защищать ихъ и недопустить ворогамъ ихъ сдѣлать имъ какое насиліе....и проч. и проч.

Сказавши общій аминь, цѣловали они Образъ и потомъ

каждый изъ нихъ, взявши по горсти земли и сказавши: «земля не потерпитъ клятвопреступнаго'» съѣли ее и бросилися къ Андрею цѣловать руки, полы платья его.... Андрей былъ растроганъ, орошенные слезами глаза возвелъ къ Богу, въ сердцѣ своемъ благодарилъ Его промыслъ, что сохранилъ его, сироту, безвѣстнаго, безроднаго, одного съ женою скитающагося безъ пристанища, безъ надежды гдѣ-либо найти спокойствіе. Въ такомъ горестномъ положеніи, Богъ послалъ ему пятерыхъ защитниковъ, помощниковъ, друзей!...Онъ обнялъ каждаго и самъ что-то хотѣлъ сказать, но Муха вскрикнулъ: — «Сего мало. Давай намъ панну воеводовну!....»

— Ее нѣтъ со мною, — сказалъ Андрей, сводя съ печи свою Масю, уже успокоившуюся отъ сильнаго страха. — А вотъ моя жена! —

«Панна наша!... Мати наша!... Да якій же гарный зъ неи хлопчикъ!...Многая лѣта вамъ, паны наши!...Живите счастливо и любите насъ. —» Такъ кричали товарищи Мухи, а онъ схвативъ на руки свою паню, приподнялъ ее къ верху, а козаки цѣловали ноги ея....

Никто изъ козаковъ живущихъ на хуторѣ не зналъ, что происходило въ хатѣ Андрея. Онъ нанялъ ее собственно для себя съ *братомъ* и потому могъ свободно, по своей волѣ, угостить товарищей своихъ и свободно говорить съ ними, не опасаясь, что бы кто подслушалъ или подглядѣлъ за ними.

Начались разспросы, чтó происходило въ Кіевѣ по уходѣ ихъ; какъ пани Софья знатно одурила яснѣйшаго пана воеводу и сбила его съ *панталыку*, заставивъ его посылать погоню чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ за кѣмъ.

Какъ потомъ уже онъ, Муха, по всегдашней привязанности своей къ бывшему панычу Квиткѣ, сплелъ свою басню и готовую погоню удержавъ, вызвался самъ ѣхать и обѣщался непремѣнно схватить бѣглецовъ и представить ихъ Воеводѣ.

«Вотъ для этаго случая, государь мой любезный! — такъ пересказывалъ Муха: — » я выбрать-выбралъ самыхъ моихъ вѣрнѣйшихъ пріятелей. Мы всѣ пятеро, были какъ пять пальцовъ на рукѣ. Вы, панычу. . .или извините, пане; вы ихъ и не знали, но по прошенію моему у васъ, замолвить — замовляли иногда слово у пани воеводовой. Нехай надъ ней земля перомъ! . . . а та, какъ имѣла власть и силу надъ ихъ ясновельможностію, такъ и выкрутить-выкручивала изъ бѣды. Вотъ съ того часу они и стать-стали вамъ вѣрнѣйшими слугами и съ радостію собраться-собрались со мною за вами, яко бы въ погоню.

«Пожалуйте-же. Вотъ, какъ мы выѣхать-выѣхали изъ Кіева, то и назначили себѣ, воротясь всякій себѣ выбранною дорогою, съѣхать-съѣхаться уже назадъ въ Переяславлѣ. Намъ крѣпко обридло умничаніе надъ нами Ляховъ, и какъ мы себѣ безсемейные, то мы и положили искать мѣста, гдѣ будетъ намъ лучше: коли наѣхать-наѣдемъ васъ, то съ вами хоть въ самую Москву; а не стрѣтимъ васъ, остаться, гдѣ Богъ приведетъ, у москалей. И такъ-то, послать-пославши, за глаза, ясневельможному пану Воеводѣ кіевскому отъ каждаго изъ насъ, по *крученой дулѣ,* пуститься-пустились въ свой путь.

«Съѣхавшись въ Переяславѣ и неотыскавши слѣдовъ вашихъ, мы пуститься-пустились такою же хитростію, всегда назначая собираться въ полковомъ городѣ. Соби-

раться — собирались, но про васъ нигдѣ ничего слышать не слыхали. Мудро вы замотали свой слѣдъ. Въ Ромнѣ, мы сошлись съ знакомымъ парнемъ, также пустившемся изъ Кіева на Божій свѣтъ и на вольную свободу. Мы будто ничего незнаемъ, да и выспросили все, что намъ нужно.

«Знаете-ли, господа мои любезные, что тамъ случиться — случилось. Панъ воевода взять — взялъ себѣ другую жену, а про васъ, пани, сказать — сказалъ:» Кеди затопила свою главу за москалемъ, нехъ пропада; бендзе маяцъ зъ млодою коханкою лѣпшихъ цурокъ нежъ она была. «Тутъ мы уже пойтить — пошли свободнѣе. Нигдѣ о васъ не слышали, да вотъ въ ближнемъ хуторѣ, что-то намъ помаячить — помаячило, какъ будто что-то сдавалося на васъ. Какъ вотъ и далъ намъ Богъ васъ найтить — найти.»

Угостивъ, сколько могъ, Андрей гостей своихъ, все однакожъ призналъ нужнымъ брать всѣ предосторожности; для этаго онъ распорядился, чтобы каждый изъ пришедшихъ расположился бы зимовать въ особомъ сотенномъ селеніи, все по пути въ *Роменъ;* и чтобы каждый замѣтивъ что опасное для нихъ, давалъ бы знать близъ живущему товарищу; и такимъ образомъ о всякой опасности Андрей былъ бы извѣщаемъ за благовременно и успѣвалъ бы брать всѣ предосторожности.

Но всѣ ихъ распоряженія были напрасны. Андрей съ женою провели зиму весьма покойно; а чуть лишь вскрылась весна и устроились переправы чрезъ большія рѣки, они пустились въ дальнѣйшій путь на Бѣлгородъ. Муха съ товарищами, запасшись добрыми конями и надежными *пистолями*, препровождали повозку, въ которой ѣхала

ихъ молодая пани. По причинѣ *ея положенія*, переѣзды были не велики. Все шло благополучно.

Уже караванъ нашъ, впрочемъ всегда удалявшійся отъ большихъ дорогъ и значущихъ селеній, переправился чрезъ рѣку Ворсклу, какъ путешественники начали замѣчать, что ихъ преслѣдуютъ и наблюдаютъ за ними. Вчера и сегодня, одинъ и тотъ же человѣкъ нагонитъ ихъ, присматривается къ нимъ, поскачетъ впередъ, взъѣдетъ на курганъ, выглядываетъ кого-то и скроется; немного времени спустя, опять покажется и все тоже, да тоже. Немедленно составленъ былъ совѣтъ. Мася и слышать не хотѣла, что бы преслѣдовать соглядатая; ужасалась также, если нападутъ на нихъ и должно будетъ ея Андрею защищать ее и себя. Въ такой крайности рѣшились, оставя всѣ дороги, ѣхать прямо, по догадкамъ, гдѣ долженъ находиться Бѣлгородъ или другой какой изъ вновь построенныхъ, по линіи, городовъ, о чемъ они все знали отъ бывшихъ на новой линіи людей. Для большагѽ удобства къ достиженію цѣли, ѣхать ночью, по звѣздамъ, а днемъ скрываться въ лѣсахъ. Муха взялся быть вожатымъ. Призвавъ Бога въ помощь, пустылись въ путь по такой необыкновенной дорогѣ.

Они большею частію все шли пѣшкомъ, ведя въ рукахъ коней своихъ; одна Мася, отъ возрастающей слабости въ ея положеніи ѣхала на телѣгѣ, но лишь путь становился хоть мало безпокоенъ, мужъ бралъ ее на руки и несъ со всею осторожностію, пока встрѣчалось ровное мѣсто; — проходимыя ими мѣста были во все не обитаемы; — степь, лѣса, рѣки, пески, попадавшіеся на пути озера, болота, иногда темная ночь, все это за-

трудняло путь ихъ и недозволяло имъ утѣшиться мыслію, что они скоро найдутъ жилище.

Въ одинъ день и именно 24 Іюня, въ праздникъ рождества Крестителя, караванъ нашъ къ утру, переправясь чрезъ рѣчку, расположился отдыхать въ тѣнистой березовой рощѣ, окруженной дикими черешневыми вишневыми садами; въ переди, къ востоку, шла ровная степь, на право за рѣкою густой, сосновый боръ, мѣсто дикое, едвали когда проходимое человѣкомъ, но положеніемъ своимъ и окружными видами, манящее къ отдыху; — тутъ Мася, прійдя въ совершенную слабость и изнеможеніе, рѣшительно объявила Андрею, что она далѣе неможетъ ѣхать и располагаетъ, чтобы ни случилось съ нею, здѣсь ожидать рѣшенія своей участи.

Встревоженный Андрей немедленно приступилъ къ распоряженію. *Въ тотъ же день, на скоро сплели изъ вѣтвей шалашъ* (первое поселеніе), покрывъ его листьями, травою, въ близи найденнымъ камышемъ и въ немъ помѣстили слабую Масю. Потомъ Муха, съ тремя товарищами, ускакали на коняхъ впередъ въ разныя стороны, съ тѣмъ, что если кто изъ нихъ найдетъ какое селеніе и не въ дальнемъ разстояніи, туда на рукахъ перенести Масю; но если селеніе будетъ отдалено и Масю доставить туда къ вечеру будетъ не возможно, то изъ селенія пригласить женщину, не обходимую въ такомъ случаѣ и хотя бы уже сколько нибудь понимающую дѣло, для коего она будетъ призвана, и поспѣшнѣе привести ее къ страждущей.

Къ вечеру изъ посланныхъ никто невозвратился, но и Мася казалась такъ покойна, что Андрей, успокоясь духомъ, ходилъ въ окрестностяхъ этой рощи, любовался мѣ-

стоположеніемъ, отыскалъ двѣ рѣки, кои соединясь вмѣстѣ, составляли одну, протекавшую близъ того мѣста, гдѣ они основали временное свое пребываніе. Какъ же еще и утромъ посланные не возвращались, то Андрей удостовѣрился, что въ близи нѣтъ никакого селенія, а потому, по причинѣ Масинаго положенія, они должны будутъ остаться здѣсь на нѣсколько дней . . . . Къ удивленію своему, онъ нашелъ, что эта мысль неогорчила его; на противъ, ему казалось, что если бы онъ и долженъ былъ когда-либо оставить это мѣсто, то ему было бы грустно...

На другое утро онъ былъ погруженъ въ размышленія о чемъ-то и все ходилъ въ окрестности. Положеніе Маси его не тревожило; она была покойна, бодра и до того крѣпка, что безъ всякаго отягощенія готовила сама обѣдъ изъ рыбы, которую наловить въ ближней рѣкѣ, умудрился оставшійся спутникъ ихъ.

«О чемъ ты такъ задумываешся, мой милый Квитка?— спросила Мася ласкаясь къ мужу: — » Все ходишъ одинъ и все разсматриваешъ по сторонамъ. Здѣсь мы въ совершенной безопасности. Если тревожишся обо мнѣ, то напрасно: я уже такъ отдохнула и укрѣпилась, что если бы воротился Муха съ товарищами, то я могла бы пуститься въ дальнѣйшій путь. Однако скажу тебѣ . . . . если бы не мое положеніе, я бы не вышла отсюда; такъ хорошо здѣсь.»

Андрей поцѣловалъ жену и сказалъ: — Какъ ты утѣшила меня, не оцѣненная Маничка! . . . . Далъ бы Богъ возвратиться товарищамъ съ чѣмъ нужно, тутъ я что-то вамъ предложу.

Поздно къ вечеру изъ посланныхъ прежде всѣхъ воро-

тился Муха. Ему посчастливилось какъ-то напасть на городокъ, т. е. на большое пространство обнесенное чистоколомъ, съ неглубокимъ рвомъ, выстроенный еще при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, для наблюденія за движеніями Татаръ, иногда внезапно нападавшихъ на пограничные города Россіи. Городокъ этотъ былъ при рѣкѣ Донцѣ, назывался Чугуевъ и въ немъ обитали нѣсколько стрѣльцовъ и дворянъ низшей степени, такъ называемыхъ «Боярскихъ дѣтей» съ семействами. Они, прослужа сдѣсь уреченное для нихъ время и дождавшись смѣны, возвращались на прежнее жилище въ Москву.

Въ Чугуевѣ Муха былъ принятъ радушно и лишь объявилъ кто онъ, что̀ и для чего нужно ему, какъ тутъ же одна изъ жонъ стрѣлецкихъ, предложила свои услуги и вызвалась ѣхать для помощи больной. Разсказала о многочисленной и всегда удачной практикѣ своей, что она и по Москвѣ между своими славилась ловкостію, умѣніемъ, а больше счастіемъ въ *этомъ дѣлѣ*. Сборы были не долги. Θедосья Кузминишна, такъ звали акушерку, пригласила съ собою «для потѣхи барыни» дѣвушку, дочь одного «изъ боярскихъ дѣтей», и забравъ что нужно было по ея ремеслу, покатила съ Мухой припѣваючи и балагуря во всю дорогу.

Не съ одною Θедосьею Кузминишною въ Чугуевѣ познакомился нашъ Муха. Онъ нашелъ тамъ священника, условился съ нимъ, какъ поступать, когда Богъ пошлетъ радость пану Квиткѣ; приговорилъ ѣхать съ собою одного промышленника, взглянуть на ихъ кочевье, разсчитать что нужно для вновь прибывшихъ Что̀ значитъ для русскаго промышленника какихъ нибудь тридцать верстъ разстоя-

нія, хотя бы и дикою, непроходимою степью? И вотъ онъ на тройкѣ лихихъ коней слѣдовалъ за Мухою, везя, на всякій случай, кое-чего изъ съѣстнаго.

Пріѣздъ Мухи съ *кѣмъ нужно* было оживилъ Андрея, а возвращеніе утромъ и другихъ посыланныхъ, совершенно успокоило его. Товарищи Мухи не такъ были счастливы какъ онъ. Хотя они и находили людей, но это были или пикеты Чугуевской команды, или какіе-либо блуждающіе въ степи люди, имѣющія свои занятія, свой промыселъ, и съ которыми посланные не нашли за нужное сближаться.

Кузминишна безъ дальнихъ церемоній, прямо отнеслась къ Масѣ, заласкала, заговорила ее. «Эка, наливное мое яблочко! — такъ начала она... —» стосковалось, сгруснулось тебѣ. Небойся, не робѣй. Пріѣхала Өедосья да еще Кузминишна, она поворотитъ дѣломъ. Поотдохни послѣ дальней пути — дорожки, погуляй въ такомъ привольѣ. Я съ своими сказками, да съ прибаутками, а Настя съ стряпнею да съ услугою, да мы не дадимъ молодой бояринѣ и соскучить-та. Пусть твой молодецъ, что, видишь, гоголемъ ходитъ, что отбилъ у панскаго туза такую кралю, а и самъ, что твой маковъ цвѣтъ, пусть онъ ходитъ здѣсь по лѣсамъ, да настрѣливаетъ намъ къ празднику дичи, а мы за тѣмъ ему и положимъ махенькаго козачонка на руки, что твой херувимчикъ. А ты, панъ, поворачивайся у меня быстро. Живешь здѣсь на воеводствѣ, а гляжу, у тебя ни кола, ни двора, а опричь всего хозяйственнаго, многое и мнѣ нужно. Давай мнѣ своихъ чубовъ въ команду. Я за командую по бабьи и у меня все родится вдругъ.»

И въ самомъ дѣлѣ у нея закипѣло дѣло. Смастерила покойный для Маси шалашъ съ сѣнцами, защитила его отъ вѣтра и непогоды, устроила кухню и все что нужно было для маленькаго поселенія. Пріѣхавшая съ Кузминишною дѣвушка стряпала и прислуживала Масѣ, Муха съ товарищами ловили рыбу, Андрей неотходилъ отъ жены и вмѣстѣ съ нею невидалъ какъ проходило время, слушая разсказы Кузминишны про Москву, про всѣ бѣдствія, какія терпѣли тамъ при Самозванцахъ, при боярщинѣ безъ Царя и какъ Господь послалъ благодать свою на русскую землю, вручивъ ее Царю Михаилу Ѳедоровичу. Какъ теперь всѣ спокойны, какъ блаженствуютъ! — Какъ и она сама поживала въ Москвѣ, по какому случаю заѣхала на край свѣта; какія страсти терпятъ они отъ Татаръ.... и неговори отъѣхать отъ города Чугуева ни за двѣ версты! неравенъ часъ набѣжитъ Татарва, гикнутъ, арканъ на шею, очнешся либо въ татарщинѣ, либо ближе, на томъ свѣтѣ. Всѣ эти разсказы, доселѣ неслыханные нашими супругами, неимѣвшими никакого понятія о Москвѣ, очень много занимали ихъ, а пуще радовало Андрея, что Царь Московскій справедливъ, милостивъ, и жалостливъ къ народу.

Въ день Св. Апостола Петра и Павла, Андрей поговорилъ съ своею Масею, призвалъ къ себѣ Муху и товарищей его, благодарилъ ихъ за все усердіе, ему и жены его оказываемое и за вѣрность, съ какою они служили ему до сего часа. Разрѣшилъ ихъ отъ данной ими клятвы и предоставлялъ имъ на волю итти кто куда хочетъ. «Вы люди молодые, говорилъ онъ, вамъ надобно жить, пріискать средства какъ и чѣмъ жить. Не хотите бѣдствовать подъ игомъ Ляховъ? Идите къ Москвѣ; теперь уже дорога извѣстна.

Царь московскій по сердцу Божію, народъ свой милуетъ и Онъ пріиметъ васъ подъ свою милостивую руку, и вы, по желанію вашему, поступите въ число дѣтей его. Не думайте, какъ оставить меня. Я и Мася рѣшились остаться здѣсь, что ни устроитъ Богъ съ нами. За чѣмъ теперь мнѣ, въ Москву. Что скажу я о себѣ, если бы и удостоился видѣть Царскія свѣтлыя очи? Я сынъ боярина московскаго; какого? не знаю ни имени, ни прозвища его, ни того, когда и по какому случаю оставилъ онъ Москву, живъ ли онъ и гдѣ находится? Не могутъ ли по справедливости счесть меня выдумщикомъ? Крестъ, что на мнѣ, ничего другаго не объясняетъ кромѣ того, что я Андрей, родился тогда-то, а отъ кого? Никто необъяснитъ надписи на крестѣ. Усумнясь въ словахъ моихъ, вездѣ отринуть меня. А если у моего отца, какъ у боярина, были значительныя отчины и помѣстья, и при опалѣ отданы другому, тогда владѣтели ихъ, опасаясь, чтобы я не сталъ отыскивать правъ своихъ, пойдутъ на все: меня, какъ обманщика по ихъ настоянію, закабалятъ въ лютыя руки.... Я, поклявшійся предъ Богомъ, доставить Масѣ спокойную и довольную жизнь, буду причиною вѣчныхъ страданій ея и семейства, коимъ Богъ благословляетъ меня. Каково будетъ, среди собственныхъ бѣдствій, видѣть и ея страданія! И такъ, обдумавъ съ нею все здраво, призвавъ Бога на помощь, рѣшилися мы на всегда остаться здѣсь. Что́ намъ знатность рода, богатство, почести? Все суета! Оставляю на вѣкъ самую мысль, разыскивать о моемъ происхожденіи. Я вольный козакъ Андрей Квитка, какъ названъ призрѣвшими меня въ сиротствѣ. Буду жить здѣсь спокойно, будучи обязанъ хранить спокойство жены и

усроивать благо семейства, ужъ какой я слуга моему Государю? Наградитъ меня Богъ сыновьями, воспитаю ихъ, передамъ имъ всѣ чувства мои и преданность къ Царю, представлю ихъ, не какъ потомковъ такого-то боярина, а какъ сыновей вольнаго человѣка. Укажу боярамъ на здѣшній край, передамъ имъ мысли мои, что благаго можно устроить здѣсь и стану покойно доживать вѣкъ въ этомъ уголкѣ, куда Господь, сохранившій насъ доселѣ отъ всѣхъ бѣдъ, привелъ насъ. Скоро благословитъ меня Богъ чадомъ. Отпразднуемъ въ этой пустынѣ крестины новаго поселенца и.... распрощаемся!....

«Мудрая ваша рѣчь, добродѣю! — послѣ долгаго размышленія сказалъ Муха, переглянувшись съ товарищами. — «Благое ваше желаніе, бросити-бросить искать невѣрнаго, неизвѣстнаго, остатися — остаться при извѣстномъ спокойствіи. Богъ васъ за такую мысль, благословити — благословилъ, Онъ же и устроити — устроитъ все къ вашему и нашему благу. За чѣмъ же вы и куда насъ отсылаете? Благодареніе Богу изторгнутись — исторгнулись изъ плѣна египетскаго, мученіе ляшскаго пекельнаго, станемъ же и мы людьми. Гдѣ вы, добродѣю, тамъ и мы. Мы себѣ дурни, хотя и дойдемъ до самой Москвы, а все поумнѣти-не поумнѣемъ, а колибъ еще и глупѣйшими стать-не стали. Тутъ, здѣсь, при тебѣ, добродѣю! Какъ поклялись, такъ и по вѣкъ остаться — останемся. Такъ ли, хлопцы!

— Такъ, такъ, такъ! закричали единодушно малочисленная *громада* и бросилася цѣловать руки и полы платья, до слезъ тронутаго такою преданностію Андрея.

«Когда жъ такъ — сказалъ онъ: — то и пусть будетъ такъ. Дайте мнѣ срокъ, когда меня Богъ чѣмъ обрадуетъ, тогда

я вамъ и всю мысль свою скажу. Посовѣтуемся и положимъ на мѣрѣ.»

Успокоенный добрымъ началомъ своего предпріятія и нетревожимый состояніемъ своей Маси, Андрей съ спокойнымъ духомъ продолжалъ свои прогулки по окрестностямъ своего кочевья. Съ ружьемъ онъ проходилъ лѣсомъ, стрѣлялъ дичь, любовался мѣстоположеніями и только къ вечеру, по сдѣланнымъ въ лѣсу примѣтамъ возвращался домой.

Однажды и именно 5-го Іюля, отъ зари онъ все шелъ да шелъ, погруженный въ мысли о своемъ предположеніи и нечувствительно прошелъ верстъ восемъ. Зной палилъ его, жажда мучила, но онъ не находилъ чѣмъ освѣжиться. Пробираясь густымъ лѣсомъ, пришелъ на край горы. Къ обрадованію своему, внизу увидѣлъ онъ изобильные источники, бросился туда, утомилъ жажду, освѣжился и изнуренный усталостію, тутъ же легъ и скоро уснулъ....

Просыпаясь, видитъ предъ собою монаха съ большимъ вниманіемъ смотрящаго на него... Андрей вскочилъ, оправилъ разстегнутую грудь, подошелъ съ уваженіемъ къ монаху и сказалъ: «благослови, отче, странника.»

Монахъ не поднимая руки, кротко, съ улыбкою, но дрожащимъ голосомъ говоритъ ему: «Меньшій неблагословитъ старшаго.»

—Какъ это, отче святый?—сказалъ удивленный Андрей.

«Андрей! вскрикнулъ монахъ, поднявъ руки и дрожа всѣмъ тѣломъ:—Ты братъ мой въ мірѣ. Я видѣлъ крестъ на тебѣ!...

—Братъ?.... ты Григорій?.... Братъ мой?....

«Братъ!....»

И долго они болѣе ничего не могли произносить, какъ это сладостное имя, отъ самаго дѣтства невыходившее изъ устъ ихъ.... Обниманія ихъ продолжались долго... потомъ пошли распросы, разсказы.... Пришли въ келлію монаха, тутъ же при источникахъ кое-какъ слѣпленную; хозяинъ предложилъ скудную трапезу. Тутъ Андрей разсказалъ брату всѣ свои похожденія.

Монахъ въ свою очередь разсказалъ, что когда онъ жилъ у тетки, то вдругъ неожиданно явился отецъ ихъ, сказалъ что-то невѣсткѣ. Она начала плакать горько и заботиться гдѣ бы укрыть его, но вдругъ набѣжали солдаты «батюшку схватили и потащили не знаю куда»— Такъ разсказывалъ монахъ.—Когда солдаты тащили батюшку, то я уцѣпился за него и хотѣлъ, чтобы и меня вмѣстѣ утащили. Батюшка успѣлъ благословить меня.... и я его больше невидѣлъ уже. Солдаты всѣ кричали на батюшку: убійца!... убійца!....

Прошло дня два, мы съ тетушкою все плакали. Она не смѣла послать развѣдать, что дѣлается съ батюшкою.... Какъ вдругъ набѣжали солдаты, вырвали меня изъ рукъ тетушки и повезли не далеко, въ какой-то городъ и отдали меня въ одинъ домъ, гдѣ старый господинъ и все семейство его были въ чорномъ платье. На меня только взглянули и сказавъ: это онъ? приказали свести въ людскую.

Не стану пересказывать тебѣ, что я вытерпѣлъ въ этомъ домѣ. Никакого присмотра за мною не было; вѣчно голоденъ, холоденъ, почти нагъ, всегда босъ, самое грубое обращеніе, упреки, брань; а когда началъ подростать,

чорная, тяжелая работа.... вотъ все, что переносилъ я въ этомъ домѣ! Были люди, которые, иногда, входя въ мое положеніе, приголубливали меня, это было рѣдко и не на долго. У нихъ, въ добрый часъ, выспросилъ я, за что послѣдовало такое гоненіе на батюшку, продолжающееся даже на родъ его. Батюшку, гдѣ мы жили, любили всѣ вообще и начали убѣждать его, чтобы онъ служилъ имъ противъ Москвы. Батюшка слышать нехотѣлъ; однажды среди убѣжденій, одинъ изъ молодыхъ людей тутъ бывшихъ, дозволилъ себѣ говорить дерзость о русскихъ и шаткости ихъ въ мнѣніяхъ, принятіи какого-то бродягу за Царя и потомъ гоненіи на него, избраніи въ Цари, кто первый попадался на глаза, отреченіи въ послѣдствіи отъ него — и много тому под. Батюшка унималъ клеветника; разгорячился въ спорѣ; дѣло дошло у нихъ до поединка, и онъ убилъ своего противника, сына знаменитаго чиновника. Батюшку преслѣдовали, схватили, заключили въ темницу, судили.... но онъ не перенесъ своего положенія. Болѣзнь изнурила его и онъ, бѣдствуя всю свою жизнь, далеко отъ отечества, отъ дѣтей, единою отрадою бывшихъ ему въ свѣтѣ, не зная какая участь ожидаетъ насъ, въ тюрмѣ, въ цѣпяхъ, на голомъ камнѣ, кончилъ свою страдальческую жизнь!......

«За кончиною его — продолжалъ монахъ: — судъ прекратился; рѣшено было, все имущество, какое только можетъ остаться, отдать отцу убитаго. Ты съ Агафономъ скрылся, а меня нашли и какъ вещь или какъ собаченку отдали по приговору. Не могли ничего уже сдѣлать батюшкѣ, — и на меня изливалось мщеніе огорченныхъ.

«Я былъ уже лѣтъ четырнадцати и незнаю что распо-

лагали со мною сдѣлать, какъ въ одинъ день, вытерпѣвши жестокія оскорбленія отъ чумичекъ на кухнѣ, я вышелъ за ворота и горько плакалъ. Понимая свое положеніе и ожидая еще худшаго отъ злобы владѣющихъ мною, я совершенно терялся отъ отчаянія. Тутъ проходятъ два монаха и увидѣвъ меня, одинъ другому сказалъ по русски: «Что́ за лице у этого мальчика!»

— Да, — отвѣчалъ другой: — онъ какъ будто непростой. —

«Точно не простой, — отвѣчалъ я имъ, стараяся сколько можно чище выразиться по русски. — » страдаю здѣсь ужасно.

— Ты Русскій? вскричали оба монаха.

«Русскій, Москвитянинъ и чуть ли еще не сынъ боярина» сказалъ я сквозь слезы.

— Какимъ образомъ ты очутился здѣсь? спросили они.

И я въ короткихъ словахъ все пересказалъ о себѣ, какъ страдаю и неимѣю никакого средства избавиться отъ мучительнаго ига.

«Не хочешь ли съ нами. Мы тебя съ веземъ въ Россію?»

Я началъ ихъ просить убѣдительно — и тутъ же одинъ изъ нихъ покрывъ меня своею рясою, повелъ въ свою квартиру и въ тотъ же день мы выѣхали спокойно. Обо мнѣ небыло никакого розыска.

«Меня привезли въ Коломну, въ Голутвинъ Богоявленскій монастырь, За чѣмъ мнѣ было итти въ Москву? Кого тамъ отыскивать и для чего? Съ первыхъ дней мнѣ понравилась монастырская жизнь, я началъ учиться, а пришедши въ возрасть, обдумавъ и разсчитавъ все, вступилъ

въ монашество. Я уже не Григорій, а недостойный Онуфрій, принявшій имя Святаго, празднуемаго въ день, когда возложили на меня монашескую мантію.

«Монастырь нашъ не уединенъ; житейская молва тяготила меня и я оставилъ мѣсто моего постриженія. Проходя по Россіи, видѣлъ монастыри, но неостался нигдѣ; мнѣ желалось спокойнаго безмолвія. Намѣревался пройти въ Кіевъ, нашъ русскій Іерусалимъ и также бѣдствующій подъ чужою властію. Вышедши изъ Россіи, шелъ мѣстами дикими безлюдными и какъ-то Всеблагій Промыслъ привелъ меня на это прекрасное мѣсто.... Чего мнѣ болѣе желать? подумалъ я. Сдѣлалъ себѣ келлію, запасся всѣмъ нужнымъ для зимы, отыскалъ русскій городокъ не въ близкомъ растояніи, и тамъ есть Святая церковь, туда хожу для питанія души словомъ Божіимъ, а жители снабжаютъ меня не обходимымъ для грѣховнаго тѣла. — Возблагодаримъ же, любезный братъ, Всеблагаго Бога за Его всеблагій Промыслъ. Неисповѣдимыми судьбами Его, мы сироты, безкровные, безпріютные, впавшіе въ руки враговъ отца нашего, казалось, должны погибнуть, но, смотри! какъ чудесно мы сохранены, приведены во едино мѣсто, собраны воеже жити братіи вкупѣ. О коль добро и коль красно! о коль неисповѣдимъ Господь въ милосердіи къ намъ, всегда токмо прогнѣвляющимъ Его! — О Господи! — И онъ палъ на колѣна, молился со всею горячностію.... Андрей съ такими же чувствами молился и благодарилъ Бога, такъ чудесно соединившаго его съ братомъ.... Теперь онъ не въ пустынѣ; ничего ему болѣе недостаетъ; все драгоцѣнное ему въ мірѣ, все съ нимъ. Чего жъ еще ему искать?

Окончивъ молитву и укрѣпясь пищею, отецъ Онуфрій пожелалъ проводить брата до мѣста его кочевья, узнать жену его и благословить ее — и они отправились.

На пути, Андрей разсказалъ о намѣреніи своемъ остаться здѣсь на всегда и о своихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ. О. Онуфрій все одобрялъ и молилъ Бога о благополучномъ устроенiи всего задуманнаго.

Къ вечеру пришли они къ обиталищу Андрея. Кузминишна первая встрѣтила ихъ; — радость и удовольствіе на лицѣ ея. — «Эхъ, ты горе охотникъ нашъ! — первыя слова ея были, увидѣвши Андрея: — » Ну, чѣмъ похвалишься? Что заполевалъ? — А мы вотъ и бабы тутъ, да посмотритъ-ка какого молодца изловили! — Иди-ка, иди скорѣе, полюбуйся.»

— Какъ? . . . что такое? . . . едва могъ спросить смущенный Андрей.

«Да нечто такое, — тараторила Кузминишна: — а прямо красавчикъ, весь въ батюшку, матушкины глазки да усмѣшечка . . . .

— Да что такое? раскажи мнѣ толкомъ — спрашивалъ дрожащій Андрей.

«Къ чему толковать, слова тратить. Иди, да поблагослови сынка — молодца, что Богъ тебѣ сего-дня ровно въ полдень даровалъ» — говорила Кузминишна, но Андрей уже былъ у постели Масиной, обнималъ ее довольную, радостную и спокойную . . . Слезы мѣшали имъ сказать что либо другъ-другу, но эти слезы были даръ Божій, слезы радости, хваленія и бдагодаренія подателю всѣхъ благъ.

Успокоившись, Андрей принялъ на руки первенцa своего, расцѣловалъ и опять обратился къ Масѣ, расказалъ ей о чудесной встрѣчѣ съ братомъ, уже монахомъ. Мася пожелала видѣть его.

Отецъ Онуфрій благословивши жену брата и новорожденнаго, сказалъ: «Дивенъ въ дѣлахъ своихъ Господь-Богъ! Надобно же намъ было сойтись и именно въ этотъ день и принять отъ Бога даръ, тебѣ, любезный братъ, посылаемый. Сегодня 5 Іюля, церковь празднуетъ Св. Афанасія; по крестамъ у насъ имѣвшимся, должно полагать, что родителя нашего звали Афанасіемъ. Въ день Ангела его, Богъ, насъ разлученныхъ въ дѣтствѣ, соединилъ въ необитаемой пустынѣ и послалъ намъ этаго Ангела. Сохранимъ-же въ немъ имя Святаго соединившаго насъ, которое, вѣроятно, носилъ и отецъ нашъ.»

— Во имя Бога великаго и милосерднаго! — воскликнулъ Андрей, поднявъ вверхъ младенца. — Первенецъ мой, дарованный мнѣ въ избранной мною пустынѣ, да будетъ — Афанасій Квитка! Ему, а чрезъ него и всему роду заповѣдаю, никогда и нигдѣ не отыскивать правъ родителя моего. — Батюшка! Призри, благослови насъ и молись за насъ!....

Братья и Мася обнялись и, разцѣловавъ новопришедшаго въ міръ, занялись бесѣдою, сколько позволило состояніе Маси.

На другой день Муха «поспѣшитъ — поспѣшилъ» въ Чугуевъ и скоро привезъ оттуда Священника съ требами для совершенія крещенія. О. Онуфрій былъ воспріемнымъ отцомъ Афанасію Квиткѣ.

Когда здоровье Маси дозволило, Ѳедосья Кузминишна

наговоривъ тьму желаній, отвезена была въ Чугуевъ; Настя же, полюбивъ Масю, вызвалась остаться при ней для прислуги.

Призвавъ Муху и двухъ изъ его товарищей, Андрей предложилъ имъ ѣхать въ Украину за Днѣпръ, въ свои мѣста «и если уже — такъ говорилъ онъ: —» ваше желаніе непремѣнно поселиться въ этой пустынѣ съ нами, то пригласите кого изъ земляковъ своихъ переселиться сюда. Страданія отъ Ляховъ и жидовъ не выносимы, утѣсненія за вѣру нестерпимы! До коихъ поръ все это переносить? Пока козаки соберутся и явно отложатся отъ Польши, какъ вы и я слышали о всеобщемъ желаніи ихъ, то много горя достанется претерпѣть! Кто хочетъ спокойствія, пусть смѣло идетъ сюда. Здѣсь поселимся, здѣсь обзаведемся всѣмъ. Земля обѣтованная, край блаженный! Свободно будетъ намъ молиться своему Богу. Царь православный пріиметъ насъ подъ свою сильную руку и мы счастливо будемъ жить здѣсь. Успѣютъ-ли наши земляки, (я говорю наши, потому что я взросъ и сталъ человѣкомъ между вами;) успѣютъ-ли они въ своемъ задуманномъ благомъ предпріятіи? Боже ихъ благослови возвратиться въ нѣдра родной своей матери; а мы въ волѣ и спокойствіи наживемся.»

— А дадутъ-ли намъ Татары свободно жить? — сказалъ одинъ изъ отряжаемыхъ.

«Мы поселимся въ сторонѣ отъ того пути, по которому они пускаются на русскія селенія. При томъ же будемъ жить скрытно, близъ этихъ лѣсовъ. При малѣйшей тревогѣ, мы со всѣмъ нашимъ имуществомъ скроемся въ лѣса. Не успѣвъ съ перваго раза ничѣмъ у насъ поживить-

ся, они оставятъ преслѣдовать насъ. Если же Богъ пошлетъ на мысль значительному числу поселиться съ нами, тогда устроимъ себѣ острожокъ и будемъ въ немъ отсиживаться и отстрѣливаться. Татарва не любитъ этаго и оставятъ насъ въ покоѣ—».

Давъ еще полнѣйшія наставленія, какъ имъ дѣйствовать и чѣмъ убѣждать земляковъ своихъ къ переселенію, Андрей отпустилъ Муху съ товарищами въ путь, а о. Онуфрій напутствовалъ ихъ молитвою о успѣхѣ въ благомъ предначинаніи.

Въ ожиданіи исполненія задуманнаго предпріятія, поселенцы наши жили спокойно и не теряли времени къ устройству для будущаго. Андрей и два оставшіеся съ нимъ козака, доставъ въ Чугуевѣ необходимыя инструменты, приступили къ постройкѣ избы, все въ той же березовой рощѣ, гдѣ основанъ былъ и первый шалашъ. Мася здоровая, веселая, живая, восхищенная тѣмъ, что мысль ея объ основаніи всегдашняго жилища, въ такомъ пріятномъ, свободномъ, далекомъ отъ свѣтскаго шума мѣстѣ, осуществляется, не отлучна была отъ *мастера при строеніи*, своего Андрея, милаго Квитки; тутъ же сидя и работая свое, занимала его то пѣсенками, то шутками и всячески ободряла его въ трудахъ. Маленькій поселенецъ покоился близъ нея; но плутишка, чтобъ угодить матери и выиграть себѣ что нибудь, по временамъ, не плакалъ а какъ будто шутя, пищалъ—и тутъ Андрей, оставя зарубливать уголъ, кинетъ топоръ и очутится близь малютки, вмѣстѣ съ Масею. Дитя зацѣлуютъ, да и сами начнуть миловаться, пока-то вспомнятъ объ оставленной работѣ. Настя, со всѣмъ усердіемъ исправляла все по хо-

зяйству. Нерѣдко о. Онуфрій навѣщалъ ихъ и по нѣсколько дней проводилъ съ ними, то бесѣдуя, то также съ топоромъ трудясь около бревна. Знакомый имъ Чугуевъ доставлялъ все необходимое. Ѳедосья Кузминишна находила случай навѣщать своего «внучка — красавца» и балагурствомъ своимъ да присказами доставляла большое удовольствіе нашимъ поселенцамъ.

Кончилось лѣто, осень уже началась, какъ вотъ явился Муха съ товарищами, а за ними.... цѣлый транспортъ переселенцовъ съ семействами, имуществомъ, скотомъ. Разсказы Мухи въ Украинѣ приняты въ уваженіе и нѣсколько семействъ изъ разореннаго, утѣсненнаго города Черкасъ, въ Украинѣ, изъ за Кіева верстъ 250, рѣшились избѣгнуть гнетущаго ихъ ига и испытать счастья на вольной землѣ. Съ радостью встрѣтилъ ихъ Андрей, но тутъ же предложилъ имъ, изъ опасенія, чтобы необратить вниманія на себя иногда могущихъ рыскать по симъ мѣстамъ Татаръ, селиться не всѣмъ вмѣстѣ, а порознь «хуторами» на удобныхъ мѣстахъ. Семейства два осталось въ томъ мѣстѣ гдѣ *основался* прежде Квитка, а прочіе расположились почти по семейно, гдѣ кому нравилось. Общими однако же трудами выстроены для всѣхъ избы, вспахано и засѣяно въ озимь поле, сколько можно было снято сѣна для приведеннаго скота и такъ положено было, что бы и на будущее время, всѣ работы производить вмѣстѣ и выручкою раздѣляться по семейно. Муха, отъ всѣхъ прозванный «проворный какъ Муха» каждому семейству выбиралъ въ окружности мѣста для поселеній, давалъ полезные совѣты каждому и былъ у Андрея, главнаго всѣмъ распорядителя, какъ бы управляющій: наблюдалъ, осматривалъ и приводилъ въ порядокъ всѣ его распоряженія.

Одной только Масѣ, привезъ Муха огорченіе и печаль. Отецъ ея, яснѣйшій воевода кіевскій, попавшись въ руки вѣтренной женщины, второй жены своей, слушалъ ее во всемъ, запутался въ дѣлахъ своихъ, смѣненъ и въ маетностяхъ своихъ, не допивъ бочки ковенскаго меду и столѣтнаго венгерскаго, умеръ; имѣніемъ завладѣла жена въ пользу прижитыхъ съ нею дѣтей. Мася поплакала, но. . . . съ нею Андрей, сынъ. . . . пусть будетъ, какъ будетъ. «Въ нихъ мое отечество, мое богатство!» сказала и обратилась къ занятіямъ своимъ.

Хата для Андрея, съ помощію пришедшихъ переселенцевъ, отдѣлана была отлично. Поселившіеся на этой *Основѣ,* выстроили также и себѣ для житья чрезъ зиму что успѣли. Муха въ особенности занимался устройствомъ одной землянки. Андрей замѣтилъ это и спросилъ, не для себя ли онъ это готовитъ?

«Для козака не нужно бы ни какого пріюта, хоть бы и на зиму. — Сказалъ Муха твердо, но уже продолжалъ съ запинкою: — » Но какъ всякій человѣкъ любити — любитъ двойственность, то и я. . . .» и замолкъ.

— А! не жениться ли хочешь? — спросилъ Андрей. — Во святой часъ, умножай наше новое поселеніе. У кого въ семьѣ выбралъ?

Переселенцы прибыли съ своими семействами. У нѣкоторыхъ были взрослыя дочери.

«Не у кого же въ семьѣ какъ не у васъ, добродѣю!»

— Какъ это? —

«Хочется мнѣ совершенно обмоскалиться. Для такого случая пригодна *жинка.*» Благословити — благословите и дозволити — подозвольте съ вашей Настею лю-

бовь возымѣть и въ бракъ законный вступити — вступить.»

— Очень радъ. Согласна ли она? —

«Боже мой, какъ согласна! Она щиро меня любити — любитъ и охотою охотно итти — идетъ за меня.»

Не долго собиралися къ свадьбѣ. Съѣздили въ Чугуевъ за согласіемъ родителей Настиныхъ, привезли ихъ и вновонаселяющійся край огласился веселыми, свадебными пѣснями.

Зимою, Муха, по приказанію Андрея, долженъ былъ оставить молодую жену и снова отправится въ Украину, для приглашенія переселенцевъ въ новый край. Съ нимъ поѣхали нѣкоторые изъ пришедшихъ осенью для удостовѣренія о всѣхъ выгодахъ, какія найдутъ они въ дикой и всѣмъ изобилующей степи.

Съ открытіемъ весны, Муха возвратился съ многими переселенцевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не доходя до *Основы*, новаго поселенія, куда призывалъ ихъ Муха для совѣта, найдя великія удобства, избрали себѣ мѣста по рѣкамъ Пслѣ, Ворсклѣ и далѣе въ степь, и селились уже большими хуторами. Дошедшія съ Мухою до *Основы* поселенія, по совѣту Андрея, начали отыскивать мѣста и селиться также значительными хуторами по ближе къ границѣ русской, по рѣкѣ Донцу.

Съ транспортомъ Мухи, избѣгая гоненій и утѣсненій за Вѣру, прибыли въ новый край три монаха. О. Онуфрій принялъ ихъ съ душевною радостію. По распоряженію Андрея, въ пустынѣ на источникахъ, сооружена часовня во имя С. Онуфрія и иноки положили основаніе обители.

По усердію своему, Мася пожелала тутъ же, на Основѣ, выстроить часовню, во имя Рождества Предтечи, въ память того дня, въ который они прибыли сюда. «Хочу—сказала она, принеся первую въ этой часовнѣ молитву:—при жизни своей устроить храмъ во имя сего великаго Святаго: но если Богъ меня не удостоитъ того, то заповѣдую и приказываю сыну и роду своему, непремѣнно на этомъ мѣстѣ устроить храмъ рождества Св. Предтечи въ память нашего водворенія здѣсь.»

Годы шли, шли и поселенцы въ новый край. По всей Украинѣ, по всѣмъ мѣстамъ, угнѣтаемы были Русскіе, народъ православный принуждаемъ былъ принять Унію и для этого дана была воля жидамъ взять на откупъ храмы Божіи. Жаждущіе Божественнаго Слова, совершенія безкровной жертвы, должны были заплатить за позволеніе совершать службу въ церквѣ. Нужно крестить младенца, напутствовать старца и немощнаго при отходѣ въ вѣчность, предать землѣ усопшаго, какую бы ни было требу Христіанскую исполнить, церковь отпереть, хотя бы только для прибора,—за все должно было платить жиду откупившему у польскаго начальства право утѣснять христіанъ, коимъ отъ католиковъ другаго не было имени, какъ «шизматики.» Всѣ гоненія за Вѣру, утѣсненія въ гражданскомъ управленіи, тягость отъ непомѣрныхъ налоговъ, все это волновало умы русскихъ на Украинѣ. Отложеніе отъ польскаго ига готовилось, но еще не настало время: располагавшіе великимъ дѣломъ, встрѣчали затрудненія; простой-же народъ, помѣщики не учавствовавшіе въ заговорѣ, не знали что приготовляется патріотами для общагo спасенія; при первой разнесшейся въ ихъ краѣ молвѣ, объ

удобности къ жизни въ новоселяющимся краѣ, въ дикихъ мѣстахъ, можно жить привольно, молиться свободно *своему* Богу и зависѣть отъ одного *своего* законнаго Царя и однимъ словомъ, какъ были въ прежнее время, такъ опять стать настоящими русскими, двинулись изъ за Днѣпра и наиболѣе изъ повѣтовъ крайне разоренныхъ и угнѣтенныхъ Черкасъ, Зембора, Корсуна, Чигирина и другихъ.

Ежегодно переходило переселенцовъ великое множество. Кромѣ семействъ и всего имущества своего, они, чтобъ не оставлять святыни на поруганіе жидамъ и такимъ-же не-христамъ, Ляхамъ, забирали самыя Церкви и уложивъ благолѣпно святыню, все везли съ собою. Нѣкоторые, по привязанности къ роду прежнихъ своихъ владѣльцовъ, дѣтей ихъ находившихся въ сиротствѣ, чтобы неподпали ляхскому игу, забирали также съ собою и призирали ихъ уже и на мѣстѣ. Вся Украина поднималась искать *слободы*, перейты на слободныя мѣста, гдѣ уже есть *Основа* новому поселенію. Всѣ шли къ *Основѣ*, разумѣя то мѣсто гдѣ прежде поселился Андрей, и нѣкоторые въ окружностяхъ, а другіе не доходя до того мѣста или проходя, по свободѣ въ стороны, избирали себѣ, какъ сказано, любыя и выгодныя мѣста, селилися слободно (:свобода, свободою:) и хутора ихъ звалися отъ того *слободами*.

До того поселенія, край сей, былъ безмолвною степью. Одни звѣри гуляли по полямъ, проживали въ лѣсахъ, да ватаги татарской орды, проносились безъ пути и дороги, куда зря, лишъ бы добраться до русскихъ селеній, городковъ по бѣлогородской чертѣ, вновь тогда устроиваемой, захватить скотъ, раззорить селеніе, живьемъ забрать годныхъ

имъ людей, а не нужныхъ приколоть.... Гуляли себѣ, мошенники, какъ дома, а подъ часъ да при силѣ, пробирались и гораздо за черту, тревожили, разоряли русскіе городки и селенія, во все нечаявшіе такой бѣды. Отъ удачь избаловались наконецъ до того, что подумывали обзавестись своимъ хозяйствомъ, присосѣдиться поближе къ Россіи, за тѣмъ, знаете, чтобы не далеко было уводить добычу, а при неудачѣ и урывать безъ оглядки отъ погони русскихъ. Уже на р. Донцѣ, извѣстный «Гузунъ-Курганъ» (у коего нынѣ городъ Изюмъ Харьковской губерніи), а на р. Ворсклѣ «Бѣлый-Боръ (Ахтырка, городъ той же губерніи), укрѣпили по-своему и проживали въ нихъ покойно; не переставая дѣлать оттуда набѣги, уводили въ свои укрѣпленія, что попадало подъ руку. Матушкѣ нашей Россіи тогда не до того было. Самозванцы, Ляхи, свои недруги, занимали ее, сердечную, и тревожили много и не давали времени все обдумать и устроить. Уже царствовалъ благодатный Михаилъ, но много требовалось дѣятельности на приведеніе въ порядокъ внутри государства всѣхъ частей и обезпеченіе его извнѣ отъ важнѣйшихъ враговъ; такъ объ этой дряни, каковы Татары, не время еще было заботиться. Дошла бы очередь и къ нимъ, но Богъ помогъ и дѣло, сперва по маленьку шедшее, принесло великую пользу.

Рыскающіе Татары замѣтили незванныхъ гостей, поселяющихся на землѣ которую они почитали своею собственностію. Давай ихъ тормошить, тревожить, разорять... но *слобожане* (такъ называвшіеся отъ свободы въ поселеніи) не оплошали. Узнавъ неизчислимыя выгоды отъ обладанія привольнымъ краемъ, не думая тѣшить Татаръ

и убраться съ заселяющагося края, они рѣшились проучить ихъ по-своему. Для этого, надобно было укрѣпляться острожками, обносить валомъ, запасаться оружіемъ. О такой необходимости прослышивали въ Украинѣ и не раздумывали переселяться, но уже набирали съ собою годнаго оружія. Кромѣ ручнаго, помѣщики забирали имѣвшіяся у нихъ издревле при домахъ пушки, снабжали ими вновь устроенные городки и, подъ часъ, порядочно проучивали Татаръ. Не безъ того, что и Татары, нападая въ расплохъ, разоряли недавно обзаведенныя селенія, жителей умерщвляли, отводили въ плѣнъ; но вновь приходящіе селились на тѣхъ же пепелищахъ и придумывали все къ своей оборонѣ отъ врага. Невозможно было безъ оружія выйти за селеніе. Татары, неожиданно, словно изъ земли, являлись и увлекали съ собою попадавшихся, если они не имѣли чѣмъ оборониться. Работы въ полѣ производились во множествѣ: управляющій плугомъ имѣлъ саблю у бока, рушницу (ружье) за спиною. Въ мѣстахъ ближе къ «Основѣ поселенія» и отъ нее къ востоку и полудню, какъ подверженнымъ большимъ безпокойствамъ отъ Татаръ, самопроизвольно составилось козачество, т. е. составились небольшія конныя партіи, обязанныя, при малѣйшей гдѣ-либо тревогѣ, со всѣхъ селеній являться на помощь бѣдствующимъ.

Такъ все шло годъ отъ году далѣе. До Андрея доходили утѣшающіе его слухи, что край, имъ избранный, не смотря на безпокойства Татаръ, болѣе и болѣе люднѣетъ. Отъ 1643 года, въ который поселенія во всемъ краѣ значительно умножились, такъ названное по протекающей рѣкѣ, поселеніе «Сумы» уже имѣло видъ порядочнаго го-

рода, какъ по укрѣпленію, такъ и по населенію. Ахтырка, изъ прежняго татарскаго укрѣпленія, опустѣвшая и считавшаяся въ польскомъ владѣніи, возобновлена укрѣпленіемъ и по многолюдству начала почитаться городомъ съ 1645 года. Невольно весь край начиналъ дѣлиться на области, видимо требовалось внутренняго устройства, радились, совѣтовались, но не учредили ничего.

Нашъ же молодецъ, объ основаніи котораго здѣсь говорится, теперешній папахенъ, или какъ тогда называли «батько» всѣхъ городовъ, еще въ то время и не родился. Извѣстна только была рѣка Харьковъ, вытекающая изъ Россіи, т. е. изъ Бѣлогородской провинціи, протекающая близь *Основы* поселенія, мѣста, гдѣ поселился первоначально Квитка, и тутъ же соединясь съ рѣкою Лопанью, проходила далѣе сосновымъ боромъ и впадала въ рѣку Уды, втекающую въ рѣку Донецъ.

По теченію рѣки Харькова, Андрей часто ходилъ на охоту и обозрѣвалъ новопоселяющіяся слободы. Проходя внизъ по теченію ея, нашелъ маленькой хуторокъ на мѣстѣ удобномъ для жизни, а у живущихъ огороды, сады фруктовыхъ деревъ и колодезъ хорошей воды (*). Онъ любовался удобствомъ мѣста для жизни, прошелъ далѣе на возвышенность и въ немъ родилась мысль, для приведенія которой въ дѣйствіе, онъ всѣмъ вновь прибывающимъ поселенцамъ, всегда первоначально являвшимся къ нему, какъ «осадчему» за совѣтомъ, гдѣ выгоднѣе поселиться, началъ предлагать селиться на хуторѣ Харьковскомъ и вверхъ по возвышенію. Населеніе скоро умножилось, нужно было

(*) Что нынѣ извѣстенъ подъ именемъ : Бѣлогородскій.

подумать о укрѣпленіи мѣста, устроеніи города. Мѣсто, по совѣту съ поселившимся тутъ же шляхетствомъ, найдено удобнымъ; на горѣ, съ обоихъ сторонъ проходили рѣки: Харьковъ и Лопань; за послѣднею, къ высокой горѣ, называемой уже — холодною, были озера, болота, топи, наконецъ дикіе сады, соединяющіеся съ непроходимыми лѣсами; за рѣкою Харьковомъ также сады, рощи и луговыя мѣста; въ третью сторону (что нынѣ называется подолъ) большія болота, поросшія густымъ высокимъ камышомъ.

Приступлено къ построенію города и къ сооруженію храма Божія, подобно какъ и въ другихъ городахъ и значительныхъ селеніяхъ. Поселенцы упросили о. Онуфрія отправиться съ выборными отъ общества къ Черниговскому Владыкѣ, просить его молитвъ и благословенія въ благомъ начинаніи и отряженіи отъ себя духовнаго лица для освященія города и храма Господня въ немъ и въ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ въ томъ нужду, равно и о приглашеніи духовныхъ лицъ для занятія мѣстъ священниковъ при новоустроенныхъ церквахъ.

Посольство отправилось, благополучно прибыло въ Черниговъ и со вниманіемъ выслушана Преосвященнымъ просьба новыхъ поселенцевъ. Отрядивъ именитое духовное лице съ уполномочіемъ освятить всѣ вновь устроенные храмы, снабдивъ должною для того святынею, согласивъ священниковъ занять мѣста пастырей новособраннаго стада Христова, Преосвященный, при отпускѣ посольства, благословилъ и вручилъ имъ подлинный, чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, *Елецкою* именуемый и сказалъ притомъ: «Благая Заступница да путеводствуетъ васъ въ из-

«бранное мѣсто для славы Божіей, да благопоспѣшитъ въ «исполненіи желанія дѣлателей благаго предпріятія и благо«датію Своею да неотступитъ никогда отъ мѣста избран«наго для хвалы Святаго имени Его. Но да помнитъ каж«дый гражданинъ новостроющагося града, что въ благо«честіи жителей зиждутся грады, устами же нечестиво «живущихъ раскопаются.»

Съ должнымъ благоговѣніемъ жители предполагаемаго города встрѣтили образъ Благодатной, покровительству которой вручили себя и новый городъ. Встрѣча была на холодной горѣ и оттуда духовенство въ облаченіи, съ пѣніемъ, свѣчами и кадилами несли въ предполагаемый городъ. На непроходимыхъ мѣстахъ (*) устроены были мостики и безопасные переходы. По принесеніи Св. Образа въ городъ, внесенъ Онъ былъ въ церковь, на скоро выстроенную и за недостаткомъ способовъ, весьма незначительно убранную. Любящими благолѣпіе храмовъ пріисканы были колокола, большій изъ нихъ былъ пудовъ въ пять.

Приступили къ приготовленію заложенія города и освященія въ немъ храма Божія.

Въ вечеръ, 14 Августа 1646 года въ дикомъ, безлюдномъ, не обитаемомъ до того мѣстѣ, раздался первый звонъ колокола, призывающій, хотя и не во многомъ еще числѣ поселившихся гражданъ, къ славословію имени Божія и Заступницы всѣхъ уповающихъ на помощь Ея. Всенощное бдѣніе совершено.

Въ самый же день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, во имя коего сооружена и церковь, освященъ былъ

(*) Что нынѣ Екатеринославская улица.

храмъ, совершена въ немъ безкровная жертва и потомъ съ возможнымъ мѣсту и обстоятельствамъ благолѣпіемъ выступила изъ храма духовная процессія. По чиноположенію церковному, на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось быть городскимъ воротамъ и башнямъ, приносимы были установленныя молитвы съ окропленіемъ Св. водою и освѣненіемъ образа Той, въ руцѣ которой поручаемъ былъ градъ. Усердные граждане, въ восторгѣ душевномъ, чтобъ явить свою радость, при всякомъ торжественномъ дѣйствіи стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, привезенныхъ съ собою шляхетствомъ фамиліи Ковалевскихъ, Земборскихъ и другихъ.

Городъ въ молитвословіи наименованъ былъ «Харьковомъ». До сего было совѣщаніе, какъ наименовать городъ. И общее мнѣніе основалось назвать его по рѣкѣ, мимо его протекающей. «Рѣка течетъ изъ Россіи — говорилъ Квитка, а съ нимъ согласились и всѣ: —» Пусть и по имени извѣстно будетъ, что мы коренные русскіе, подданные православнаго и преславнаго Царя Московскаго.»

По окончаніи пировъ, необходимыхъ при такомъ необыкновенномъ событіи, принялись за укрѣпленіе города. Вотъ его тогдашняя величина и обширность. Первые ворота были, гдѣ нынѣ въѣзжаютъ къ Университету; другіе тамъ, гдѣ домъ и лавки купца С. Ѳ. Карпова; третьи, гдѣ сапожный рядъ; четвертые, на случай облежанія города, тайный ходъ къ р. Лопани, спускъ между присутственными мѣстами и лавками Карпова. Прочее все было обнесено рвами, дубовымъ чистоколомъ, кое-гдѣ стояли пушки, о коихъ уже сказано выше.

Такъ разсказывали старики.

Вотъ вамъ весь тогдашній Харьковъ. Что, если бы всталъ кто изъ бывшихъ при заложеніи его? Узналъ-ли бы мѣсто, гдѣ были домики первокласныхъ тогда жителей?.... Тото-же. И вотъ исполняется только двѣсти лѣтъ отъ первоначальнаго его основанія..... Пожалуйста, любезные земляки, 15 Августа 1846 года погуляемъ знатно въ память двухъ-сотъ лѣтія нашего Харькова — молодца.

=

Далѣе разсказывать здѣсь не мѣсто. Предположено сказать объ основаніи Харькова, а не исторію его написать— и вотъ дѣло кончено. Развѣ объяснить нѣсколько послѣдствій, поясняющихъ сказанное выше.

По совершеніи духовнаго обряда, жители новаго города, въ изъявленіе благочестія своего къ Благодатной покровительницѣ своей, начали дѣлать приношенія для украшенія Св. Образа Ея. Первый Андрей повергъ свой крестъ, данный ему при крещеніи, чтобы у потомства его истребить всякое разсужденіе о происхожденіи своемъ и предназначилъ его на вѣнецъ образа Божіея Матери. Духовенство, прибывшее изъ Чернигова, освятивъ вездѣ церкви, устроенныя въ слободахъ, располагало отправиться обратно, съ Св. Образомъ; но осеннее время, безпокойства отъ усиливающихся татарскихъ шаекъ и смуты въ Малороссіи, заставили ихъ Святыню оставить въ Харьковѣ, а сами, переодѣвшись въ простыхъ людей, отправились въ Черниговъ, съ предположеніемъ, въ благопріятное время прислать за Образомъ съ приличнымъ препровожденіемъ и охраненіемъ; но безпокойства въ Ма-

лороссіи, перемѣна Владыки черниговскаго, тогдашнія власти откладали все далѣе и далѣе, а наконецъ образъ Заступницы остался на всегда въ Харьковѣ и осѣняетъ его Своимъ покровомъ.

Отецъ Онуфрій имѣлъ душевное утѣшеніе устроить въ своей пустынѣ, на источникахъ, храмъ во имя Св. Онуфрія и съ малочисленною братіею жилъ уединенно и окончивъ благочестивую жизнь, тамъ же и погребенъ. Обитель его опустѣла не надолго. Когда образовались и устроились такъ названные отъ слободъ «слободскіе козачьи полки;» Полковникъ Харьковскаго полка по прозванію «Донецъ» съ полковою старшиною возобновилъ монастырь и уже на горѣ основалъ его и устроилъ церковь Спаса Преображенія. Церковь же Св. Онуфрія, на источникахъ, оставалась въ своемъ видѣ.

Первое поселеніе Квитки, прозванное первоначально Основою, сохранило свое именованіе и по нынѣ. Андрей и жена его, по преданію, похоронены тамже, близь часовни. Желаніе Маси, устроить храмъ въ березовой рощѣ, гдѣ основанъ первый шалашъ для ихъ пребыванія, не исполнилось; уже правнукъ ихъ, Харьковскій Полковникъ, Григорій Семеновичь Квитка въ 1714 году соорудилъ тамъ церковь во имя Рождества Св. Предтечи. Знаменитая березовая роща красовалась и была любимымъ гуляньемъ Харьковцевъ до 19 Іюня 1789 года. Въ тотъ день ужаснѣйшая буря, *положила* въ полчаса всѣ деревья. Песокъ возобладалъ сильно и до того, что господскую усадьбу и церковь должно было снести оттуда.

Сынъ Андрея и Маси, Афанасій Квитка, былъ полковымъ Судьею въ Харькоескомъ Слободскомъ полку и отъ

него пошелъ родъ Квитокъ. Золотая цѣпь, на которой, можетъ быть, отецъ Андрея носилъ гривну, потерянную Агафономъ, передавалась изъ рода въ родъ; при раздѣленіи домовъ дѣлились на части и у одного изъ потомковъ хранится одна изъ нихъ.

А Татары? — Ого! — Сначала помаленьку проучивали ихъ, отбивались, потомъ разбивали ихъ и до того стѣснили, что они уже и носа показать сюда не смѣли. И Гузунъ-Курганъ, наши слободскіе козаки удержали за собою и прошли еще далѣе до рѣки Тора, поселились тамъ, гдѣ нынѣ заштатный городъ Славянскъ. А Харьковъ все цвѣлъ да процвѣталъ, и сталъ тѣмъ молодцомъ, какимъ вы его видите

Основъяненко.

Харьковъ.

Запорожская мелодія XVII вѣка.

═

Вотъ, несется черный воронъ,
Хлопаетъ крыломъ.....
Вотъ взвился надъ темнымъ боромъ,
Гонитъ птицъ по немъ.

Знать готовится *веселье*
Братьямъ козакамъ,
А тяжелое похмѣлье,
Вѣчный сонъ врагамъ!....

День и ночь мы ждемъ поживы,
Счетъ забыли днямъ.
Знать, Богдана изъ могилы
Не дождаться намъ!

Мы, когда-то воевали:
Любо вспоминать!....
Мы орлами налетали
Яссы зажигать.

Рѣки красныя пустили
По Литвѣ гулять;
Днѣпръ широкій запрудила
Вражеская рать.

Мы на *чайкахъ* безъ помѣхи
По морю неслись: —
Въ Трапезундѣ на-потѣху
Улицы зажглись.

Въ Трапезундѣ на пирушкѣ
Славно напились:
Похмѣлиться-жъ пѣнной кружкой
Въ *Сѣчь* мы добрались.

Молодова, разгульнова
Счастья не забыть,
Славу гордую былова
Въ землю не зарыть!

Сабли ржавѣютъ, тупятся,
Ружья безъ курковъ: —
Турки все таки боятся
Нашихъ козаковъ! . . .

Николай Щербина.

Харьковъ.

НЕ ПОМЯНИ МЕНЯ ТЫ ЗЛОМЪ.

(Въ Альбомъ А. Н. Полнеру.)

═

Прошло то время — вспомнить больно,
Когда мы жизнію полны
Слились нечаянно, невольно,
Какъ двѣ кипучія волны . . . .
Въ чужомъ краю, для всѣхъ чужіе,
Мы породнились межъ собой,
Сдруживъ мечты свои святыя
И подѣлившися тоской,
И на пути къ желанной цѣли
Разочарованные вдругъ,
Мы горе вынести умѣли.
За это свѣтлое *когда-то,*
Когда я въ сердцѣ жилъ твоемъ,
Любовью искренней богатомъ,
Не помяни меня ты зломъ!

Не помогло соединенье . . . .
Не долго мы отважно шли,
И поддержать себя въ паденьи
Мы не умѣли, не могли . . . .
Мои разрушились мечтанья,
И вотъ свой прежній идеалъ

Я безъ раздумья и сознанья
Въ грязи безумно растопталъ!
Тебѣ доставленъ новый опытъ...
Ты сердце заковалъ броней,
Приличій свѣта, сердца ропотъ
Ты скрылъ въ улыбкѣ медовой...,
Но за тяжелое познанье,
Что невозможна жизнь вдвоемъ,
Когда на это нѣтъ призванья,
Не помяни меня ты зломъ!

И жилъ я жизнію отдѣльной,
Но жизнь текла какъ смутный сонъ;
Я былъ пустынней безпредѣльной
И безотрадной окруженъ.
Напрасно иногда въ томленьи
Я жаждалъ счастья прошлыхъ дней —
Нѣтъ, не сроднилося смиренье
Съ душею гордою моей....
Такъ иногда струей кипучей
Напрасно ключъ подземный бьетъ,
Въ своей темницѣ онъ отзвучій
Въ живой природѣ не найдетъ.
И такъ за эту грусть разлуки,
За сожалѣнье о быломъ,
За тяжесть безраздѣльной скуки,
Не помяни меня ты зломъ!

Я не гонемъ еще судьбою,
Еще мой ясенъ небосклонъ,
Хоть тучей легкою порою

Онъ и бываетъ потемненъ.
Но если грозный день настанетъ,
Злой даръ людской неправоты,
Надежда свѣтлая обманетъ,
Погибнутъ всѣ мои мечты;
И если мой хранитель-геній,
Тотъ, для кого и кѣмъ живу,
Не приметъ пламенныхъ моленій,
Когда его я призову....
Тогда, гонимый злобной силой,
Къ тебѣ явлюся бѣглецомъ;
Тогда, товарищъ вѣчно милый,
Не помяни меня ты зломъ!

Г. П. Лукашевичъ.

Харьковъ.

* * *

Други! томительна жизнь одинокая!....
Не съ кѣмъ сродниться душой;
Жжетъ ретивое кручина глубокая;
Смотришь на міръ сиротой.

Въ мірѣ Создателя много прекраснаго,
Много чудеснаго есть:
Тамъ красота неба тихаго, яснаго,
Тамъ и богатство и честь.

Но — сиротинушка — съ кѣмъ любоваться мнѣ
Неба красой! для кого
Въ мірѣ за славой, богатствомъ гоняться мнѣ? —
По сердцу нѣтъ никого.

Тайна прямаго души наслажденія
Съ тайной любви сроднена —
Чару любви или чару забвенія
Дайте мнѣ — выпью до дна! —

Недолинъ.

Харьковъ.

ОТЕЦЪ И ДѢТИ.

Русская легенда.

На травѣ-муравѣ сѣдой дѣдушка спитъ: —
По зеленымъ лугамъ чисты волны катитъ
Иванъ-озеро, сынъ вѣковѣчной Руси.
Не морщины бѣгутъ по челу старика,
Когда въ сердце его заронится тоска: —
То по озеру мутныя волны пошли;
То задумалъ Иванъ, какъ пристроить дѣтей,
Сколько имъ отвести безрубежныхъ полей;
И послалъ, какъ велось, къ сыну *Шату* пословъ,

Чтобы Шатъ обождалъ лѣтъ десятокъ, другой,
Пока мочь-богатырь, или разумъ иной
Съ нимъ поладятъ на-вѣкъ и вольются въ него, —
И тогда, пусть себѣ, куда хочетъ, идетъ,
Сколько хочетъ земель во владѣнье беретъ.
Не спросившись отца, Шатъ — пустая башка
Зажурчалъ, зашипѣлъ, да пустился бѣжать
По полямъ, по степямъ, да раздолья искать:
Долго шастался онъ: воротился ни-съ-чѣмъ.
Поистратилась тамъ сила-мочь у него,
Разумъ былъ коротокъ: — не достало его,
А надѣялся онъ до Аваровъ дойдти.
За родныя поля не зашелъ, и назадъ
Воротился къ отцу обезсиленный Шатъ,
Притаился въ углу, чтобъ не знали его.
Помутилась лазурь на отцовскихъ очахъ
И морщины по лбу пронеслися въ волнахъ;
Застоналъ будто громъ разъяренный старикъ....
Но пришелъ меньшій сынъ, по прозванію *Донъ*,
И отвѣсилъ отцу со смиреньемъ поклонъ:
Разогналъ онъ печаль на лице старика.
Словно ясный денёкъ заблистала волна,
И бурмитскимъ зерномъ покатилась она:
Заглядѣлись въ волну небеса и земля.
— «Будь счастливъ, тихій Донъ, куда хочешь иди,
И привольно вездѣ свои волны кати!
Чрезъ тебя сынъ родной, будетъ славенъ отецъ:
Возьми силы мои, возьми волны мои!...»
— «Не дари мнѣ, отецъ, чисты волны твои:
На-потѣху врагамъ ты плющемъ заростешь.

Если Богъ наградитъ меня долей благой:
Тебя стану кормить, мой отецъ дорогой,
Будешь жить — поживать безъ кручины лихой!..»
И взвился тихій Донъ
Серебристой змѣей,
По зеленымъ лугамъ
Покатился рѣкой;
Далеко полетѣлъ
Сизокрылымъ орломъ,
И на землю упалъ
Безконечнымъ лучемъ.
Донъ живою водой
Хитрыхъ Грековъ поилъ,
И Хозаровъ лихихъ
Онъ на битвы носилъ;
Подъ ладьями Славянъ
Онъ привѣтно шумѣлъ,
Громки пѣсни свои
Имъ съ гуслярами пѣлъ.

Николай Щербина.

Харьковъ.

МЕЛОДІЯ.

Не меня мой другъ ласкаетъ,
Не меня цѣлуетъ онъ,
Не по мнѣ всегда вздыхаетъ —
Онъ другой обворожёнъ.

Много слезъ я изсушила
Все по миломъ, по одномъ,
Много радостей забыла
Для него въ краю родномъ.

Мнѣ ли въ очи поглядитъ онъ —
Ненаглядный — иногда:
Отчего ты, говоритъ онъ,
Такъ задумчива всегда!

Говоритъ, а самъ уходитъ
Онъ къ счастливицѣ другой,
Глазъ своихъ съ нея не сводитъ
Ненаглядный, дорогой.

Да, и правда! какъ въ пустынѣ
Роза нѣжная, она, —
Я жъ — изсохшая былина —
И печальна и блѣдна!

Грустно, грустно: пусть бы милый
Здѣсь хоть жилъ ужъ для другой,
Нѣтъ, и послѣ, за могилой,
Въ жизни новой, онъ не мой!

Отъ чего не полевою
Я лиліей рождена?
Я бъ межъ ландышемъ весною
Красовалася одна.

И счастливица сорвала
Тамъ меня бы со стебля,
Лентой алою связала,
Другу сердца отдала.

И любилъ, и прижималъ бы
Онъ меня къ груди своей,
А порою цѣловалъ бы
Дорогой цвѣтокъ полей.

Въ тишинѣ бъ не помрачала
Дней моихъ нѣмая грусть,
Я бъ завяла, но завяла
Близь его горячихъ устъ.—

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

* * *

Душно; городъ утомленный
Подъ палящимъ зноемъ спитъ;
Пышетъ камень раскаленный,
И по стогнамъ отдаленнымъ
Пыль удушливо стоитъ;
Въ облакахъ не видно птицы;
Песъ свернулся у воротъ;
Лишь церквей сіяютъ спицы,
Да предъ пышной колесницей
Гнется бѣдный пѣшеходъ.

Харьковъ. *П. Кленовъ.*

* * *

Зачѣмъ краснѣть? и ангельской головкой
Качать сомнительно безъ словъ?
Необмануть меня ребяческой уловкой
Я, признаюсь, — невѣрить вамъ готовъ....
Зачѣмъ краснѣть?...

Зачѣмъ вздыхать? съ какой коварной цѣлью?
Завлечь меня тщеславной пользы нѣтъ....
Свою пустынную, незнаемую келью —
Непромѣняю я на вашъ блестящій свѣтъ —
Зачѣмъ вздыхать?

Зачѣмъ играть безтрепетнымъ покоемъ
Того, кто выстрадалъ себѣ души покой,
И горькимъ опытомъ и тяжкимъ сердца зноемъ
И въ тишинѣ мучительной слезой? .
Зачѣмъ играть?

Зачѣмъ слеза? о, неужель искусство,
Способно вызывать слезу, печаль и стонъ!...
О неужель вамъ непонятно чувство!...
Смотрю на васъ и мыслю удивленъ:
Зачѣмъ слеза?

Александръ Чужбинскій.

1841. Харьковъ.

ИЗЪ ГЁТЕ.

I.

Первая встрѣча.

═

Кто воротитъ упоенье
Страсти первой, чувствъ живыхъ,
Кто воротитъ хоть мгновенье
Дней веселыхъ, молодыхъ?

Нѣтъ страдальцу облегченья
Безпрерывно, съ сожалѣньемъ
Все тоскую я о нихъ.

Кто воротитъ упоенье
Дней веселыхъ, молодыхъ?

II.

Ночная пѣснь путника.

═

Ты, который съ тѣхъ высотъ
Горесть всякую смягчаешь,
И несчастныхъ избавляешь
Отъ страданій и заботъ. —

Бѣдъ и радостей волненья
Мой равно тревожатъ путь —
Тихимъ сномъ успокоенья
Дай скорѣе мнѣ заснуть.

А. Кульчицкій.

21 Декабря 1841.
Харьковъ.

МОЛИТВА.

Какъ путникъ усталый и жаждой томимый
Подъ зноемъ, въ пустынѣ, гонимый судьбой,
Къ тебѣ я, о Боже, Тобою хранимый,
Къ тебѣ припадаю съ послѣдней мольбой:
Не смерти я жажду съ холоднымъ томленьемъ
При дверяхъ могилы, но скорбной душой
Я жажду прощенья грѣхамъ; предъ тобой,
Съ раскаяньемъ въ сердцѣ, съ предсмертнымъ моленьемъ.

М. Майсуровъ.

Харьковъ 1842.

ОТЧАЯНІЕ.

Русская пѣсня.

═

Не шуми, не гуди
Непогодушка,
Не играй, не бушуй
Море синее:
Не кручинь молодца
Судьба-мачиха . . . .

Нѣтъ, грози мнѣ на-вѣкъ
Злымъ безвременьемъ
Пусть, я буду одинъ,
Одинехонекъ,
Пусть, не любитъ меня
Красна дѣвица:
Ретивое мое
Словно замерло...
Оно — пепелъ сѣдой
На пожарищѣ! . . . .

Какъ признобитъ морозъ
Больно травушку,
То не стлаться ужъ ей
Въ полѣ бархатомъ:

Какъ поранитъ судьба
Сердце молодца,
То не цвѣсть ужъ ему
Не оправиться!

Подружусь, сговорюсь
Съ ночью темною,
Буду жить я въ-ладахъ
Съ шумной бурею,
А въ подруги возьму
Мать-дубравушку!....

Не камкой торговать
И не паволокой,
А купцовъ разбивать
У Нова́города:
Средь бѣла дня мнѣ спать
Богатырскимъ сномъ,
Въ темной ночи гулять
Вихремъ-бурею!....

Какъ призноби́тъ морозъ
Больно травушку,
То не стлаться ужъ ей
Въ полѣ бархатомъ:
Какъ поранитъ судьба
Сердце молодца.
То не цвѣсть ужъ ему,
Не оправиться!

Николай Щербина.

1840.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Бриссель. - Амстердамъ.

28 *Юня* 1839 *года* . . . . . . Пріѣхавъ въ Бриссель, прежде всего осмотрѣлъ физическій кабинетъ. Очень примѣчателенъ, хотя и молодъ: заведенъ не больше пятишести лѣтъ, и пристыжаетъ многихъ старшихъ своихъ братьевъ. Инструменты и машины расположены здѣсь въ историческомъ порядкѣ, начиная отъ изобрѣтенія, по всѣмъ степенямъ развитія, до настоящаго усовершенствованія. Обыкновенно кабинеты располагаются по предметамъ, т. е. въ одномъ углу увидишь снаряды электрическіе, въ другомъ — пневматическіе и т. д. У насъ по большей части машины навалены безъ всякаго порядка, смотря по удобности чисто физической, какъ въ иныхъ ученыхъ каталогахъ книги расположены по форматамъ, или — сравню, чтобъ утѣшить тѣнь славнаго нашего систематика Павлова, неоцѣненнаго по достоинству, — какъ предметы въ физикахъ. Посѣтитель, войдя въ такой кабинетъ, не можетъ получить никакого понятія яснаго, общаго, полнаго, — а здѣсь вся жизнь науки передъ вами, жизнь живая, дѣятельная, не буквенная, не скелетная. — Съ другой стороны какъ пріятно видѣть рядомъ всѣ эти

орудія, посредствомъ коихъ человѣкъ пытается въ теченіи вѣковъ исторгнуть тайну природы! Или сравнить первыя орудія съ настоящими: сколько въ нихъ лишняго, затруднительнаго! И какъ эта сложность постепенно простѣетъ, орудія приближаются болѣе и болѣе къ цѣли, сокращаются.

Все остроуміе, вся проницательность человѣческаго ума, его ходъ и движеніе, являются во всемъ своемъ величіи. Вотъ въ какомъ кабинетѣ должно читать Исторію Физики, и вотъ гдѣ она можетъ быть усвоена молодымъ человѣкомъ на всю его жизнь. Бриссельской кабинетъ бѣденъ, и имѣетъ очень много пропусковъ, но чтоже вы хотите болѣе отъ такого губернскаго государства, какъ Бельгія, и притомъ въ такое короткое время? Я нарочно познакомился съ смотрителемъ и просилъ его доставить мнѣ каталогъ, если бъ кто у насъ захотѣлъ устроить у себя кабинетъ въ такомъ порядкѣ.

Увидя, что идетъ дождь, Смотритель пригласилъ насъ очень учтиво зайдти къ нему въ комнату. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ поговорить объ отношеніяхъ Бельгіи къ Голландіи. Одна изъ главныхъ причинъ отторженія, сказалъ онъ,—требованіе Короля, чтобъ мы въ судопроизводствѣ употребляли языкъ Голландскій.

Движеніе языковъ—примѣчательное явленіе нашего времени. И Фламандцы хотятъ говорить своимъ языкомъ, писать на своемъ языкѣ! Послушайте, какъ неистовствуютъ Венгерцы за свой! Съ какимъ усиліемъ по всѣмъ угламъ Европы Славяне издаютъ свои звуки. Даже Болгаре въ Турціи, даже Русины въ Галиціи, заводятъ литературу. Счастіе и несчастіе, благопріятныя обстоятельства и не-

благопріятныя, здѣсь не значатъ почти ничего, первое движеніе не извнѣ. Одни мы остаемся при Французскомъ языкѣ въ нашихъ гостиныхъ, и стыдимся больше не знать его, нежели по Русски. Я былъ теперь во всѣхъ странахъ Европы — и не слыхалъ ни одного Англичанина, который говорилъ бы не по Англійски, ни одного Итальянца, который говорилъ бы не по Италіански, ни одного Француза, который говорилъ бы не по Французски. Кровь приливала у меня въ головѣ, когда я вспомнилъ о нашемъ высшемъ обществѣ съ его мастерскимъ Французскимъ языкомъ.

Смотритель, ревностный Бельгіецъ, хвалился промышленностію и трудолюбіемъ своихъ соотечественниковъ: желѣзныя дороги пересѣкаютъ теперь Бельгію во всѣхъ направленіяхъ, отъ Брисселя до Антверпена, Гента, Литтиха; въ нѣсколько часовъ можете вы теперь объѣхать все Королевство. Онъ взманилъ было меня слетать въ Литтихъ и взглянуть на тамошнія фабрико-мануфактурныя Царства, и не достаетъ времени: надо спѣшить на воды.

Картинная галлерея очень бѣдна. Прогулялись по прекрасному саду между дворцемъ и Палатою. Этотъ садъ, внутри всего города, чуть ли не самый удобный по своему положенію для публики изъ всѣхъ Столичныхъ садовъ.

Заглянулъ въ соборъ.

Зала палатъ очень проста и такъ мала, что и кричать, кажется, ненужно, (а кричатъ). Прекрасная дѣвушка водила насъ по всѣмъ комнатамъ. Это — контора, въ родѣ Шереметевской или Голицинской, а пріятно пройтиться!

Проводникъ повелъ насъ потомъ въ палаты Графа... забылъ имя. Много примѣчательныхъ картинъ, но смотри-

тель хвастался особенно своимъ великолѣпнымъ манежемъ, зовя насъ туда безпрестанно, и очень удивился, услышавъ о томъ, что я не хочу видѣть его.

Всего занимательнѣе было для меня въ Брисселѣ книжное производство, и я отправился, выпивъ дорогой чашку шоколаду за какую-то бездѣлицу, по книжнимъ лавкамъ. Здѣсь перепечатываютъ все; не успѣетъ выйдти изъ типографскаго станка какая нибудь любопытная книга въ Парижѣ, какъ сдѣсь она является во всѣхъ форматахъ, и разсылается во всѣ концы земнаго шара,—въ накладѣ французскимъ книгопродавцамъ и авторамъ, которые лишаются покупателей въ чужихъ краяхъ въ барышъ Бельгійскимъ, и всему образованному міру Европы, Азіи и Америки, всему человѣчеству (NB. поколику книги полезны и на оборотъ), потому что Бельгійскія изданія продаются дешевле вдвое и втрое. Французское правительство старается теперь воспрепятствовать этому торгу. Всего удобнѣе, кажется, наложить извѣстную таксу, хотя малую, на каждый экземпляръ Бельгійскаго перепечатыванія въ пользу французскихъ хозяевъ подлинниковъ. Предметъ для будущихъ Европейскихъ конгрессовъ, которые будутъ разсуждать о дѣлахъ не столько кровавыхъ, о какихъ они разсуждали доселѣ. Бельгійцы перепечатываютъ теперь всѣ нѣмецкія классическія сочиненія, Англійскія и Италіанскія. Эта промышленность распространяется со всякимъ годомъ болѣе и болѣе. Выходитъ особенный Библіографическій журналъ, извѣщающій еженедѣльно о всѣхъ новыхъ изданіяхъ, т. е. о всѣхъ новыхъ воровствахъ. Я прицѣнялся—дешевизна невѣроятная, что касается до новыхъ сочиненій, (старыя дешевле въ Парижѣ), ибо Бель-

гійскіе книгопродавцы избавлены отъ многихъ расходовъ французскихъ, даже кромѣ платы за рукописи сочинителямъ. Тьери, за котораго мы платимъ въ Москвѣ около 60 руб. (in 8); стоитъ здѣсь съ небольшимъ 8. Гизо столько же. Я увѣренъ впрочемъ, что можно продавать еще дешевле, судя по французскимъ изданіямъ старыхъ классиковъ, стоющихъ менѣе 6 р. за огромный томъ, на лучшей бумагѣ, четкой печати. Такимъ образомъ скоро не одни богачи, но и люди средняго состоянія получатъ возможность имѣть избранную библіотеку, на всѣхъ языкахъ, со всѣми главными произведеніями ума человѣческаго. Каково это? Не правда-ли, что можно пожелать успѣха Бельгійскимъ промышленникамъ: и закричать имъ vivant! хоть и французовъ грѣшно грабить безъ малѣйшаго вознагражденія. Вошелъ въ негоціацію съ однимъ изъ первыхъ книгопродавцевъ — на случай заведенія книжной лавки въ Москвѣ, и просилъ его доставить типографскіе расчеты, еслибъ вздумалось мнѣ печатать русскія книги въ Брюсселѣ.

Очень хотѣлось взглянуть хоть издали на Лелевеля, котораго характеръ я старался долго объяснить себѣ въ 1830 г., но не удалось.

Смотрѣть больше въ Бриселѣ нечего, и мы взяли билеты до Антверпена, по желѣзной дорогѣ. Паровозы отправляются въ четыре часа, и мы, заплатя хозяину по его счету, довольно аптекарскому, пошли къ мѣсту отъѣзда. При входѣ надо-бы вывѣшивать для путешественниковъ подробныя объявленія и наставленія, къ кому, гдѣ и за чѣмъ имъ обращаться должно, такъ чтобы они не имѣли нужды спрашивать, и поводу безпокоиться, сомнѣ-

ваться, недоумѣвать, напр. «сдѣсь принимаются вещи для отправленія на паровозѣ туда-то. Этотъ паровозъ или дилижансъ отправляется въ такомъ-то часу. Пассажиры приглашаются садиться». Безъ этаго путешественникъ проводитъ всегда нѣсколько непріятныхъ минутъ, опасаясь, тому-ли служителю отдать вещи, который отвѣчаетъ за ихъ сохранность; близъ того-ли дилижансъ стоитъ, который отправляется; даже туда-ли ѣдетъ.

Комнаты на паровозахъ прелесть: настоящіе будуары, съ мягкими диванами, подушками, зеркалами. Можете читать, кушать, почивать. Какое покойное и пріятное путешествіе. Вы несетесь какъ на коврикѣ-самолетѣ. Дорога мчится по одному безконечному саду, мимо тучныхъ пажитей и плодоносныхъ полей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усѣяна въ самомъ дѣлѣ цвѣтами по сторонамъ. Торжество рукомѣсленнаго духа.

Въ 2 часа домчались мы до Антверпена. Извощики осыпали насъ у конца дороги для перевоза вещей. Шумъ, суета, толкотня, и я совершенно растерялся. Надо бы таксу за перевозъ вещей до города.

Вотъ онъ знаменитый *Антверпенъ*, страшилище Англіи, котораго Наполеонъ считалъ лучшимъ алмазомъ въ своей коронѣ, на котораго положилъ милліоны, за который могъ будто удержать за собою Державу, даже послѣ того, какъ Союзники переправились чрезъ Рейнъ.

Послѣ обѣда, очень хорошаго за 3 франка, поспѣшили въ соборъ, — одинъ изъ самыхъ огромныхъ въ Европѣ. Намъ хотѣлось до сумерокъ разсмотрѣть знаменитое Рубенсово снятіе со креста. Вѣрный своему правилу бросать прежде всего высшій взглядъ на высокій городъ съ

колокольни, чтобъ познакомиться съ нимъ скорѣе и короче, я взобрался по камнямъ и бревнамъ на самую высокую террассу: колокольня теперь поправляется. Прекрасный, обширный видъ.

Оглядѣли снаружи ратушу, которая играла здѣсь, какъ и во всѣхъ главныхъ городахъ среднихъ вѣковъ, такую важную роль. Прошлись по улицамъ, и взяли билетъ въ дилижансъ, который отправляеття въ четыре часа утра въ Амстердамъ.

29. Расплатясь, явились къ дилижансу прежде всѣхъ, но вскорѣ подошелъ къ намъ еще пассажиръ, кажется изъ здѣшнихъ, завелъ съ нами разговоръ, и удивился, что мы, путешественники, не остановились дня въ Антвертенѣ. Напрасно я оправдывался неимѣніемъ времени. «За чѣмъ же пріѣзжали, твердилъ онъ даже съ сердцемъ. Ступайте посмотрѣть хоть гавань, у васъ есть еще полчаса времени.» Мы исполнили его патріотическое требованіе и взглянули на этотъ геніальный памятникъ, который съ Симплонской дороги стоитъ почти на одной линіи по двумъ противуположнымъ сторонамъ Европы, и гремитъ неумолчно славу Наполеонову.

Пассажировъ было очень много, и всѣ прелюбопытные: Бельгіецъ, Голландецъ, Французъ, два Американца изъ самыхъ внутреннихъ провинцій, Неаполитанецъ, жившій долго въ Марокко. Мы размѣстились въ нѣсколькихъ экипажахъ.

Земля отъ Антверпена до Утрехта кажется самою неблагодарною. Подъ мелкимъ дождемъ, на паромѣ, переѣхали мы Рейнъ. На границѣ между чиновниками попался Русской Нѣмецъ, который тотчасъ оборотился ко мнѣ съ знакомъ искренней радости и принялъ подъ свое покро-

вительство. Къ нашимъ вещамъ почти не прикасались, и мы были очень рады такой протекціи.

Передъ Утрехтомъ нѣсколько прелестныхъ дачь. Мы проголодались жестоко, — за то какъ принялись въ Утрехтѣ за телятину, которая стояла на столѣ огромною высокою колонною, въ родѣ калбасы! Хозяйка Голландка начала оделять насъ, и срѣзывала по тонкому круглому листику, но лишь только она отошла отъ нея, чтобъ выдать водку прочимъ гостямъ, какъ мои Американцы принялись сами урѣзывать по своему, мы подвернулись также, и колонна стала быстро понижаться. Надо было видѣть съ какимъ сердитымъ видомъ воротилась флегматическая Голландка, и вырвала... ужъ только пьедесталъ изъ рукъ алчныхъ ѣдоковъ. Ворчанье выражалось въ движеніяхъ ея губъ и щекъ. А что за телятина — чудо! Отъ роду не ѣдалъ нигдѣ такой. Вкусъ совершенно особенный. Водка здѣшняя славится также. Сыръ *настоящій Голландской*. Жаль, что намъ не дали болѣе времени, а то мы только что заморили червяка, какъ говорятъ у насъ старички-гастрономы. Нечего уже было думать объ осмотрѣ города.

Дилижансъ мчался. Мы подружились съ Антверпенскимъ нашимъ знакомцемъ, который обѣщался принять насъ подъ свое покровительство въ Амстердамѣ. Всю дорогу проговорили мы о железныхъ дорогахъ, о торговлѣ и богатствѣ Голландіи. Онъ очень привerженъ къ Россіи. «Кредитъ Россіи,» сказалъ онъ, «неограниченъ. Пусть скажетъ напримѣръ вашъ Государь, что ему нужно 500,000,000 р. на учрежденіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и въ недѣлю эта сумма соберется на биржѣ. О, съ Россіей пріятно

теперь имѣть дѣло! Это исправный платильщикъ; но давно какъ-то задержались проценты. Что же? чрезъ самое короткое время, котораго и считать нечего, русскій коммиссіонеръ заплатилъ сполна и за просрочку. Капиталы голландскіе нѣсколько поколеблены вслѣдствіе бельгійскихъ происшествій, но денегъ въ Голландіи еще много.»

Чѣмъ ближе приближались мы къ Амстердаму, тѣмъ дорога становилась пріятнѣе. Мы ѣхали по одному длинному безпрерывному саду, между каналами, между цвѣтниками, по лугамъ, среди богатыхъ мызъ, которыя тянутся одна за другую вплоть до самаго Амстердама. Что за прелестные домики, одинъ другаго лучше! Это довольство, это трудолюбіе, разнообразіе, эта чистота, изящная простота — обворожительны. Какая-то утопическая страна снаружи. Наслажденіе проѣхать по ней. Думалъ о впечатлѣніяхъ, какія Голландія должна была произвести въ умѣ Петра Великаго. Намъ надо изучать ее, чтобъ выразумѣть яснѣе многія преобразованія Петровы. — Петербургъ есть сынъ Голландіи. Въ 8 часу, уже поздно вечеромъ, пріѣхали мы въ Амстердамъ, и Бельгіецъ отвелъ насъ въ гостинницу Лондонскаго Герба. Шумъ и давка по улицамъ....

30. Погода ненастная и холодная. Мнѣ хотѣлось видѣть прежде всего *Саандамъ*. Отправились на пароходъ, но служитель переврал время отъѣзда, и мы опоздали. Поѣхали по заливу на баркѣ, приводимой въ движеніе лошадью, которая ходитъ внутри. Барка довезла насъ до канавы, на коей Харонъ принялъ въ длинную лодку со внутреннею, хорошо убранною залой, и повезъ до деревни, гдѣ мы должны были нанять коляску. Этого-то и хотѣлось

плуту лакею, который нарочно привелъ насъ въ это положенiе.

Пока запрягали лошадей, мы осмотрѣли кухню съ голландскими печами, прародительницами нашихъ.

Ѣзды до Саандама часа два. Дорога узенькая, такъ что нельзя, кажется, разъѣхаться двумъ экипажамъ. Сколько вездѣ прокопано и насыпано! Вокругъ болота, канавы, плотины, вездѣ вода,—иногда страхъ беретъ, ну какъ вдругъ наводненiе; боишься даже вѣтру, который можетъ снести легкiй экипажъ.

Прiѣхали. Проводникъ повелъ насъ по длиннымъ искривленнымъ улицамъ. Есть домики красивые и изукрашенные, но русская деревня, хорошо отстроенная, имѣетъ видъ гораздо лучше. Строенiе здѣсь чаще нашего, и отъ огня можно спастись развѣ только въ воду. Мы поворачивали нѣсколько разъ. Я заглядывалъ на дворики; въ окна присматривался къ голландскимъ неподвижнымъ физiогномiямъ, и думалъ о народныхъ характерахъ, какъ вдругъ проводникъ мой воскликнулъ: *ну вотъ домикъ вашего Петра Перваго!*.... Сердце у меня сжалось, слезы навернулись на глазахъ; едва переводя дыханiе, отворилъ я калитку.

. . . .

Домикъ низенькiй, обшитъ досками, склоняется на сторону. Два большiя окна съ часто-переплетенными рамами: маленькiя стеклышки. Между окнами дверь.

Съ трепещущимъ сердцемъ перешагнулъ я черезъ порогъ, и долго не могъ опомниться. Подъ потолкомъ три перекладины, двѣ потолще, одна потонѣе. Направо изразцовая печка между двумя пестрыми столбиками. Полъ

покачнулся. Передъ дверью дубовый столъ, длинный и узкій, три стула треугольниками. Налѣво, въ дощатой перегородкѣ, впадина ящикомъ, гдѣ стояла Его кровать. Перегородка вся исписана.

Другая комната рабочая, съ низенькой дверью и двумя окнами; направо поставка съ полками и лѣстница на чердакъ. На стѣнѣ виситъ большой портретъ. Петръ сидитъ въ полукафтаньи. Шейный платокъ малиновый съ кистями. Камзолъ бѣлый. Въ рукѣ циркуль. Исподнее платье завязано у колѣнъ. Въ сѣрыхъ чулкахъ и башмакахъ. На столѣ рюмка съ водою, готовальня, ножикъ, и картинка, изображающая корабль; на полу лежитъ шляпа, разпечатанное письмо, ландкарта, модель, долото, кувшинъ.

. . . .

Вотъ гдѣ жилъ и работалъ нашъ Петръ. Вотъ гдѣ онъ думалъ и мечталъ объ Россіи! Какъ онъ былъ здѣсь чистъ и высокъ!

Мнѣ подали книгу путешественниковъ, и я написалъ, не помню что, долго переходилъ изъ одной комнатки въ другую, останавливался на всякомъ шагу, какъ проводникъ замѣтилъ мнѣ, что пора собираться въ Амстердамъ. Поклонился въ землю Великому, и оставилъ Его святилище съ полнымъ сердцемъ.

Мы обошли деревню по всѣмъ переулкамъ. Вокругъ тучныя пастбища, по коимъ пасутся рослыя, дородныя коровы. Воображалъ прогулки Петровы. Заглянули въ церковь, гдѣ на стѣнахъ изображены происшествія изъ религіозной войны.

На возвратномъ пути зашелъ у насъ съ проводникомъ

разговоръ о Бельгійцахъ, на которыхъ онъ очень сердитъ: мы обогатили ихъ, а они вотъ какъ поступили съ нами! Въ самомъ дѣлѣ — и голландское Правительство, и частные люди положили множество капиталовъ на разныя заведенія въ Бельгіи. Каково же было имъ перенесть такую неблагодарность, не говоря о разстройствѣ во всѣхъ предпріятіяхъ!

Какъ ни спѣшили мы, а не поспѣли къ отправленію знакомой нашей барки. Надобно было пуститься въ простой лодкѣ,

По грозной прихоти обманчивыхъ морей.

Лодочникъ, въ родѣ морскаго звѣря, говорилъ съ увѣренностію о безопасности плаванія, проводникъ подтвердилъ его обѣщаніе, и мы колебались недолго. Переѣздъ продолжался съ полчаса. Однако жъ мы, сухопутное племя, были очень рады, какъ ступили на землю.

Осмотрѣли дворецъ, бывшій сначала ратушею. Множество мрамору, на который впрочемъ смотрѣть не хотѣлось. Всего любопытнѣе для насъ былъ прекрасный видъ съ бельведера — весь городъ и море передъ глазами. Ужасный вѣтеръ мѣшалъ удовольствію.

Зашли въ соборъ черезъ пасторскія или кистерскія комнаты. Здѣсь погребенъ знаменитый Рюйтеръ.

Пообѣдавъ и отдохнувъ, обошли городъ по лучшимъ улицамъ, мостамъ и аллеямъ. Вездѣ примѣтно богатство, степенное и скромное, которое не ищетъ выказываться. Въ городѣ нынче особенное движеніе, вслѣдствіе ожиданія знаменитыхъ гостей, покровителей и благодѣтелей Голландіи, открывшихъ ей одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ богатства и даже славы.... я говорю о сель-

дяхъ. Нынче или завтра должны они прибыть въ Амстердамъ не изъ моря, а съ моря, свѣжепросольные. Всѣ съѣстныя и овощныя лавки украшены зеленью; на каждомъ шагу видишь прекрасную миртовую бесѣдку; вездѣ развѣшены фестоны и гирлянды, между которыми блистаютъ золотые листья и въ срединѣ трепещетъ серебреный сельдь. Лавочники съ какимъ-то особымъ торжествомъ и гордостію похаживаютъ передъ своими лавками, улыбаются, изъявляютъ нетерпѣніе и посматриваютъ все въ одну сторону. Безпрестанно слышатся вопросы: скоро ли?

Первые сельди продавались прежде по червонцу, (какъ у насъ огурцы раннею весною), а нынѣ по рублю серебромъ. Шесть недѣль ѣдятъ ихъ богачи, на другія шесть недѣль переходятъ они съ среднему состоянію, а въ остальное время года предоставляются народу. Цѣна сельдей отъ червонца упадаетъ со всякимъ днемъ ниже и ниже.

Лишь только воротились мы домой, какъ зашелъ ко мнѣ Бельгіецъ и пригласилъ прогуляться вмѣстѣ. Хотя я очень усталъ, но, надѣясь услышать отъ него много любопытнаго, согласился.

Онъ показалъ мнѣ гавань, плотины и бассейны, потомъ огромные и многочисленные амбары для товаровъ. Бельгіецъ мой любитъ Голландію, и терпѣть не можетъ Англичанъ, которыхъ считаетъ главными виновниками отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Да, я услышалъ здѣсь другую Исторію, нежели какую читалъ въ журналахъ. Въ новомъ времени также мудрено, (или даже мудренѣе) добраться истины, какъ и въ древнемъ.

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!

Прошлись по жидовскому кварталу. Вотъ сумятица-то!

Замѣтилъ кое-что на улицахъ, что не худо бы ввести и у насъ; на примѣръ, лошади въ кузницахъ устанавливаются здѣсь такъ, что не могутъ брыкать и ушибить, а съ нашихъ бѣдныхъ кузнецовъ все еще не сходятъ синія пятна изъ подъ глазъ. Не худо бы также перенять фонари при экипажахъ со свѣтомъ не только на улицу, но и внутрь самихъ экипажей.

Какъ бываетъ мнѣ досадно подъ часъ, что принужденъ спѣшить. Сколько бъ узналъ я важнаго во всѣхъ отношеніяхъ, если бъ могъ оставаться даже по одному дню лишнему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Іюля 1. Въ нижнемъ этажѣ нашей гостинницы оказалась вода. Съ непривычки намъ представилось уже наводненіе. Что это значитъ, спросилъ я хозяина. Ничего, отвѣчалъ онъ флегматически, смотритель вѣрно забылъ отворить шлюзы.

Рѣшились нанять коляску, потому что пѣшкомъ нельзя поспѣть вездѣ. Цѣлый часъ лон-лакей искалъ намъ извощика: вотъ какъ они здѣсь рѣдки!

Сельдей еще нѣтъ. Вездѣ слышатся толки, отчего они опоздали.

Осмотрѣли здѣшнія знаменитыя мельницы для шлифованія алмазовъ.

Далѣе рабочій домъ. Все просто и опрятно. Вездѣ порядокъ. Тысячи человѣкъ получаютъ здѣсь пропитаніе честною работой.

Сельди пріѣхали. Зашумѣли всѣ улицы, забѣгалъ народъ, вездѣ пестрѣютъ разноцвѣтные флаги, вездѣ развѣваются торжественныя знамена. Праздникъ,—да и только.

Богачи разсылаютъ сельдей съ эстафетами въ гостинецъ

къ своимъ знакомымъ по всѣмъ близкимъ городамъ, даже въ Франкфуртъ, Гамбургъ, Парижъ.

Купилъ кусокъ полотна въ одномъ магазинѣ, помѣщенномъ въ нижнемъ этажѣ надъ землею, по рекомендаціи Бельгійца. Такое безмолвіе, какъ въ библіотекѣ. Одинъ старикъ прочиталъ фактуру на куски; другой въ сосѣдней комнатѣ отыскалъ цѣну въ книгѣ. Вотъ и все.

Разочлись въ гостинницѣ. Довольно дорого; и въ этомъ отношеніи Голландія занимаетъ второе мѣсто послѣ Англіи.

Мнѣ было очень жаль, что не могъ проститься съ Бельгійцемъ, котораго имени даже не узналъ.

Отправились въ дилижансѣ, и черезъ часъ, проѣхавъ по прекраснымъ аллеямъ, между щегольскими мызами, были мы уже въ Гарлемѣ.

М. Погодинъ.

РИМСКІЙ ФОРУМЪ.

Распаялись связи міра,
Вѣщій форумъ палъ во прахъ,
Тяжко возлегла порфира
На его святыхъ костяхъ.
Но истлѣлъ хитонъ почтенный —
И испуганнымъ очамъ
Вскрылись вѣча, тамъ и тамъ,
Порознь кинутые члены.

И стоятъ печально нынѣ
Кой-гдѣ сирые столбы:
По заброшенной пустынѣ
Псы гуляютъ да рабы.
Есть же форума обломки:
Такъ пріяли жъ отъ отцевъ
Благороднѣйшую кровь
Угнетенные потомки.

С. Шевыревъ.

1830. Римъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. П. ЩЕРБИНИНОЙ,

Въ день ея рожденія.

Какъ въ день рожденія (хоть это вамъ забавно)
Я васъ спѣшу поздравить, подарить!
Для сердца моего вы родились недавно,
Но вѣчно будете въ немъ жить.

Баронъ А. А. Дельвигъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ-ОСНОВАНІЕ МОСКВЫ.

Выходило утро свѣтлое
Изъ пеленъ тумана синяго,
И, какъ дѣва прихотливая,
Красовалося нарядами,
Устилало всю вселенную
Пеленой оно лазуревой,
Убирало ту лазурь оно
Златомъ, яхонтомъ зари своей;

Блестки сыпало алмазныя
В бархатъ радужный луговъ цвѣтныхъ.
Показалось солнце красное,
И, взглянувшись въ тихоструйную
Нашу матушку Москву-рѣку,
Разыгралося привѣтливо,
Разсыпая лучи перловы.

Ты затмися скорѣй,
Солнце красное!
Затуманься опять,
Утро ясное!
Ахъ! погасни и ты,
Заря алая!
Какъ померкнутъ красы
Ваши свѣтлыя,
Предъ земною красой
Юной Ксеніи!
Вотъ — выходитъ она,
Стройной лебедью,
Сановита, статна,
Вдоль по бережку.
Что свѣжѣе она
Утра юнаго!
Веселѣе она
Солнца краснаго.
И румянѣй, алѣй
Зари рдѣющей!
Что туманна, грустна
Лазурь свѣтлая,

Предъ очами ея
Яснобыстрыми.
Расплетаетъ она
Косу дѣвичью;
Вкругъ младаго чела
Разсыпаяся,
Какъ осенняя ночь,
Кудри черныя
Бѣлоснѣжную грудь
Приголубили.

Но дѣва, что-то овладѣло
Твоей душой?
Ты вся какъ-будто обомлѣла?
Господь съ тобой!
Тебя русалка-ль чернымъ глазомъ
Сковала вдругъ?
Иль обошелъ недобрымъ часомъ
Недобрый духъ?
Вотъ, что-то за рѣкою
Тебя дивитъ!
Тамъ что-то чудною красою
Твой взоръ манитъ!

То не младъ орелъ, перелетный гость,
По поднебесью разстилается,—
То по бережку, по привольному,
Удалешенекъ добрый молодецъ
Потѣшается удалымъ конемъ.
Какъ чернѣе конь крыла ворона!

Какъ быстрѣе онъ ясна сокола!
А ужъ молодецъ! — богатырь краса!
На челѣ его алымъ пламенемъ
Разыгралося молодечество,
А въ очахъ — небо синее
Прояснилося чистой совѣстью;
И, какъ стрѣлы быстролетныя,
Взгляды свѣтлые, радушные
Онъ разметывалъ за Москву-рѣку.

Не гляди ты, дѣвица,
Долго на него,
Не любуйся молодцомъ:
Не бывать добру.
Слышишь! въ перелѣсьѣ томъ
Дятелъ, злой вѣщунъ,
Точитъ, точитъ ивушку.
Видишь! стая вороновъ,
Съ криками кружась,
Вьетъ тебѣ вѣнчальныя
Въ воздухѣ вѣнки!
Слышишь-ли, гулливый вѣтръ
Простоналъ въ бору
Пѣснь свою печальную?
Видишь: — разыгралися
Черные валы!
И покрылось солнышко
Тучи пеленой!

Но не видитъ дѣвица
Черносизыхъ тучь,

И не слышитъ красная
Бури страшный ревъ.
Ея красно солнышко,
Ея ясный день—
Одинъ добрый молодецъ.

Слышишь, добрый молодецъ!
Рогъ тебѣ звучитъ
Пѣснь свою призывную!
Но не слышитъ онъ.
Если бъ трубы ратныя
Загремѣли вдругъ,
И тогда бъ не слышалъ онъ
Звучныхъ ратныхъ трубъ.
А давно ли, молодецъ,
Въ полѣ боевомъ,
Ты леталъ, покрытый весь
Кровію враговъ!
Отъ меча могучаго
Сокрушалось все,
Предъ тобой, отъ ужаса,
Цепенѣла рать!
Отчего же молодецъ
Самъ недвиженъ сталъ
Передъ красной дѣвицей?

Княжна Екатерина Шаховская.

Москва.

ПОДРАЖАНІЕ ПЕРСИДСКОМУ.

Не мечи изъ подъ рѣсницы
Стрѣлъ разящихъ на меня:
Подъ огнемъ твоей зѣницы
Ужъ и такъ поверженъ я.
Ты красою всемогущей
Всѣхъ богаче въ сей странѣ —
Я — убогій, неимущій:
Дай же милостину мнѣ!

В. Бенедиктовъ.

С. П.

РОМАНСЪ ДАВИДА РИЦЦІО.

(Изъ поэмы того же названія.)

Печальная пѣсня; ту пѣсню слезами
Въ безсонницѣ я написалъ;
И горе живое, живыми словами
Себѣ самому разсказалъ.

Я плакалъ безъ друга, пѣвецъ одинокой,
Безъ милой, я пѣлъ у окна
А тамъ—недоступная дѣва, высоко
Носилась златая луна...
Она освѣщала, блистала, сіяла...
Но хладенъ и страшенъ тотъ свѣтъ.
Молился пѣвецъ—а она посылала
Въ награду могильный привѣтъ..

Н. Кукольникъ.

С. П.

КЪ БЕЗУКОРИЗНЕННОЙ.

Не жаль вамъ юношу пѣвца,
Уже извѣдавшаго горе,
Съ могильной блѣдностью лица,
Со всею вѣрою слѣпца,
Съ любовью робкою во взорѣ?

Не жаль!—я знаю, вы, шутя,
Его обречь готовы плахѣ;
Вамъ любо: гордое дитя,
Съ небесъ лазоревыхъ слетя,
Предъ вами ползаетъ во прахѣ.

Не жаль! пускай его чело
Браздится ржавчиной болѣзни,
Вѣдь ваше имя перешло
Прозрачно, чисто, какъ стекло,
Въ его восторженныя пѣсни.

Вы пищу бросили молвѣ
И протрубить успѣли въ свѣтѣ
О вашемъ новомъ торжествѣ,
О недоступномъ божествѣ
И падшемъ Ангелѣ поэтѣ.

Чего жъ еще? Игрѣ конецъ.
Сходя съ доски ненужной пѣшкой,
Чѣмъ награжденъ больной пѣвецъ
Любви высокой — образецъ?
Заочно брошенной насмѣшкой.

Вы правы! — какъ любить пѣвца?
Безвѣстный — пусть себѣ погибнетъ!
Возросшій въ терніяхъ вѣнца,
Слезахъ и мукахъ безъ конца,
Едва ли къ счастію привыкнетъ.

Вы правы! — Такъ, онъ не для васъ,
Онъ зломъ воздастъ вамъ за забаву,
И, разгадавъ короче васъ,
Стихомъ, рожденнымъ въ черный часъ,
Накинетъ тѣнь на вашу славу.

Есть нѣкто витязь фанъ-деръ-пупъ.
Въ немъ нѣтъ особенной примѣты;
Онъ очень милъ, не много глупъ,
Имѣетъ пару алыхъ губъ,
Усы и носитъ эполеты.

Но ходитъ слухъ, что въ свѣтѣ онъ
Играетъ роль Наполеона,
Что побѣждая дѣвъ и женъ
Уже на васъ накинулъ онъ —
Побѣдоносные знамена...

Что чуть вашъ мужъ заляжетъ спать
Въ широкій кузовъ экипажа,
Ужъ вы въ передней, чтобъ сказать:
«Сего дня къ намъ не принимать!»
И всюду выставлена стража.

Что въ эти мирные часы
Герой вашъ тянетъ дымъ изъ трубки,
А между тѣмъ его усы
Подобно капелькамъ росы
Щекочатъ розовыя губки...

Не вѣрю я. Злословитъ свѣтъ
Онъ ядъ разноситъ полной чашей...
И доказательствъ развѣ нѣтъ,
Что цѣломудренный поэтъ
Напуганъ нравственностью вашей?

Н. Степановъ.

С. П.

Смерть и погребенье.

Годы храмину разбили
И развалины покрыли
Паутиною и плеснью.
Духъ внѣ тлѣнья и предѣла
Для чего не кинешь тѣла
Изнуреннаго болѣзнью?
Уступи неравной силѣ —
И отдай сырой могилѣ,
Что ты вылепилъ изъ тверди.
И зачѣмъ тебѣ убранство?
Ужъ небесное пространство
Огласилось звономъ смерти...

Духъ нетлѣнный, безъ предѣла —
Для чего не кинешь тѣла?
Кончи съ нимъ свои расчеты;
Не спасутъ его отъ тлѣнья:
Ни вседневныя моленья,
Ни всечасныя заботы.
Тѣло встрѣтитъ въ темной кельѣ
Не печали, не веселье,
Но конецъ своимъ недугамъ —
И сама земная злоба,
Отбѣжитъ отъ двери гроба
Пораженная испугомъ.

Чу! простились... Духъ и тѣло
Совершивъ земное дѣло,
Приподняли таинствъ пологъ....
Спи, оплаканный, отпѣтый!
Ктобъ ты ни былъ въ жизни этой,
Можетъ быть ты многимъ дорогъ;
Можетъ быть другіе братья
Шлютъ во слѣдъ тебѣ проклятья;
Можетъ грѣшенъ ты во многомъ;
Но за грѣхъ ты былъ наказанъ —
И теперь съ грѣхомъ развязанъ
И прощенъ людьми и Богомъ.

Есть какая-то отрада
При свершеніи обряда
Похоронъ и панихиды.
Отъ чего въ мгновенья эти
Мы смиряемся какъ дѣти,
Забываемъ всѣ обиды —
И когобъ ни хоронили,
Мы ль скорбя не говорили:
Нѣтъ кого-то между нами!
Мы ль на вѣчную разлуку,
Не протягивали руку
Не мирилися съ врагами.

Н. Степановъ.

С. П.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЬ.

(Офелiи.)

Съ камня на камень висящiй,
Съ брошенныхъ скалъ на утесъ,
Много кристалъ твой блестящiй
Пѣны жемчужной унесъ.

Былъ при денницѣ румянъ ты́,
Былъ при лунѣ блѣденъ ты́,
Гордо носилъ бриллiанты,
Скромно цвѣты и листы.

Много твой шумъ отдаленный
Чуждыхъ людей приманилъ,
Много про чудо вселенной
Странникъ въ дому говорилъ.

Тучи несутъ тебѣ воду,
Чуждые люди дары,
Сила даруетъ свободу,
Шелестъ, и прелесть игры.

Чадо тревожной неволи....
Что же мнѣ бросить въ потокъ?
Кубокъ ли звонкой, кольцо ли,
Розы ли юный шипокъ?

Розу увядшую, другъ мой,
Кинулъ я съ желтымъ листкомъ,
Чувство и зрѣнье, и слухъ мой
Гибнутъ съ послѣднимъ цвѣткомъ. —

А. Фетъ.

Москва.

ПРЕСТУПНИКЪ.

(Быль.)

—

«Іисусъ - Христосъ смирилъ себя!
Смири себя, мой милый братъ!
Отвѣй тоску налетную,
Гони змѣю — злодѣйку грусть!
Не слушайся ты нашептовъ
Смутителей *невидимыхъ*:
Неслушайся *лукаваго!*
Лукавый врагъ намъ сѣть плететъ,
Дышатъ *огнемъ*, смущаетъ умъ:
Пекельный огнь — есть *ярый гнѣвъ*:
Какъ съ привязи сорвавшись песъ,
Онъ мечется на всякаго!...
Мой милый братъ! что голубь чистъ,
Ты былъ доднесь въ семьѣ своей!

Ты ласковъ былъ, привѣтливъ былъ!
Родную мать душой любилъ
Младыхъ сестеръ, касатикъ нашъ!
Берегъ, стерегъ какъ старшiй братъ.
Что жъ сдѣлалось съ тобою, другъ!
Глаза горятъ, уста дрожатъ
И точишь ты лихой булатъ!»

* * *

Но онъ точилъ свой ножъ широкiй
Могучей жилистой рукой;
Давно угрюмый, одинокiй
Онъ потерялъ души покой:
Его прекрасную сосѣдку
Ужъ снаряжаютъ подъ вѣнецъ, ...
А онъ-ли былъ не молодецъ?
И вотъ спѣшитъ онъ на развѣдку.
За поясъ сунулъ длинный ножъ,
По жиламъ зазвонила дрожь,
Но затаилъ онъ страхъ и думы
И вышелъ изъ дóму угрюмый . . . . .

═

. . . . Дороженька широкая
Холстомъ лежитъ протянута
Въ Казань во градъ столбовая.
Курьеръ бѣжитъ, земля дрожитъ,
Посыльнаго три вихря мчатъ,
Не сдержитъ ихъ младой ямщикъ
И колоколъ гудетъ, поетъ

Въ верьху дуги качаяся....
Обозъ идетъ, чуть тянется
И веселы обозные
Товаръ везутъ — копѣйки ждутъ.
Синѣются, пестрѣются
Прохожіе въ *воскресный* день
Заслышавши по воздуху,
По воздуху, по ясному
Изъ ближнихъ селъ знакомый звонъ. —
Все весело, все хвалитъ день,....
Но вотъ идетъ, чернѣется
Толпа людей оборванныхъ;
Идутъ, гремятъ оковами
И гонятъ ихъ на привязи.
Огонь въ глазахъ и брань въ устахъ,
Ихъ волосы всклокочены
И лица ихъ искривлены.
Одинъ изъ нихъ, какъ писаный,
Тихошенекъ, смирнешенекъ,
Молчитъ, грустить и думаетъ:
«За чѣмъ твоихъ рѣчей благихъ
Сестра моя, душа моя!
Несчастный я не слушался?.«.»

Ѳ. Глинка.

Москва.

НѢСКОЛЬКО СТРОФЪ

изъ неизданной поэмы.

I.

Отгрянь поэзіи Шафора (*),
Звучи, властительный Мицморъ (**),
Кипи душа; блести мой взоръ,
Отъ вдохновительнаго жара!
О сердце! крѣпче въ грудь стучи, —
И лей блестящіе ключи
Своихъ роскошныхъ выраженій!
Кипите, рвитесь вы впередъ,
Какъ полный жизни водометъ
Какъ взрывы жаркихъ изверженій,
И засіяйте, какъ заря,
Сквозясь и тая и горя!. . .

II.

Подъ небеса, Орелъ могучій!
На верхъ, на верхъ, Орелъ рѣчей:
Въ разгаръ огня, въ игру лучей,
На пиръ восторговъ и созвучій!
Отдай прощаніе землѣ,

(*) Серебряная труба.
(**) Ода.

Взгляни кругомъ, расширь криле,
Взмахни широкимъ взмахомъ бури,
Полнеба въ крылья захвати,
Возвысься въ даль, плыви, черти,
Черти и рѣжь поля лазури,
Еще дай кругъ по высотамъ —
И встань величественно тамъ!..

III.

Такъ! хорошо! теперь ты рядомъ
Съ державнымъ исполиномъ дня,
И полный силы и огня —
Весь міръ окидываешь взглядомъ!...
Великъ разгулъ, широкъ просторъ, —
И очарованъ ясный взоръ
Красой властительскаго дѣла
И безконечностью родной!
Заговори же, смѣлый мой,
И пусть пространство безъ предѣла
Разрубитъ царственная рѣчь,
Какъ рубитъ мечь съ могучихъ плѣчь.

IV.

На міръ нахлынуло смятенье;
Подъ грохотаніе небесъ
Тряслась земля, щепился лѣсъ,
Валы рвались, какъ иступленье,
Стремнистый вихрь пронзалъ на сквозь,

Трещало, падало, лилось,
Скалы кремнистыя качало,
Обломки ихъ несло, какъ листь,
И въ гулы врѣзывался свисть,
И въ свистѣ ныло и стонало,
И пылъ огня, въ пылу тревогъ,
Вился, перунился и жегъ!...

V.

Была гроза, гроза паденья,
Крутился вихрь чумы плотской;
Горѣла страсть и лилъ рѣкой
Грязнящій ливень заблужденья;
И жалкой суетности мгла
Меня какъ жаръ собою жгла;
А все, что мнѣ дано сначала,
Чѣмъ жизнь отрадна и красна,
Вся эта теплая весна
Какъ подъ морозомъ замерзала,
И вреднымъ воздухомъ дыша
Оземлянялася душа....

VI.

Безъ обработки и призрѣнья
Пустѣла нива въ забытьи;
И какъ наносные слои,
Отстои мутнаго броженья,
И грязный соръ плотяныхъ дней

Ложились видимо на ней:
Нигдѣ колосьевъ съ дивнымъ хлѣбомъ,
Нигдѣ душистаго цвѣтка,
И подъ сугробами песка, —
Какъ мумія подъ знойнымъ небомъ, —
Давно забытое въ глуши
Изсохло творчество души.

VII.

Гдѣ сибаритскій пиръ кипучій,
Мышленій чистыхъ сытный пиръ?
Гдѣ свѣтлый рай, гдѣ звонкій міръ
Философическихъ созвучій?
Все было сжато какъ тюрьмой,
Повито въ грѣхъ, одѣто тьмой,
Лишь не спало воображенье
И заблужденіемъ пьяно —
Бродило дикое оно,
Какъ изъ могилы привидѣнье,
Цѣпями бѣдствія бренча
О костянистыя плеча! —

VIII. IX. X. XI. XII.

И все росло, росло страданье
Во мглѣ позорно заклятой....
. . . .
. . . .

XIII.

. . . .
. . . .
Но вдругъ . . . .
. . . .
. . . .

Какой-то силой благодатной
Богато полной красоты —
Я ожилъ въ лонѣ чистоты,
Какъ въ колыбели ароматной
И въ ней, веселіемъ блестя
Лежалъ я мирно, какъ дитя....

XIV.

Вокругъ меня журчали воды,
Цвѣтилась весело земля,
И шелковистыя поля,
Со всей раздольностью свободы,
Раскинули до ската горъ
Свой зеленѣющій коверъ;
И горы были въ три ступени;
И въ санавитой красотѣ
Онѣ всходили къ высотѣ,
И прохлаждающія тѣни
Отъ нихъ роскошливо легли
На свѣтлое лице земли! —

XV.

Одна ступень, ступень меньшая,
Была желательно цвѣтна,
И вся холмистая она,
Свѣжо весною навѣвая,
Къ ногамъ привольно—тучныхъ стадъ,
За скатомъ разстилала скатъ;
Потомъ, украшенная лѣсомъ
Ступень другая шла за ней;
И вся пышна въ одеждѣ сей
Сплетала темнымъ занавѣсомъ
Свои деревья и кусты,
Шумя листами о листы.

XVI.

А тамъ восторженно за оной
Взлетала третія ступень:
Горда—какъ умъ, свѣтла—какъ день,
Она державною короной
Взнесла въ лазурные луга
Свои алмазные снѣга;
И въ томъ сіяньи богатомъ,
Кипучей жизни горячи,
Свергались внизъ ея ключи,
Скача по яшмамъ и агатамъ,
И чудно брызгая вокругъ
Сребро, и злато, и жемчугъ!...

XVII.

Осыпанъ яркими лучами
Тѣхъ дивно — радужныхъ огней,
И въ глубину минувшихъ дней
Вглядясь разумными очами, —
Съ восторгомъ сердца я узналъ,
Что троерядный этотъ валъ
Есть валъ могучаго Алтая; —
И все отъ неба до полей
Мнѣ показалося свѣтлѣй,
Затѣмъ, что родина святая
Моей душѣ всегда была
И ненаглядна и мила!...

XVIII.

Уже отрадливымъ волненьемъ
Не замѣчаемо объятъ,
И въ тѣ верхи вперяя взглядъ,
Я съ поэтическимъ стремленьемъ,
Въ порывѣ — смѣлъ, въ движеньи — скоръ,
Хотѣлъ взбѣжать на темя горъ....
. . . .
. . . .

XIX XX. XXI. XXII. XXIII.

. . . .
. . . .

XXIV.

И данъ ему, какъ исполину,
Широкій путь, огромный шагъ,
И міръ изящества и благъ
Предъ нимъ торжественно раздвинутъ;
. . . .
. . . .
Чтобъ только трогалъ онъ сердца,
Чтобъ только лилъ онъ къ нимъ отраду,
И о высокомъ говоря,
Вознесъ бы ихъ къ любви Царя.

XXV

А онъ . . . . безумно презирая
Цвѣты безвечерняго дня,
И самъ себя отстороня
Отъ вдохновительнаго рая,
Ворвется въ міръ слѣпыхъ страстей,
И омоча концы кистей
Въ застой и гниль душевной тины,
Начнетъ писат своей рукой,
Заразной немощи плотской,
Отвратно — гнусныя картины,
Чтобъ, распаля другихъ, увлечь
На путь разврата, какъ на мечь!

XXVI.

Все лучезарное, святое,
Онъ презираетъ какъ раба,

И чувства сладкія хлѣба,
Слитыя въ море золотое,
За тѣмъ невяжетъ онъ въ снопы,
Чтобъ стать потѣшникомъ толпы,
И чтобъ имѣть и честь и право
Съ великолѣпнаго пути
До шутовства ему сойти;
И бывъ общественной забавой
Безумный крикъ и шумъ глупцовъ
Сбирать себѣ въ замѣнъ вѣнцовъ.

XXVII. XXVIII. XXIX. XXX. XXXI.

. . . .
. . . .

XXXII.

. . . .
. . . .

Старайтесь быть въ душѣ новы
Прервите связи со страстями,
И взвейтесь мыслью въ вышину:
Тогда, приближась къ полотну,
Смѣлѣй широкими кистями
Рисуйте все. И все на немъ
Задышетъ жизнью, какъ полднемъ!...

XXXIII.

Рисуйте все, но вашей цѣлью
Да будетъ лоно красоты;

А кротость чувства для мечты
Вы приготовьте колыбелью,
И поселите въ ней себѣ
Благоговѣніе къ судьбѣ;
Да будутъ мысли ваши святы,
И вся душа у васъ чиста
Какъ цвѣтъ лилейнаго листа;
И умиленья ароматы
Да окружатъ и обовьютъ
У васъ духовности пріютъ!

XXXIV.

Рисуйте такъ — и все заблещетъ
Въ картинахъ тѣхъ на пиръ очей
Какъ ливень свѣта и лучей;
И сердце сладко затрепещетъ
У васъ въ груди; и все оно,
Дождемъ красотъ растворено,
Отбрызнетъ радостныя слезы
Какъ упоенья водометъ;
И ваше счастье процвѣтетъ
Какъ процвѣтаютъ пышно розы;
И на румяной ихъ красѣ
Восторгъ разбрызнется въ росѣ.

XXXV.

Васъ волны звуковъ мирно встрѣтятъ:
Вы закупаетеся въ нихъ,

И струны чувства у благихъ
Роскошнымъ говоромъ отвѣтятъ
На рѣчь о свѣтлой сторонѣ;
И вы увѣритесь вполнѣ
Какъ дивны связи съ вышиною....
. . . .
. . . .

XXXVI. XXXVII. XXXVIII.

. . . .
. . . .

XXXIX.

Такъ! будь пѣвцомъ любви надзвѣздной!
Звени громчѣй, звучи, играй;
И въ благодатный оный край,
Гдѣ та любовь развита бездной,
Стрѣлою мчись, орломъ пари,
И утони въ ея зари;
И отдаваясь ей на вѣчно —
Въ объятьяхъ царственницы той —
Дыши ты нѣгою святой,
И восторгайся безконечно,
За тѣмъ, что дивная она
Вся вдохновеньями полна.

XL.

Къ тебѣ, пѣвцу, придетъ ли Рега (*)

(*) Внезапное бѣдствіе.

И сдавитъ душу тѣснотой,
А ты въ любовь, — и тихо пой!
Или возвышенная нѣга
Въ тебя вольется теплотой,
Ты къ ней опять — и сладко пой!
Или веселье жизни ясной
Придетъ играть съ твоей душой,
Ты все къ любви — и звонко пой!
И вотъ избранницей прекрасной
Она обнимется съ тобой:
А ты лобзай, люби и пой!

XLI.

И пой ты такъ святыя рѣчи,
Чтобъ ихъ блистательный потокъ
Былъ живъ, и ясенъ, и легокъ,
И былъ сильнѣй и жарче сѣчи!
. . . .
И чтобъ, услыша звуки тѣ,
Невольно сердце затихало,
И вдругъ потомъ, вскипая вновь,
Само просилось бы въ любовь!...

XLII.

Запой же ты, запой душою
О нѣгѣ Бога — Саддаи (*);

(*) Всемогущій.

И вся, дробяся на струи,
Та пѣснь расплещется рѣкою,
И побѣжитъ и закипитъ,
Блестя на видъ, какъ зекинитъ;
И скажутъ дальніе потомки,
И скажутъ дальніе вѣка:
Да, эта пѣсня глубока,
Да, эти строчки небомъ громки,
И для души онѣ свѣтлѣй
Игриво радужныхъ огней.

XLIII.

. . . .
. . . .

XLIV.

. . . .
. . . .

И думой свѣтлъ, мечтою чистъ,
Развилъ я смѣло книжный листъ;
И начертанья заструились,
И вдохновенья издали
То какъ ручьи ко мнѣ текли,
То искрометностью звѣздились,
То быстро глубами огня
Они свергалися въ меня.

XLV.

Но такъ ли я воспѣлъ душою
Что завѣщалъ мнѣ дивный сонъ?...
О нѣтъ! .. Взвиваяся мечтою
Въ неисповѣдные края,
И отблеска не вылилъ я
Того святаго упоенья,
Какое въ оныхъ разлито;
За тѣмъ, что люди, какъ ничто,
За тѣмъ, что мы сыны паденья;
И намъ ли Божью благодать
Въ рѣчахъ надземныхъ передать?...

XLVI.

. . . .
. . . .

XLVII.

И такъ, раздайтесь пѣснопѣнья,
Звѣня, и трелясь, и звуча,
И лётомъ горнаго ключа
Къ сынамъ благова вдохновенья
Стремясь отъ мирнаго пѣвца,
То ублажайте ихъ сердца
Какъ нѣгой дивнаго Элея,
То о восторгахъ бытія
Звените дробью соловья,

То задышите какъ лилея,
И въ ихъ цвѣтный, душевный садъ
Небесный вѣйте ароматъ.

XLVIII.

А вы, вѣка, раскройте лоно,
И разступитеся вѣка!..
Вы видите: идетъ рѣка
. . . .
Спѣшитъ протечь какъ между скалъ,
Чтобы вездѣ благихъ похвалъ
Росла и крѣпнула Держава
На этомъ поприщѣ временъ;
И чтобъ отъ нынѣшнихъ племенъ
Какъ громъ отгрянула бы слава
Къ другимъ, далекимъ племенамъ,
И все Ему... не намъ, не намъ!

В. Соколовскій.

КЪ * * *

Твои плѣнительныя очи
Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи.

Довольно встрѣтиться съ тобой,
Чтобы не почитать поэзіи мечтой,
Сей счастливый дистихъ прекраснаго поэта;

Но недостаточно, ни свѣта,
Ни ясности твоихъ очей,
Чтобъ прояснить вполнѣ красу души твоей,
Подруги ангеловъ небесныхъ:
Она прелестнѣе очей твоихъ прелестныхъ;
Она чиста, свѣтла, жива,
Какъ солнца, въ чистый день, восходъ игривый;
Но на землѣ ея небесныя права
На вѣкъ счастливыя
Не вовсе признаны. Не міра суеты,
Не хитрости людей, не прелести тщеты
Мнѣ страшны за тебя; но, признаюся,
Я, не безъ опыта, боюся
Разкрашенной романами мечты.
Ахъ, не мечтай! а думай русскимъ толкомъ;
Пожалуй ты себѣ, о женихахъ смѣкай,
Да только тихомолкомъ,
Кто попорядочнѣй — смиренно замѣчай,
Кто подостойнѣе — привѣтомъ отличай,
Сухой холодностью любезныхъ не пугай
И даже: но не всѣхъ, а съ выборомъ: прельщай,
Да только не мечтай!
Изъ разныхъ книжекъ идеала
Себѣ въ мужья не составляй,
И съ нимъ лице въ лице никакъ не подбирай
Мундирныхъ усачей, сокровищей для бала,
Иль фрачнаго, съ бородкой, либерала,
Иль даже статскаго, съ крестами, Генерала.
Романы-жъ . . . охъ! . . . ужъ такъ и быть: читай

Да изъ себя романа
Отнюдь не сочиняй.
Воображенія залетнаго примана
Ты бойся какъ огня: ну словомъ не мечтай,
Иль промечтаешь вѣкъ; а станется и хуже:
Когда твой идеалъ: какъ будто по канвѣ
Прекрасно вышитый мечтами въ головѣ:
Предстанетъ въ женихѣ, а послѣ, выйдетъ въ мужѣ
Плохая копія съ дурныхъ мужей,
Какихъ назвать могу, по-крайней мѣрѣ, до ста;
Но если все еще не отучилась ты
Въ саду, одна, читать печатныя мечты,
То въ этой крайности ужь мнѣ приходитъ просто
Себя представить въ образецъ,
Чтобъ казнилась на немъ моимъ житьемъ тоскливымъ.
И мнѣ бы можно быть, такъ за просто, счастливымъ
Какъ дѣдъ мой и отецъ,
Да замечталъ, мечталъ, мечталъ и наконецъ
Подъ старость намечталъ себѣ такое горе,
Котораго ни гдѣ размыкать не могу:
Какъ дряблая лоза на скошенномъ лугу
Я одинехонекъ, терплю мученье, въ спорѣ
Моей души безлѣтно молодой
Съ моей сѣдою головой,
И скорбная душа.... но дѣло не объ этомъ:
Мой образецъ не худъ, да отъ тебя далекъ,
И на твоемъ вѣку, еще весной и лѣтомъ,
До осени положенъ долгій срокъ;
Такъ не страшись любви: люби, Господь съ тобою,
Не вспыхомъ головнымъ, а теплою душою;

Ее же пріютить, большаго спѣха нѣтъ:
Еще останутся на много, много лѣтъ:
Твои плѣнительныя очи
Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи!

К. А. А. Шаховской.

Харьковъ. 1842.

ГОРЕЦЪ,

СЦЕНЫ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКАГО СОЧИНЕНІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Ревизорчукъ, молодой горецъ.
Марѳа, его мать.
Праксeда, его невѣста.
Максимъ Тыхоньчукъ, ея дядя.
Прокопій, стрѣлецъ *(сотскій)*.
Анна, его жена.
Мандатарій *(становой въ деревнѣ Жабье)*.
Коммисаръ изъ г. Кутъ, *(членъ Окружнаго Правленія)*.
Еврей, хозяинъ постоялаго двора недалеко отъ г. Лемберга.
Фельдфебель полка Кн. Лихтенштейна.
Пѣхотный Офицеръ и солдаты.
Горцы разнаго пола и возраста, разбойники *(по тамошнему опрышки)*.

Дѣйствіе происходитъ въ горахъ Карпатскихъ, по рѣкѣ Черетошу; част втораго дѣйствія — въ небольшомъ городкѣ, не далеко отъ Лемберга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Передъ корчмой въ деревнѣ нагорной Жабье. Горцы разнаго пола и возраста въ праздничномъ платьѣ. Старики за столомъ; молодежъ въ разговорѣ между собою, или возлѣ дѣвушекъ. Костюмъ мущинъ слѣдующій: куртка безъ рукавовъ изъ бараньихъ смушекъ, обращенная шерстью къ тѣлу. Широкій поясъ изъ чернаго ремня, выложенный въ разные узоры желтыми гвоздиками, за поясомъ у каждаго ножъ, ложка и пара небольшихъ пистолетовъ, синія брюки, сверхъ которыхъ изъ подъ пояса спускается рубашка; чрезъ правое плечо виситъ на узорчатой тесьмѣ сума, изъ матеріи на подобіе шотландскаго тартана; въ ней порохъ, пули и проч., на ногахъ легкія лапти изъ кожи; волосы въ густыхъ кудряхъ спадаютъ на плеча, на головѣ шляпа круглая съ большими полями и перомъ; сверху красный плащъ безъ рукавовъ, недостающій до колѣнъ, по краямъ обшитый чернымъ шнуркомъ и такимъ же завязанный подъ шеею; у всякаго, безъ различія возраста, на лѣвой рукѣ топоръ. Женщины одѣты, какъ обыкновенно одѣваются въ Галиціи. У дѣвушекъ красная юбка, узорчатый передникъ; рубашка, украшенная на рукавахъ шитьемъ; на шеѣ разноцвѣтныя ожерелья, на которыхъ виситъ большая золотая монета; косы заложены на верхъ головы, въ концы ихъ вплетены красныя тесемки или ленточки, которыя по за ушами спадаютъ на грудь).

(Передъ поднятіемъ занавѣса слышна флейта на голосъ народной пѣсни: коломыйка; когда же занавѣсъ поднимается, одинъ изъ горцевъ поетъ).

Одинъ голосъ.

Де́сь далеко васъ погбнять
Съ ланцюкомъ нашіи;
Вже вамъ бильше не зазво́нять
Зво́ны коломыи.

Хоръ.

Де́сь далеко васъ погонять.
и проч.

Максимъ.

Эхъ, перестаньте братцы, пожалуйста перестаньте! Охота вамъ пѣть эту пѣсню; я ее терпѣть не могу! Пятнадцать лѣтъ таскалъ я нѣмецкое ружье, и, какъ разъ въ ту самую минуту, когда надѣвали мнѣ киверъ на голову, мнѣ запѣлъ ее какой-то чортъ. Да, братцы, да! не по сердцу мнѣ она. Въ ней что-то недоброе. Ѳедя! подойди-ка, голубчикъ, да сыграй мнѣ мою... знаешь... ту́, любимую; а я запою вамъ на свой ладъ.

(Ѳедоръ выходитъ на аванъ-сцену съ флейтою въ рукѣ, и начинаетъ подыгрывать подъ голосъ Максима, прочіе группируются и слушаютъ).

Только солнышко проглянетъ,
Веселится Божій свѣтъ;
Но безъ горъ душа завянетъ:
Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ жизни нѣтъ.

Горецъ, въ красный плащъ одѣтый,
У него топоръ въ рукѣ;
Есть ружье и пистолеты,
И отвага есть въ душѣ.

Горцу тѣсенъ домъ зимою, —
Онъ весны какъ птичка ждетъ,
И знакомою тропою
На вершины горъ идетъ.

Тамъ веселье и отрада,
Тамъ съ нимъ всѣ его стада;
Тамъ имѣетъ все, что надо —
И свободу и луга.

Черетошь по камнямъ льется,
Въ немъ блеститъ лице небесъ;
Горецъ смѣло вдаль несется
По горамъ, въ дремучій лѣсъ.

Ели вслѣдъ за нимъ валятся,
Легъ медвѣдь подъ топоромъ;
Козы робко въ пропасть мчатся;
Свищетъ пуля за орломъ.

Наши дѣвушки красивы;
У нихъ черные глаза,
У нихъ руки не лѣнивы
И покорны ихъ сердца.

Наши жены, хоть въ разлукѣ,
Стыдъ и вѣрность берегутъ,
Долго ждутъ мужей, и въ скукѣ
Что же — плачутъ? нѣтъ, поютъ.

Хоръ.

Только солнышко проглянетъ и проч.

(Общее движеніе восторга).

Старикъ *(вставая изъ за стола).*

Славно!.... любо!.... ай-да Максимушка! распотѣ-

Прокопій (*самонадѣянно*).

Кто-жъ бы это такой?

Пракседа.

Ты знаешь это не хуже меня. О, если бы онъ здѣсь былъ! Я бросила бы въ шляпу свои коральки и червонецъ.

Прокопій.

Видите, какая смѣлая!

Пракседа.

Диво!... Вѣдь я увѣрена, что коральки, червонецъ и всѣ деньги перешли бы къ нему. Онъ возвратилъ бы мнѣ мое, да еще въ добавокъ и поцѣловалъ бы меня, — чему жъ вы дивитись?

Максимъ.

А! понимаю, лебедка, понимаю! Ты говоришь объ Антонѣ Ревизорчукѣ! — а что, онъ и за правду молодецъ хоть куда: любому орлу перешибетъ крылья.

Пракседа (*подтверждая слова его улыбкой*).

Что жъ, коли дѣло за нимъ — подождите его.

Прокопій.

Это что за новость? Семеро одного не ждутъ — людей взрослыхъ заставлять ждать мальчишку, — не хочу, не согласенъ!

Многіе.

Боишься! боишься! ага! что, храбрость въ пятки ушла? Подождемъ Антона, подождемъ!

ПРОКОПІЙ.

Если такъ, — жду. *(Въ сторону)* А, чортъ возьми! досадно, мочи нѣтъ! всегда этотъ проклятый...

НѢКОТОРЫЕ *(смотря вдаль).*

А! да вотъ и онъ!

АНТОНЪ *(входитъ поспѣшно).*

Здравствуйте, земляки! что подѣлываете? *(Пракседѣ)* что это у тебя въ рукахъ?

ПРАКСЕДА.

Подарокъ, Антонъ, подарокъ — *(снимаетъ коральки и бросаетъ ихъ въ шляпу).* Но смотри, не проведи меня! Боже упаси, если... *(ласково грозитъ ему).*

АНТОНЪ.

Растолкуйте же, что вы это затѣяли?

МАКСИМЪ.

Держимъ закладъ, Антонъ. Видишь ли вонъ ту вѣтку, — кто отсѣчетъ ее въ десяти шагахъ, тотъ получитъ все, что въ этой шляпѣ.

ПРАКСЕДА.

Въ ней и коральки мои — понимаешь?

АНТОНЪ.

Понимаю — что-жъ, я не прочь. Только десять шаговъ мало, — двадцать.

ПРОКОПІЙ.

Согласенъ.

Прочіе.

И мы тоже.

Антонъ *(Максиму)*.

Тебѣ, старинушка, можно-бы позволить бросить топоръ и въ десяти шагахъ. *(Прочимъ)* Не правда ли, товарищи?

Всѣ *(кромѣ Прокопія)*.

Правда, правда!

Максимъ.

Молчать! что вы въ самомъ-дѣлѣ? Не хочу! я — какъ и всѣ! Промахнусь, скажете: старикъ! и только. Знаю я васъ, молодежъ! Если мнѣ удастся отрубить вѣтку въ десяти шагахъ, вы-же начнете подтрунивать. Притомъ-же въ шляпу попали и коральки, а они, вѣрно, не для меня.

Праксeда.

Угадалъ, дѣдушка, право не для тебя.

Максимъ.

Ну-ка, къ дѣлу! *(отмѣриваетъ разстояніе)* Прочь! посторонитесь! Я начинаю *(бросаетъ топоръ)*.

Всѣ.

Не попалъ.

Старикъ *(за столомъ)*.

Охота тебѣ, Максимъ, браться не за свое дѣло? Поди-ка лучше къ намъ, присядь, выпьемъ, да потолкуемъ. *(Максимъ садится къ нему)*.

Прокопій.

Кто-же теперь?

Максимъ.

Пусть назначаетъ Праксeда.

Антонъ.

Пракседа! меня послѣ всѣхъ.

Пракседа.

Ѳедя! бросай ты. *(Ѳедоръ бросаетъ топоръ).*

Многіе голоса.

Промахъ!

Одинъ изъ молодыхъ.

Черезъ-чуръ далеко — не хочу.

Нѣкоторые.

Да, да! очень далеко! — не хотимъ! Отказываемся..

Прокопій.

Ну, такъ пустите меня — Пракседа, что-жъ ты молчишь?

Пракседа *(вызываетъ протяжно).*

Стрѣлецъ, наушникъ Г. Мандатарія! *(Прокопій выступаетъ)* А! такъ это вы, Прокопій? *(Прокопій сердито бросаетъ топоръ).*

Одинъ изъ молодыхъ.

Славно! жаль только, что не совсѣмъ. Зацарапалъ вѣтку, да мало.

Пракседа.

Да; жаль цванцигера; а его, вѣрно, далъ Г. Мандатарій за какую-нибудь толстенькую ложь.

Антонъ.

Молчи, Пракседа! Охота тебѣ...

Прокопій.

Да, и я говорю, молчи!.. Ты, что-то бойко очень смѣешься нынче; смотри, чтобъ завтра не довелось плакать.

Антонъ.

Ну, полно! не стращай ее... Она моя невѣста, и я... ты знаешь — я не слишкомъ робокъ, да и вздоровъ не жалую. Ну, Пракседа, вызывай.

Пракседа *(играя корольками).*

Антонъ!

Прокопій.

Погодите! А если и онъ не отсѣчетъ, тогда что?

Всѣ.

Старики разсудятъ тогда.

Пракседа.

Обойдется дѣло и безъ стариковъ. Антонъ отрубитъ, ручаюсь вамъ.

Антонъ.

Посторонитесь! прочь! *(бросаетъ топоръ, нѣкоторые бѣгутъ и приносятъ вѣтку).*

Одинъ изъ молодыхъ.

Ай-да хватъ! Посмотрите, отрубилъ, какъ отрѣзалъ. *(Пракседа бросается къ Антону на шею, онъ отдаетъ ей корольки; Пракседа, вынувъ изъ шляпы цванцигеръ, показываетъ его Прокопію, который со стыдомъ и досадою отворачивается въ сторону).*

Антонъ.

Хозяйка! пива на всѣ эти крейцеры! Дружно, товарищи! Принимайтесь-ка за стаканы! — Сегоднишній день пусть будетъ нашъ — а завтра..« Богъ да Нѣмцы знаютъ, что будетъ съ кѣмъ нибудь изъ насъ завтра. *(Пьетъ)* Милости прошу, товарищи; Ѳедя, поиграйка, братъ, да знаешь, новеселѣе!... *(Ѳедоръ играетъ; Антонъ, схвативъ Пракседу, пляшетъ; но встревоженная молодежь останавливаетъ ихъ).*

Одинъ изъ молодыхъ.

Постой, Антонъ! Что-ты сказалъ? Ты вѣрно, что нибудь слышалъ? Не шути, ради Бога! Мнѣ вотъ такъ и чудится, что рука Нѣмца лазитъ у меня по шеѣ.

Антонъ.

Да, любезный, и не ошибаешься — плохо?

Многіе.

Что-же такое? говори безъ обиняковъ... что случилось?

Антонъ.

Не случилось еще, а случится и такое-то, что будетъ всѣмъ намъ не пошерсти. Послушайте! вчера я былъ въ Яворовѣ, и встрѣтилъ тамъ знакомыхъ мнѣ господъ, ѣхавшихъ на воды въ Буркутъ (*). Въ прошломъ году я служилъ имъ; господа они добрые, жаловали меня, ходили со мной въ запуски на Черную Гору, они на лошадяхъ, а я пѣшкомъ. Бывало, имъ любо смотрѣть, какъ пущенная мною ель бѣжала внизъ, какъ я для шутки гнался за

(*) Минеральныя воды въ Карпатскихъ горахъ.

нею, бросалъ въ нее топоръ и, схвативъ его потомъ за рукоятку, удерживалъ на мѣстѣ.

Прокопій.

Аль они сказали тебѣ что нибудь?

Антонъ.

Экой ты допытливый! Ты стрѣлецъ, сотскій, или десятскій, кто тебя знаетъ, — но ты не таскаешь лисицъ изъ норы, не борешься съ медвѣдемъ на вершинахъ горъ и не ищешь дикихъ козъ между колодами старыхъ елей— это, изволишь видѣть, не по плечу чиновному человѣку; ты знатный охотникъ на нашего брата горца и мастеръ передавать насъ Нѣмцамъ... Убирайся-ка отсюда по добру да по здорову,-то, что скажу я землячкамъ, для тебя не новость: Мандатарій чай давно уже шепнулъ тебѣ это на ухо.

Многіе.

Да ну, говори, Антонъ, говори.

Антонъ.

Видите-ли, что: — Панъ Янъ Мельбаховскій, увидя меня, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «что, братъ Антонъ! бѣда сидитъ за угломъ: вѣдь и у насъ уже положено брать рекрута.»

Молодежъ.

Рекрута?...

Дѣвушка.

Рекрута? Господи!

Антонъ.

Мандатъ посланъ уже и къ намъ; такъ сказалъ Мель

баховскому Крейсгауптман въ Коломеѣ. «Берегись, Антонъ, а то жаль тебя!» сказала молоденькая жена Мельбаховскаго; на что я и отвѣчалъ ей: воля Царская — воля Божія; но я-де, сударыня, не боюсь: меня законъ защищаетъ, потому что я одинъ сынъ у матери.

Прокопій *(въ сторону)*.

Посмотримъ, поможетъ-ли это тебѣ.

Одинъ изъ молодыхъ.

Боже ты мой милостивый! чтоже: я не одинъ у матери; насъ кучка порядочная!... Того и гляди, жребій падетъ на меня — бѣда да и только! Хоть-бы на это время нелегкая взяла всѣхъ братцевъ и сестрицъ моихъ.

Нѣкоторые.

И я не одинъ въ семьѣ, и я, и я!...

Максимъ *(выводитъ ихъ на авансцену)*.

Такъ вы не одни въ семействѣ?

Нѣкоторые.

Слышишь, что нѣтъ! — Максимушка, голубчикъ! ты человѣкъ бывалый, скажи, какъ пособить бѣдѣ?

Максимъ.

А поглядите-ка вонъ туда — что вы тамъ видите?

Нѣкоторые.

Да что? вѣстимо что — горы.

Максимъ *(передразнивая ихъ).*

Горы!... эхъ вы, несмышленные! а въ горахъ-то есть лѣса, въ которыхъ не была еще нога ни одного Нѣмца; тамъ скалы и пещеры, гдѣ лежи себѣ и смѣйся, хотя-бы сотня солдатъ проходило мимо; тамъ ели, лѣтъ пятнадцать уже гніющія, за которыми не отыщетъ тебя и лѣсная собака, не то что табачный объѣздникъ — эка бѣда привалила! чего дремать?

Нѣкоторые.

Спасибо, Максимушка, спасибо! Отъ словъ твоихъ душа повеселѣла; будто сотня Нѣмцевъ съ плечь упала.

Вся молодежъ.

Чего-же медлить въ самомъ дѣлѣ? Живѣе ребята, живѣй! Прощайте, старики? Прощайте, матушки! до свиданья, красныя дѣвицы! *(уходятъ).*

Старики *(встаютъ).*

Пора и намъ. Спасибо, Антонъ, за пивцо.

Антонъ.

Не меня благодарите, а вотъ его *(указываетъ на Прокопія)*; вѣдь цванцигеръ-то онъ положилъ. До свиданія! Прощай и ты, моя Пракседочка! Я иду къ матери; я давно не видалъ ее *(уходитъ).*

(Дѣвушки, взявшись за руки, уходятъ, припѣвая коломыйку; пѣсня вдали, затихаетъ. На сценѣ остается одинъ только Прокопій; онъ стоитъ, погрузясь въ размышленіе)

Прокопій.

Пословица права: не корми волка съ собакой — не уживутся: подростутъ и — пойдетъ потѣха. Мало - ли здѣсь молодцевъ, но всѣ они уважаютъ меня, какъ старшаго. Каждый встрѣчаетъ меня съ поклономъ, подъ-часъ и поподчивать готовъ... что-жъ! — Этотъ проклятый молокососъ Антонъ... Онъ мнѣ какъ бѣльмо на глазу! .. Только появится, вздернувъ носъ, взгляпетъ на меня своими бурколами, — такъ вотъ и кажется, что подо мною земля ходоромъ ходитъ. Три дни хлѣба не ѣлъ-бы, только-бъ задушить его!... Чортъ знаетъ, за что его всѣ здѣсь такъ уважаютъ... Куда не придетъ, всѣ таращатъ на него глаза... Пусть однѣ только дѣвки посматривали-бы и зорились на него — это недиво: двадцать три года, румяныя щеки, черные усики и густыя кудри — это приманка для нихъ; но старики-то за чѣмъ со вниманіемъ слушаютъ его балясы? — Нѣтъ, вдвоемъ съ нимъ не житье намъ на землѣ, — она хоть и раздольна, но тѣсна для насъ, или онъ, или я!... Рекрутчина! что если бы удалось мнѣ постричь его, какъ барана; вырвать на всегда изъ рукъ его топоръ; облѣпить молодца бѣлымъ мундирчикомъ, чтобы онъ издали казался выштукатуреннымъ Нѣмцемъ... О, хорошо было-бы это! Тогда отъ сердца моего отлегла-бы тяжелая гора!... Но какъ это сдѣлать? Трудно, почти не возможно: напасть на него открытою силою, но онъ не дастся десятерымъ. И подъ какимъ предлогомъ? Онъ одинъ у матери... *(увидя подходящаго Мандатарія)* А, вотъ и Г. Мандатарій! Не поможетъ-ли онъ?... Попытаюсь; до-сихъ-поръ мнѣ удавалось дѣлать изъ него все. — Да, пусть онъ найдетъ средство поймать

ворона въ сѣти, — онъ вѣдь человѣкъ грамотный, говоритъ по Латынѣ. Э, да онъ вѣрно получилъ что нибудь изъ Окружнаго Правленія, — недаромъ такъ важно идетъ и шевелитъ губами. Настоящій волъ! Поѣсть, выпить, поспать и опять выпить — вотъ его дѣло.

Мандатарій (*) *(входитъ важно)*.

Ну, что же, Прокопій?

Прокопій *(смиренно)*.

Ничего-съ, Ваше Благородіе.

Мандатарій.

Ничего-съ? То-то ничего-съ! а мы такъ знаемъ кое-что... Мандатъ, то есть приказаніе отъ Окружнаго Правленія... Понимаешь? получено... Велѣно брать у насъ рекрутъ. Понимаешь? а?

Прокопій.

Рекрутъ?... дѣло!... Но откуда-же взять ихъ, Ваше Благородіе?

Мандатарій.

Какъ откуда взять? Мало-ли у насъ молодцевъ, то есть, такихъ, которые годятся, такъ сказать, въ службу? — Прикажи мнѣ подать пива.

Прокопій.

Оно такъ, Ваше Благородіе; но гдѣ они? Теперь, хоть гончихъ пошли, ни одного не сыщешь.

(*) Родъ Становаго Пристава каждаго имѣнія.

Мандатарій.

Гмъ! Да на что-же вы, то есть, сотскіе и десятскіе стрѣльцы? Прочіе горцы отбываютъ повинности, то есть работаютъ на казну двѣнадцать дней въ году. Вы-же что? — Вамъ, такъ сказать, не надобно сбивать плоты и отправляться съ ними въ городъ, то есть въ Косовъ или, такъ сказать, въ Куты, — что же вы дѣлаете? Вамъ только и заботы, что исполнять мандаты, то есть приказанія. Я на то Мандатарій, чтобы приказывать брать, а вы на то стрѣльцы, чтобъ знать гдѣ взять, и взять безъ отговорокъ; чтоже ты, такъ сказать...

Прокопій.

Оно все такъ, сущая правда, Ваше Благородіе! Мы должны и готовы служить, да какъ же служить, когда средства улизнули изъ подъ-руки? Вотъ, когда-бы молодежъ наша еще не провѣдала, — иное дѣло: тогда можно было-бы напасть на нихъ, какъ на лисицъ въ норахъ, да и цапъ-царапъ; но какой чортъ поймаетъ ихъ, когда они разбѣгутся по горамъ, прильнутъ къ скаламъ, какъ мохъ, разлетятся по вѣтвямъ, какъ птицы? Поди, ищи вѣтра въ полѣ.

Мандатарій.

Откуда-же узнали они о рекрутчинѣ? Кто же сказалъ имъ объ ней?

Прокопій.

А кто все знаетъ, какъ не господа, ѣдущіе въ Буркутъ? Кто всегда съ господами, какъ не Антонъ Ревизорчукъ: — сего дни пришелъ изъ Яворова, да и давай здѣсь разсказывать всѣмъ, что мандатъ о рекрутчинѣ уже посланъ:

Мандатарій (*важно*).

То есть ко мнѣ?

Прокопій.

Этого онъ не сказывалъ, Ваше Благородіе!

Мандатарій.

Не сказывалъ!... негодяй!... Къ кому-жъ, такъ сказать, какъ не ко мнѣ, долженъ присылаться сюда мандатъ?

Прокопій.

Сущая правда, Ваше Благородіе; но про васъ не сказалъ онъ ни слова; такъ, извольте видѣть, просто пришелъ сюда, разсказалъ всѣмъ, да и все тутъ. Вотъ ка-бы вы сами изволили быть тогда здѣсь, да видѣть, какую кутерьму заварила молодежъ, узнавши о рекрутчинѣ, — вы не стали-бы обвинять насъ, стрѣльцевъ. Видя, что дѣло плохо, молодцы на утекъ, въ горы.

Мандатарій.

Досадно! это преказусная, прескверная, такъ сказать, штука! — Прикажи-же подать мнѣ пива.

Прокопій (*въ сторону*).

Хоть-бы ты лопнулъ!... (*громко*) Слушаю, Ваше Благородіе. (*въ сторону*) Ему и полведра мало... (*громко*) Ваше Благородіе!

Мандатарій.

Такъ сказать, что?

Прокопій.

Дѣло-то плоховато — и поправить его трудно.

Мандаторій.

Однако-же надобно, такъ сказать, поправить его.

Прокопій.

Для того-то я и осмѣливаюсь предложить свое мнѣніе: не благоугодно-ли будетъ Вашему Благородію послушать меня? Такъ какъ Ревизорчукъ разсказами своими разогналъ всѣхъ молодцевъ, то пусть-же самъ потретъ солдатскую лямку. Пока онъ здѣсь, не быть добру, не быть и покорности. Извольте видѣть, если, примѣромъ сказать, гдѣ нибудь соберутся ребята и потаскають другъ-друга въ поволочку, такъ что могло-бы выдти изъ того препорядочное дѣльце — смотри, Антонъ Ревизорчукъ тутъ какъ тутъ, скажетъ слово, и—мировая. Посудите сами, Ваше Благородіе, развѣ его дѣло мирить драки? Развѣ судъ и расправа ему принадлежатъ?

Мандатарій.

Преестественно, такъ сказать, не ему.

Прокопій.

Такъ примѣромъ сказать, въ воскресенье, или въ другой какой праздникъ, соберутся здѣсь старики, дѣвки и молодежъ: стоитъ только появиться ему, и посмотрѣли-бы вы, какой ему отъ всѣхъ почетъ и привѣтствіе! Господи твоя воля! Неужели одному ему должны всѣ здѣсь кланяться?

Мандатарій *(Надувшись)*.

То есть, разумѣется, не ему.

Прокопій.

Да то-ли еще! Этого мало, Ваше Благородіе! Когда

надобно кого послать куда нибудь; или, примѣромъ сказать, какой чиновникъ изъ Окружнаго Правленія ѣдетъ въ Буркутъ, и надобно дать ему людей для услуги — ходишь, ходишь, зовешь, приказываешъ, говоришь, что Г. Мандатарій нарядить изволилъ — куда тебѣ? и ухомъ неведутъ; не слушаются, да и только . . . Не-ма, дастъ Богъ, вотъ и все. Пустъ-же появиться какой-нибудь панъ, знакомый Антона, — махнулъ рукой — и, скорѣе чѣмъ успѣешь проговорить «Отче нашъ», двадцат горцевъ съ лошадьми какъ тутъ къ услугамъ его.

МАНДАТАРІЙ.

Вишъ-ты? Гмъ! таковъ-то онъ! — Подай-же мнѣ пива!

ПРОКОПІЙ.

Сегодня, примѣромъ будучи, заломался, зачванился; я-де-одинъ у матери, меня-де не возьмутъ, и не боюсь я никого, и смѣюсь-то я надъ всѣми мандатами и мандатаріями.

МАНДАТАРІЙ.

Какъ? что?.. Тфу ты, такъ сказать, пропасть!.. Пустьбы ужъ надъ Мандатами, а то и надъ Мандатаріями!.. Экой головорѣзъ!.. да мы . . . то есть, я его!..

ПРОКОПІЙ.

Его, Ваше Благородіе, непремѣнно надобно отдать въ рекруты.

МАНДАТАРІЙ.

Да, да!.. Непремѣнно надо!.. Подай мнѣ пива *(пьетъ принесенное пиво)*, въ рек . . ру . . ты его!..

Прокопій.

Хоть онъ и одинъ сынъ у матери, да это не бѣда. Можно написать, что онъ негодяй, Ваше Благородіе, зачинщикъ всѣхъ безпорядковъ, переноситъ контрабанду изъ Венгріи, бьетъ надсмотрщиковъ; что онъ пъяница, головорѣзъ, воръ.

Мандатарій.

Что онъ смѣется надъ мѣстнымъ начальствомъ, что.. *(пьетъ)*...пивцо не дурно; годится, такъ сказать *(пьетъ)*; что . . . и проч. и проч . . . Ну, да не безпокойся: я, такъ сказать, съ-умѣю написать, а ты умѣй его взять . . .

Прокопій *(едва удерживая свою радость)*.

Слушаю, Ваше Благородіе! Но за него надобно взяться умѣючи: онъ одинъ уберетъ десятерыхъ,—настоящій медвѣдь; какъ не запустилъ-бы онъ когтей въ мою голову . . .

Мандатарій.

Ступай и дѣйствуй,—*Caute et prudenter.* Я-же пойду, и, такъ сказать, прилягу. О, охъ! измучили вы меня, казенныя дѣла! *(шатаясь уходитъ)*.

Прокопій *(нѣсколько времени ходитъ въ нерѣшимости)*.

Ну, Антонъ, теперь я расплачусь съ тобой за все, и наличными денежками *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Изба въ домѣ Антона.

Марѳа *(въ дверяхъ).*

Антонъ! дитя мое! ты мое утѣшеніе! отрада моя!

Антонъ *(входитъ, обнимаетъ ее).*

Здравствуй, матушка!

Марѳа.

Какъ давно я не видала тебя!

Антонъ.

Пять дней, родная; развѣ это давно?

Марѳа.

Для матери и пять часовъ разлуки съ добрымъ сыномъ много. Ты не понимаешь этого, неблагодарный! *(Лаская, треплетъ его по щекѣ).*

Антонъ.

Матушка! родная ты моя! Я люблю тебя горячо, больше жизни, больше Пракседы.

Марѳа *(цалуя его въ голову).*

Голубчикъ ты мой, золотой! Я вѣрю твоему сердцу; ты знаешь, что безъ тебя мнѣ было-бы тошно жить на бѣломъ свѣтѣ. Ахъ, какъ горяча твоя голова! Присядь-ка! Ты усталъ, бѣдный! Чай бѣжалъ со всѣхъ ногъ?

Антонъ *(Садясь).*

Пять дней не видалъ я тебя, добрая матушка!

Марѳа.

А ты-же говоришь, что это не много! Вишь какой лжецъ. *(снимаетъ съ него плащь)*

Антонъ.

Я спѣшилъ къ вамъ и къ Праксөдѣ, матушка.

Марѳа.

То-то, лукавецъ! Къ Праксөдѣ чай больше, чѣмъ ко мнѣ. Ну, да такъ тому и быть . . . Славная дѣвушка, нечего сказать! . . . Благослови васъ Господь милосердный . . . Ну, давай же сюда свои пистолеты, они жмутъ тебя. *(Вынимаетъ пистолеты у него изъ за пояса и кладетъ на скамью).*

Антонъ.

Нѣтъ, матушка, оружіе никогда не въ тягость горцу; а топоръ такъ сроденъ съ его рукою.

Марѳа *(беретъ топоръ и кладетъ въ сторону).*

Теперь онъ тебѣ не нуженъ, другъ мой! *(садится возлѣ него на скамью).* Положи-ка свою молодецкую головушку ко мнѣ на колѣни! *(Антонъ съ улыбкою исполняетъ).* Вотъ! Охъ, ты, повѣса, повѣса! пять дней бродилъ по горамъ, и воротясь, побѣжалъ напередъ къ своей Праксөдѣ! Ну, да Господь съ вами; молодежъ! . . . Давно уже не чесала я твоей головушки, не цѣловала этихъ черныхъ кудрей! . . . *(играетъ его волосами; Антонъ засыпаетъ. — Прокопій является съ другими стрѣльцами, — показавшись въ дверяхъ, они прячутся, выжи-*

дая удобной минуты). Головка ты моя милая, головка ненаглядная! Я выцарапала бы тому глаза, кто-бъ рѣшился хоть до одного твоего волоска дотронуться . . . Но кто-же и посмѣетъ? Я дала моему дѣтищу могучую руку и отважное сердце! Знаютъ люди, какая мать родила его! . . . Кто только на него не посмотритъ, кто только не услышитъ его голосъ, всякъ по неволѣ скажетъ: «это Карпатскій орелъ! берегитесь, мелкія птички, вамъ не догнать могучаго! . . . Но что это? Уснулъ, усталъ! Бѣдное дитя! Пошли тебѣ Богъ здоровья! Ты единственная утѣха моя въ жизни! *(Прокопій и стрѣльцы подходятъ тихо, бросаются на Антона и прежде чѣмъ онъ просыпается, связываютъ его веревками; одинъ изъ нихъ бросается къ ружью Антона и отставляетъ его въ сторону).* Что вы, что вы, разбойники! Что надобно вамъ? Пустите его!

Антонъ *(вздрагиваетъ; испуганные стрѣльцы отскакиваютъ въ ужасъ и потомъ снова схватываютъ его).*

Чего вы хотите отъ меня?

Прокопій.

Иди-ка, любезный тереть нѣмецкую лямку — вотъ и вся не-долга!

Марѳа.

Какъ? въ рекруты? мое дитя? Моего Антона въ рекруты? Нѣтъ! этому не бывать! по какому праву? Развѣ вы не знаете, что онъ у меня одинъ, какъ солнышко на небѣ! *(Прокопію)* Это твои плутни! Ты всегда на него лаялъ — онъ тебѣ какъ бѣльмо въ твоемъ змѣиномъ глазу!

Прокопій.

Теперь больше не буду лаять, голубушка. Не безпокойся, старуха, изъ него выйдетъ славный солдатъ!

Антонъ *(до сего стоящій пораженный болье изумленіемъ, нежели страхомъ).*

Глупецъ! ты слишкомъ рано обрадовался. Не безпокойся, мать моя, не безпокойся: закона-то они не проглотятъ; онъ всѣмъ извѣстенъ, — я одинъ сынъ у матери, — прочь вы, разбойники! пустите меня!

Прокопій.

Экой ты ученый! что твой Мандатарій! А того не знаешь, что тебя, этакъ, порядкомъ росписали? Ты-де Антонъ Ревизорчукъ разогналъ всю молодежъ въ горы, зачинщикъ всякаго безпорядка, переносишь табакъ изъ Венгріи, колотишь надсмотрщиковъ и еще кое-что иное прочее.

Антонъ.

Подлецъ! развяжи мнѣ руки, и тогда скажи это мнѣ!

Прокопій.

Вишь дурака нашелъ! развѣ я рѣхнулся?

Антонъ *(горестно).*

Матушка! я такъ любилъ тебя, а ты . . . ты обезоружила меня, усыпила на своихъ колѣняхъ, и спящаго предала въ руки злодѣевъ!

Мареа *(рыдая).*

Ахъ, я несчастная!

Прокопій.

Ну, полно слушать ихъ росказни, — ведите его!

Мароа (*бросается на шею сына въ изступленіи*).

Нѣтъ! изъ моихъ объятій вы и зубами не вырвете его!... Развѣ забыли вы, что я носила его подъ сердцемъ, что онъ два года лелѣялся у груди моей, что безъ него нѣтъ мнѣ ни дня Божія, ни жизни! Приступите, оторвите его отъ меня. Я, какъ медвѣдица, вцѣплюсь въ васъ когтями! О! да будете вы прокляты, если... Пустите его! прочь отсюда!

Прокопій.

Сама ты прочь поди! Къ чорту, безтолковая баба! Простись съ нимъ: онъ уже не твой теперь!

Мароа.

Онъ не мой? Твоя-ли это рука, которая отрываетъ меня отъ сына? Твой-ли это языкъ, которымъ клевещешь? — Дитя мое ненаглядное! держись за меня крѣпче! держись такъ, какъ тогда, какъ лежалъ у моего сердца. Пусть повлекутъ они насъ вмѣстѣ... На бѣломъ свѣтѣ еще не сгибла правда; есть старшіе и надъ этими злодѣями!.. (*указывая на стрѣльцевъ*) Это собаки, а тамъ можетъ-быть, найдутся и люди... они поймутъ стонъ матери!

Прокопій (*съ бѣшенствомъ*).

Да уймешься-ли ты, старая чертовка? Прочь! оставь его! говорю я тебѣ. (*старается оттащить ее отъ Антона, но видя безполезность борьбы, схватываетъ ее*

за волосы; Марѳа падаетъ; онъ отталкиваетъ ее ногою). Что-жъ вы рты-то разинули? ведите его скорѣе!

Антонъ *(въ отчаяніи).*

Да, ведите, ведите меня! Теперь я вашъ! — Прости, бѣдная мать моя! Прости, и жди меня! *(Прокопію)* Но и ты жди меня, бездѣльникъ! Къ тебѣ я ворочусь непремѣнно! *(уходятъ).*

Марѳа *(поднявшись съ земли, остается на колѣняхъ и смотритъ вокругъ).*

Какъ здѣсь темно! Какъ страшно здѣсь! . . . Что здѣсь случилось? *(стараясь припомнить)* Да! взяли . . . увели его! Не побѣжать-ли мнѣ? Не отнять-ли мнѣ его? Нельзя! нельзя! Что-жъ? Побѣгу къ старшимъ, закричу имъ: отдайте мнѣ сына! Закричу такъ, чтобы крикъ матери услышалъ Богъ въ раю Своемъ, и смягчилъ-бы сердца ихъ! Нѣтъ! и то напрасно! Они только себѣ добра желаютъ? . . . Проклятая жизнь! На что ты мнѣ теперь? И я сама предала его! . . . О, неужели нѣтъ никого, кто раздавилъ-бы, кто задушилъ-бы мать, загубившую сына? . . . О, сжальтесь надо мною, убейте меня! *(падаетъ).*

Пракседа *(вбѣгая).*

Матушка! матушка! что я слышала! гдѣ они? . . .

Марѳа *(поднимая голову).*

Теперь только пожаловала? Прежде надобно было придти и защитить его, бѣднаго; подать ему топоръ на разбойниковъ; зубами разорвать его веревки. Теперь поздно! Его взяли въ рекруты! повели! слышишь-ли? въ рекруты!

Пракседа (*сплеснувъ руками*).

Ахъ, я несчастная!

Марѳа (*встаетъ*).

Да, теперь такъ и несчастная! А зачѣмъ-же ты около корчмы-то вертѣлась? Плясала, хлопотала изъ за-похвалы своей ловкости; плясала тогда, какъ изъ рукъ матери вырвали сына, твоего жениха! Найдешь-ли другаго, ему подобнаго? говори! . . . да, найдешь, хоть не такого, а все таки найдешь . . . Только у матери онъ былъ одинъ, единственный.

Пракседа (*рѣшительно*).

Перестаньте, матушка! не плачьте; участь наша одинакова, но силы наши не равны . . . Я пойду искать его, найду, возвращу вамъ. Да накажетъ меня Господь, если вплету хотя одну ленточку въ волосы, если хотя одна бисеринка украситъ мою шею, хотя одно зернышко соли будетъ во рту моемъ, пока не найду и не приведу къ вамъ Антона.

Марѳа (*цѣлуя ее*).

Пракседа! голубушка моя! красавица! чернобровая! . . . О, бѣги, бѣги! . . . Отними у нихъ его, или, знаешь . . . подкрадься къ нему тайкомъ, развяжи только веревки его, и ты увидишь какъ разлѣтятся по скаламъ черепы злодѣевъ его! (*опомнившись*). Охъ, Боже праведный! Какъ здѣсь все кружится! . . . Нѣтъ, Пракседа, нѣтъ! все пропало, все! Теперь одна ты мнѣ осталась; теперь ты мое послѣднее, мое единственное дитя.

Пракседа (*плачетъ*).

Какъ-же случилось это матушка!

МАРѲА.

Вотъ какъ, душа моя. Онъ сѣлъ здѣсь на скамейкѣ, я возлѣ него, вотъ здѣсь. Я сама взяла у него пистолеты, отодвинула на̀ сторону топоръ, и уложила голову Антона на своихъ колѣняхъ. Ему хорошо, покойно было на колѣняхъ матери; и, утомленный, онъ заснулъ. Въ тоже время они, какъ дикія кошки, подкрались тихо, нечаянно напали на насъ и схватили моего орла. (*плачетъ*).

МАКСИМЪ (*входя*).

Эхъ, матушка, тяжело твое горе, но слезами не пособить ему.

МАРѲА.

Это вы, кумъ? . . . взяли его! . . .

МАКСИМЪ.

Знаю, матушка, знаю. Я видѣлъ, какъ они торопились; на̀скоро сковали его, и на плоту потащили въ Куты.

МАРѲА.

Сковали! моего Антона сковали! . . . Нѣтъ, это неправда! Пустите меня! я сама пойду!

МАКСИМЪ.

Куда? зачѣмъ? Богъ съ тобою, кума! Что ты затѣваешь? . . . Теперь они ужъ далеко, и вѣрно, сегодня же будутъ въ городѣ. Черемошъ выступилъ изъ береговъ, шумитъ, волнуется, — онъ быстро помчалъ твоего сына. Старуха! не тебѣ нагнать бурныя волны его. Да, не остановишь ты рѣки своими мольбами; жалобы твои не заставятъ людей расковать твоего сына.

Пракседа.

Матушка, и ты, дядюшка! Послушайте, что я вамъ скажу: я молода, неопытна; кромѣ зеленыхъ горъ да голубаго неба ничего еще не видала я на бѣломъ свѣтѣ,— но я такъ горячо люблю Антона, а потому и совѣтъ мой на выручку его пригодится вамъ. Чего не достанетъ головѣ, то добавитъ сердце; и сердце это полно: въ немъ любовь, въ немъ отвага, въ немъ необходимость воротить Антона, или умереть. Матушка! Я поклялась тебѣ воротить его, и сдѣлаю это, только пустите меня, и не говорите никому, куда пошла я. Скажите, что я побѣжала въ горы, бросилась со скалы и размозжила себѣ черепъ; люди повѣрятъ всему: они знаютъ, чего стоитъ потерять Антона. Я пойду, куда поведетъ меня сердце. Широка земля Нѣмецкая — знаю; но у меня здоровыя ноги и быстрые глаза — я найду Антона и приведу его къ тебѣ, матушка.

Марѳа.

Бѣги, бѣги, пока они не увели его далеко.

Максимъ.

Вишь, то-то и оно — молодо — зелено! Послушай-ка, Пракседушка, меня старика. Вѣрю, сердце у тебя прекрасное; да вотъ тутъ плохо; «пойду, сыщу его!» да знаешь-ли ты, сколько у нихъ земли; куда пошлютъ Антона на службу, и какимъ языкомъ говорятъ тамъ, гдѣ будетъ онъ тосковать по матери и по тебѣ? Знаешь-ли ты сколько у нихъ подъ ружьемъ людей? Какъ найдешь одного между сотнями тысячъ? Эхъ, дурочка, дурочка! Пойдешь и сгинешь; ноги отходишь, глаза высмотришь, и все по

пусту. А задумала ты дѣло; только пойдемъ вмѣстѣ: я вдоль и поперегъ прошелъ Нѣмецкую землю, и смѣкаю, какъ въ арміи найти солдата.

Марѳа *(садится)*.

Да наградитъ васъ Богъ! . . . Я такъ ослабѣла, что не могу и добрымъ словомъ поблагодарить васъ.

Пракседа.

Ты за правду хочешь идти со мною?

Максимъ.

Развѣ я когда нибудь обманывалъ тебя?

Пракседа *(обнимая его)*.

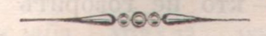
Дядюшка! миленькій! поскорѣй же! пойдемъ поскорѣй!

Максимъ.

Хоть нынче-же, хоть сей-часъ пойдемъ, моя черноглазая! Прощай, кума; положись на Бога, и жди насъ — воротимся.

Пракседа *(упавъ къ ногамъ Марѳы)*.

Матушка! благослови меня! *(Марѳа кладетъ руку на голову Пракседы; занавѣсъ опускается)*.

ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

(Открытое мѣсто въ деревнѣ, между горами, при источникѣ, изъ котораго берутъ воду. Анна съ ведрами въ рукахъ, съ нею маленькая дочь ея; Марѳа сидитъ на землѣ, закрывъ лице руками).

Анна (*дѣвочкѣ*).

Чего-же ты хочешь?

Дѣвочка.

Отецъ пріѣдетъ сегодня?

Анна.

Непремѣнно сегодня, душенька.

Дѣвочка.

А привезетъ-ли онъ мнѣ что нибудь?

Анна.

Привезетъ, только дай Богъ, чтобы онъ воротился.

Марѳа (*угрюмо*)

Да, дай Богъ — кто не говоритъ этого? но не всякъ возвращается, кто покинулъ домъ свой.

Анна.

Зачѣмъ ты пугаешь меня, старушка?

Марѳа.

Ты жена стрѣльца Прокопія, а эта дѣвочка—дочь твоя?

Анна (*ставитъ ведра и прижимаетъ къ себѣ дочь*).

Моя—но зачѣмъ ты спрашиваешь?

Марѳа.

Зачѣмъ?—Послушай, привяжи ей камень на шею, да брось ее въ воду.

Дѣвочка.

Матушка! посмотри, какая она страшная!

Анна.

Злая старушка! что сдѣлало тебѣ это дитя?

Марѳа.

Ничего; отъ того-то я и желаю ему добра.

Анна.

Хорошо твое добро! желаешь, чтобъ я утопила дочь свою.

Марѳа.

А отъ чего-бы и не такъ? Взгляни на меня! всмотрись хорошенько въ изсохшее и блѣдное лице мое, — знаешь-ли отъ чего оно таково? отъ голода. Видишь-ли впалые и опухлые глаза мои? Горькія, ѣдкія слезы погубили ихъ . . . А мое черное оборванное платье — его некому ни вымыть, ни починить . . . Я слаба, дряхла, работницы нанять не на-что, а дѣтей у меня нѣтъ . . . Я одна-одинехонька на бѣломъ свѣтѣ! . . . Я сижу здѣсь, возлѣ дороги, и жду, не подастъ-ли мнѣ добрый человѣкъ кусокъ хлѣба,—рабо-

тать не могу, а за меня работать некому... Вотъ и теперь сижу, поджидаю, авось кто нибудь изъ милосердія напоитъ меня... Принести воды не въ силахъ, а услужить некому — я одна, одна на свѣтѣ. Не лучше-ли было-бы, еслибъ мать привязала мнѣ камень на шею и бросила меня въ воду?

Дѣвочка.

Матушка! какая она бѣдная!...

Анна.

Молчи, дитя мое!

Марѳа.

Вотъ такъ будетъ и съ твоею дочерью. Она теперь мала еще; отъ того-то и весела и счастлива, — видишь, она протягиваетъ къ тебѣ свои рученки, смѣется безпечно, радостно. — Если порою и плачетъ она, но сердце не болитъ у ней, — на немъ не лежитъ еще никакое горе. Но придетъ время, она выростетъ, протянетъ руки, не къ тебѣ, а къ молодцу, котораго полюбитъ она — и вотъ ты благословишь ее, позовешь въ Воскресенье Священника и сватовъ — соберутся дружки, уберутъ невѣсту, расплетутъ ея волосы, и въ тоже время придетъ такой злодѣй, какъ твой мужъ, схватитъ жениха, окуетъ цѣпями, и потащитъ въ рекруты!... Что-жъ? Какъ ты думаешь, не скажетъ-ли тогда дочь твоя: «Матушка! зачѣмъ ты не привязала мнѣ камня на шею, когда я была еще ребенкомъ?»

Анна *(плачетъ)*.

Ахъ, перестань, Марѳа! ради Бога, перестань!

Марѳа.

Пусть даже дочь твоя сдѣлается матерью; статься можетъ, Богъ пошлетъ ей сына; — она выкормитъ его молокомъ своимъ, выкупаетъ въ своихъ слезахъ, согрѣетъ своимъ дыханіемъ, своею душею. Сынъ ея выростетъ, сдѣлается красою Карпатъ, гордостію деревни, отрадой и подпорой дряхлой матери, — что-жъ? придетъ такой злодѣй, какъ твой мужъ, схватитъ молодца; скуетъ его, оторветъ отчаянную мать отъ ея дѣтища; толкнетъ ее, бросить на землю, и потомъ оставитъ сиротою, безъ помощи, безъ насущнаго хлѣба, безъ капли воды, оставитъ одну, одну въ цѣломъ свѣтѣ, — какъ ты думаешь? Не станетъ-ли дочь твоя проклинать тебя за то, что ты не привязала ей камня на шею и не бросила въ воду?

Дѣвочка.

Матушка! уйдемъ-те отсюда.

Анна.

Марѳа, Марѳа! да проститъ тебѣ Богъ, что ты такъ страшно раздираешь мою душу!

Марѳа *(поднимаясь)*.

Я раздираю твою душу? — А кто же растерзалъ мнѣ мою? Кто кровью залилъ мое сердце?.. . Развѣ вы не стоите моего проклятія? да падетъ оно на васъ: жена разбойника Прокопія! будь вдовою, а дѣти твои пусть останутся сиротами, безъ рубашки, безъ хлѣба, безъ крова!

Анна *(въ ужасѣ хватаетъ ведра и дочь).*

Страшно! . . Уйдемъ, дитя мое, уйдемъ! . .

Марѳа *(идетъ за нею).*

Бѣги, бѣги домой! найди тамъ пожаръ, найди язву въ стадѣ своемъ и трупъ на постелѣ своей! *(уходитъ).*

І. В. Корженёвскій.

Харьковъ.